Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
"Российский универитет транспорта (МИИТ)"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 3(68)

Май - Июнь

Москва
2018

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:
Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н.,профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. №3 (68). – 149 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ве-дущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестацион-ной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образо-вания, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Lilija Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2017. – Edition 3(68). – 149 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT - MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культуроло-гии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Шувакович Урош Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.	Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России
Нарбут Н.П	Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
Смолин О.Н.	Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ
Сосунова И.А.	Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
Чупров В.И.	Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Феде-рации
Шабров О.Ф	Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A. — Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N. — Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S. — Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS

Kulashik Peter — Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Lebedev S.N. — Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature

Shuvakovich Urosh — Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

Marshak A.L. — Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V. Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P. Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N. Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A. Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Chuprov V.I. Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation

Shabrov O.F. Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ГОНТАРЕНКО Н.Н.
ПОЖАРОВ Ю.П.
УЗУНОВ В.В. Факторы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на Юге России.....12

СЕМЧЕНКОВ А. С.
НЕСОЛЕНАЯ А. К. Противодействие политической дестабилизации в Интернет-пространстве КНР.....20

ФИЛОНЕНКО М.В. К вопросу о месте парламента в политических системах демократического общества.....29

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

ПОПРАВКО Д.А. Феномен бедности как объект социологического исследования.....38

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПАНТЕЛЕЕВ В.Г.
АСЛАНОВ Я.А.
ЧЕМЕРИСОВА Н.В. Этническая идентичность и политическая активность в Ростовской области.....45

ПАНФИЛОВА Ю.С.
МАРЕЕВ В.И.
СУРКОВА И. В. Социальное самочувствие как фактор восприятия межэтнических отношений в полиэтничном регионе (на материалах Ростовской области).....59

ЧИКАРОВА Г.И.
МАРЕЕВ В.И.
ДЮЖИКОВ С.А. Этнический компонент многоуровневой идентичности населения регионов Юга России.....70

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

ГОЛОВИН Ю.А.
ШАМАТОНОВА Г.Л. Гражданская активность молодёжи в современной России: состояние и тенденции развития.....79

РОЖКОВА Л.В.
ДУБИНА А.Ш.
ГОЛУБЕВ И.А.
Социокультурные особенности социального потенциала молодежи.....88

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

ТЕРПУГОВ А.А.
ЖУКОВА Т.А.
Кинематограф в аспекте социологии: Pro et Contra.....100

НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

КРАВЧЕНКО С.А.
ГОЛОУХОВА Д. В.
БУЗЫКИНА Е. А.
БАБИЧЕВ М.А.
Новейшая социологическая терминология в работах З. Баумана.....110

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КАПТО А.С.
Этика социального работника.....121

РАЗИНКОВА О.И.
Коммуникативные практики в семье как фактор становления дискурсивной компетенции ребенка.....130

КОНФЕРЕНЦИИ

ВОРОПАЕВА А.В.
КОРОСТЕЛЕВА Л.Ю.
Круглый стол Гуманитарного института РУТ (МИИТ) на тему: «50-летие Института социологии РАН».....136

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....143

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....145

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

GONTARENKO N. N.
POZHAROV Y.P.
UZUNOV V.V.
Factors of implementation of Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period 2025 in the South of Russia.....12

SEMCHENKOV A. S.
NESOLENAYA A. K.
Counteraction to the political destabilization in the Internet space of People Republic of China.....20

FILONENKO M. V.
To the question of the place of parliament in the political system of a democratic society.....29

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

POPRAVKO D.A.
The phenomenon of poverty as an object of sociological research.....38

REGIONAL SOCIOLOGY

PANTELEEV V. G.
ASLANOV Y. A.
CHEMERISOVA N.V.
Ethnic identity and political activity in Rostov region.....45

PANFILOVA Y. S.
MAREYEV V.I.
SURKOVA I.V.
Social well-being as the factor of perception of the interethnic relations in the polietnichny region (on materials of the Rostov region).....59

CHIKAROVA G.I.
MAREYEV V.I.
DYUZHIKOV S.A.
Ethnic component of multi-level identity of the population of the regions of Southern Russia.....70

SOCIOLOGY OF YOUTH

GOLOVIN Y.A.
SHAMATONOVA G.
Civil activity of youth in modern Russia: the state and development trends.....79

ROZHKOVA L. V.
DUBINA A. S.
GOLUBEV I. A.
Socio-cultural characteristics of social potential of youth.....88

CULTURAL PRACTICES

TERPUGOV A.A.
ZHUKOVA T.A.
The cinematography in the aspect of sociology: pro et contra.....100

A NEW SOCIOLOGICAL VOCABULARY

KRAVCHENKO S.A.
GOLOUKHOVA D.V.
BUZYKINA E.
BABICHEV M.A.
The newest sociological terminology in Z. Bauman's works.....110

POINT OF VIEW

KAPTO A.S.
Social worker's ethics.....121

RAZINKOVA O.I.
Features of Russian family education as a condition for socialization of the child 130

CONFERENCES

VOROPAEVA A.B.
KOROSTELEVA L.Y.
Round table of the Ruth Institute for Humanities (MIIT) on the theme: «50th anniversary of the Institute of sociolo gy».....136

CONFERENCE. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....143

RULES OF PUBLICATION.....147

ГОНТАРЕНКО
Надежда Николаевна
магистрант
Института социологии
и регионоведения
Южного федерального
университета,
младший научный
сотрудник Южнороссийского
филиала ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия
nng.magistr2017@mail.ru

GONTARENKO
Nadezhda Nikolaevna
graduate student, Institute of
sociology and regional studies,
Southern Federal University,
junior research worker of South
Russian Branch of FCTAS
RAS,
Rostov-on-Don, Russia
nng.magistr2017@mail.ru

ПОЖАРОВ
Юрий Павлович кандидат
философских наук,
проректор по развитию
инфраструктуры
Южного федерального
университета,
Ростов-на-Дону,Россия
pozharov@sfedu.ru

POZHAROV
Yuri Pavlovich
candidate of Philosophy,
Vice-Rector for Infrastructure
Development, Senior Lecturer
of the Academy of Architecture
and Arts of the Southern
Federal University, Rostov-on-
Don, Russia
pozharov@sfedu.ru

УЗУНОВ
Владимир Владимирович
доктор наук
государственного
управления, директор
Крымского филиала ФНИСЦ
РАН, Симферополь, Россия
vladimir.uzunov@mail.ru

UZUNOV
Vladimir Vladimirovich
Doctor of Science in Public
Administration, Director of the
Crimean Branch of FCTAS
RAS,
Simferopol, Russia
vladimir.uzunov@mail.ru

Факторы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на Юге России/Factors of implementation of Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period 2025 in the South of Russia

Аннотация

В статье будут рассмотрены основные факторы, влияющие на реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года в южнороссийском пространстве. Непосредственно предметом анализа будут выступать особенности Юга России как полиэтничного и поликонфессионального региона, через призму которых происходит ее реализация. Особое внимание будет уделено региональным институциональным практикам ее реализации и оценке ее эффективности.

Ключевые слова

Межэтническое взаимодействие; стратегия национальной политики; межэтнические конфликты; Юг России.

Abstract

The article will discuss the main factors influencing the implementation of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period to 2025 in the South Russian space. The specific features of the South of Russia as a multi-ethnic and multi-confessional region, through the prism of which its implementation takes place, will be the subject of the analysis. Special attention will be paid to regional institutional practices of its implementation and evaluation.

Keywords

Interethnic cooperation; strategy of national policy; interethnic conflicts; South of Russia.

В фокусе внимания Правительства Российской Федерации, на федеральном и региональном уровнях, постоянно находятся вопросы национальной политики и межэтнического взаимодействия. Так, 7 мая 2012 г. Президент России В. Путин подписал Указ «Об обеспечении межнационального согласия», направленный на: 1. гармонизацию межнациональных отношений, 2. укрепление единства мультинационального народа Российской Федерации, 3. обеспечение условий для его правомочного развития. В рамках созданного в 2012 году президентского Совета по межнациональным отношениям, была образована рабочая группа с целью разработки проекта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия ГНП). В нее были включены видные деятели академического сообщества, изучающие межэтнические взаимоотношения, представители государственных органов власти и национально-культурных автономий. Среди них: академик В. Тишков, доктор философских наук Р. Абдулатипов, доктор политических наук Л. Дробижева. Было организовано масштабное обсуждение проекта Стратегии ГНП с заинтересованностью всех субъектов Российской Федерации, Общественной палаты, Русской православной церкви, общественных объединений, Государственной думы и Совета Федерации. Поэтому важно отметить, что рассматриваемая нами Стратегия ГНП в полной мере – акт социального согласия.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия ГНП) была принята 19 декабря 2012 г.[1] и вслед за этим последовала разработка Плана мероприятий по ее реализации, включая их финансирование.[2] В настоящее время, в прошествии более пяти лет после утверждения Стратегии ГНП, требуется выявление факторов ее реализации на Юге России, который является полиэтничным и поликонфессиональным регионом со сложной социальной структурой и одним из основных центров развития межэтнической конфликтности в стране.

Обзор литературы по тематике показал, что предлагаются различные сценарные прогнозы перспектив развития этносоциальных процессов на Юге России в контексте реализации Стратегии ГНП. Большинство экспертов уверены, что «...в обозримом будущем нет объективных причин для эскалации межэтнической напряженности на Юге России…» и что «…в регионе нет оснований для обострения межнациональных отношений...»[3]. Отсутствие оснований для обострения межнациональных конфликтов в регионах Юга РФ подтверждается данными социологического опроса ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2017 году в Ростовской области, где ситуация в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений в регионе за последние 25 лет, по мнению большинства респондентов (53,1%) значительно улучшилась, большинство жителей Юга РФ также высоко оценили положительную тенденцию в межэтническом взаимодействии по всей России – 67,7%. В тоже время, до 2014 года (начало кризиса на Украине), противоречиво выглядела ситуация на общегосударственном уровне, где не было изменений к лучшему в готовности к диалогу с людьми другой национальности. Отрицательное отношение в разных видах контактов варьировались в 1994-2010 г.г. в пределах 22-43%, а к 2014 году – от 29 до 47% от общего числа опрошенных[4]. В 2016 году на заседании Совета по межнациональным отношениям, посвященного обсуждению актуальных вопросов реализации Стратегии государственной национальной политики РФ в период до 2025 года, которое прошло в Астрахани, было сказано, что, по данным соцопросов, положение в области межэтнических отношений в России постепенно улучшается. Так, «…на сегодня почти 80% граждан РФ оценивают отношения между людьми разных национальностей как доброжелательные или нормальные, притом, что несколько лет назад

1 Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 602 ««Об обеспечении межнационального согласия» // [Электронный документ] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35266

2 Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 “О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025» // [Электронный документ] URL: https://zakonbase.ru/content/part/1293590

3 Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». [Электронный документ] URL: http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf

4 Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ляушева С.А. Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. №5. С. 23.

такую точку зрения разделяли лишь 55% россиян…»[1]. необходимо также добавить, что вопрос оценки эффективности реализации данной Стратегии на Юге России в научной литературе остается дискурсивным. Так, по мнению, ведущего научного сотрудника Северо-Кавказского научного центра А.З. Адиева[2] и кандидата политических наук Н.М. Морозовой[3], оценку невозможно произвести, вследствие отсутствия на федеральном уровне единых критериев эффективности и индикаторов, по которым следует определять ее воздействие в регионах. Другое мнение у кандидата юридических наук М.В. Глигич-Золотаревой[3], считающая, что отсутствие возможности назвать реализацию Стратегии ГНП эффективной или неэффективной, связано не с наличием необходимых индикаторов, а с фактором неурегулированности вопросов разграничения полномочий между уровнями власти, выступающими основными акторами ее реализации.

В самом тексте Стратегии ГНП признается наличие нерешенных проблем в сфере межнациональных отношений, проявлений ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма. В связи с этим, большое значение в ней же придается российской нации как «...сообществу граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою историко-культурную и гражданскую общность, политико-правовую связь с российским государством (согражданство)...», характеризуемое особым стремлением и способностью «…к уважению самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их…»[4]. Выбор данных приоритетов вполне объясняется контекстом обеспечения национальной безопасности и предупреждением межнациональных конфликтов.

Согласно тексту Стратегии ГНП РФ, на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений в стране влияет, прежде всего, такой негативный фактор, как высокий уровень общественного и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации. Кроме того, отрицательно сказываются и современные территориальные дискуссии, и конфликты, связанные с многократными преобразованиями административных границ в

---

1 Зорин В.Ю. Экономические факторы гармонизации национальных и межэтнических отношений в современной России. [Электронный ресурс]. URL: http://fond-sblizhenie.ru/v-zorin-ekonomicheskie-faktory-garmonizacii-nacionalnyx-i-mezhetnicheskix-otnoshenij-v-sovremennoj-rossii/

2 Путин: межнациональное согласие – важнейшее условие существования России. [Электронный ресурс]. URL: http://vestikavkaza.ru/news/Vladimir-Putin-mezhnatsionalnoe-soglasie-vazhneyshee-uslovie-sushchestvovaniya-Rossii.html

3 Адиев А.З. Методология оценки эффективности государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2013. № 3–4. С. 107–121.

4 Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации: дисс ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Морозова Наталья Михайловна; [Место защиты: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. - Нижний Новгород, 2013.- 305 с.

СССР, репрессиями и депортациями в отношении некоторых народов. Помимо этого, мешают проведению эффективной государственной национальной политики такое явление как коррупция, изъяны правоохранительных органов, недоверие граждан к органам власти и управления, необъективность некоторых их представителей к методам и вариациям самовыражения отдельных национальностей.

Как свидетельствует анализ научной литературы, на реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года в регионах Юга России, влияют такие факторы, как высокий уровень социального и имущественного неравенства, и современные территориальные споры, и конфликты. Кроме того, существует недостаточность как эффективной информационной политики по формированию объединяющей национальной идеи, так и невнимательность в институциональной деятельности к негосударственным акторам реализации Стратегии ГНП в регионе.

Так, по оценке Министерства экономического развития России, по показателю комплексной оценки социально-экономического развития субъектов РФ – уровень развития регионов Юга РФ в конце 2017 года показал, что Северная Осетия на 34 месте, Ростовская область занимает 48 место, а Чеченская Республика находится в конце списка – на 68 месте[1]. Все эти показатели дают нам понимание того, что регионы Юга России, занимающие верхние места в списке, имеют больше удовлетворенности условиями жизни населением, следовательно, межэтническая напряженность там значительно ниже.

Однако, административные единицы, входящие в Юг России, представляют собой регионы с изменяющейся конфигурацией этнического и конфессионального состава населения, «... что характеризует данные территории, как зоны потенциальных политических и этнических конфликтов...»[2], связанные, как и с неоднократными произвольными изменениями административных границ в СССР, так и с не решенными последствиями осетино-ингушского конфликта, периодически напоминающем о себе в Чечне и Дагестане – международном терроризме, проявлением межэтнических противоречий, связанных с земельным вопросом в Кабардино-Балкарии, нерешенностью проблемы турок-месхетинцев в Краснодарском крае и т. д.

Особо остро чувствуется надобность южнороссийского общества в эффективной информационной политики в контексте Стратегии ГНП, с целью формирования объединяющей национальной идеи, позволяющей сохранить безопасность данного многоэтничного и межконфессионального региона. В противном случае, общественные

1 Глигич-Золотарева М.В. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления при реализации целей и задач национальной политики. Аналитический вестник № 31 (549). М, 2014. С. 15-24.

2 Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 “О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025» // [Электронный документ] URL: https://zakonbase.ru/content/part/1293590

интересы получат либо прагматичный характер, либо превратится в агрессивный национализм. Установление же авторитарности и архаизация социально-политических и экономических отношений в регионах Юга России в контексте столкновения межэтнических интересов может «...обеспечить устойчивое формирование гражданской идентичности, обеспечить общественную региональную безопасность и перспективное демократическое развитие...». Установки необходимого общественного сознания формируются через такие каналы информации, как телевидение и Интернет, особая роль принадлежит социальным сетям; важная роль у региональных печатных СМИ и у межличностного общения, «...в которое включается вся коммуникативная среда, в которой находится человек; радио и семья; лидеры общественного мнения (президент, глава правительства и др.)...». Необходимо добавить, что в формировании позитивного пространства межэтнического взаимодействия регионов Юга России, выступает необходимость создания культуры диалога в этносоциальном пространстве региона, посредством «...осознания ценности межэтнического общения для всех народов и значимости понимания и принятия традиций, культурных особенностей различных народов Юга России как субъектов межэтнического общения...».

Реализация Стратегии ГНП РФ в регионах Юга России осуществляется посредством созданных при органах федеральной государственной власти – Общественных советов, которые становятся эффективным профилактическим механизмом по противодействию этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму, «... информируя органы государственной власти об этнической ситуации в стране, регионе, территории, разрабатывая рекомендации по профилактике проявлений экстремизма...»[1]. На локальном уровне, в субъектах Юга Российской Федерации, действуют консультативные советы по межэтнических отношениям или взаимодействию с национально-культурными организациями. Например, активно действуют в этом плане созданные при Президенте Республики Дагестан – Совет старейшин, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, Координационный центр по проблемам формирования гражданского общества. В 2013 году, в целях повышения эффективности гармонизации межэтнического взаимодействия в контексте Стратегии, так и с целью усовершенствования научно-практического осмысления современного состояния межнациональных отношений был сформирован Распределенный научный центр (РНЦ) межнациональных и межконфессиональных проблем под руководством академика В.А. Тишкова. Главными задачами которого стали наблюдение, экспертная оценка и моделирование состояния межэтнических, этноконфессиональных отношений в трех федеральных округах: Северо-Кавказском, Южном и Приволжском.

1 Рейтинг регионов России. [Электронный ресурс]. URL: http://delovoydonbass.ru/news/issledovaniya/the_rating_of_regions_of_russia/

Также, на базе Российского государственного гуманитарного университета был сформирован Центр координации и обобщения данных мониторинга[1]. В тоже время, в такой широкой федеральной институциональной деятельности по реализации Стратегии ГНП в регионе, не учитывается такой институт гражданского общества – как НКО, некоммерческие организации, работающие в сфере межнационального сотрудничества, сохранения и защиты культуры и традиций, а также социальной адаптации мигрантов. Назрела и необходимость в профильных специалистах по межэтническим и межконфессиональным отношениям, ведь как упомянул Президент Путин: «…России нужны не только религиозные, но и светские люди, которые разбираются в проблемах и могут донести до всех слоев общества свое понимание того, что в этой сфере происходит и что достойно нашей поддержки…»[2].

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена значимостью межэтнического согласия и гражданского единства не только на федеральном, но и на региональном уровне. В результате проведенного анализа научной литературы, нами было установлено, что на Юге РФ проводится наиболее активная реализация Стратегии ГНП, так как сам регион выступает зоной конфликтной эскалации с социальным и экономическим неравенством его субъектов, нерешенностью последствий конфликтов и неумного проведения границ и требует к себе повышенное внимание на государственном уровне. Существует необходимость использовать институциональный потенциал не только на федеральном и региональном уровнях, но и уделить внимание НКО. Назрела и необходимость в профессионалах, способных повлиять на процессы гражданского единения. Для реализации Стратегии ГНП в южнороссийском регионе, необходимо создание информационного поля, основанного на объединяющей этносы идее, посредством высокого уровня влияния средств массовой информации. Также одним из главных вопросов в реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в регионе является разработка на федеральном уровне критериев оценки ее эффективности.

Библиография

1. Верещагина А.В. Потенциал культуры межэтнического общения в процессе регуляции межэтнической напряженности на Юге России // Этносоциальные процессы и риски на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию АГУ (25-26 сентября 2015 г., г. Майкоп) / отв. ред. Р.Д. Хунагов.

1 Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ляушева С.А. Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. №5. С. 18.

2 Юрченко В.М. Герасимов И.А. О проблемах национальной безопасности, предупреждения межэтнических конфликтов в контексте проекта стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 395-397.

– Майкоп: редакционно-издательский отдел АГУ, 2015. С. 93-96.
2. Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ляушева С.А. Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. №5. С. 18-23.
3. Тишков В.А. О распределенном научном центре и исследовании проблем молодежи // Молодежь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. М. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. 2013. С. 4–5.
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025» // [Электронный документ] URL: https://zakonbase.ru/content/part/1293590 (дата обращения: 12.02.2018).

References

1. Vereshchagina A.V. Potential of culture of interethnic communication in the process of regulation of interethnic tension in the South of Russia [*Potencial kul'tury mezhehtnicheskogo obshcheniya v processe regulyacii mezhehtnicheskoj napryazhennosti na YUge Rossii*] // Ethnosocial processes and risks in the South of Russia: materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of ASU (September 25-26, 2015, Maykop) / edited by R. D. Khunagov. – Maykop: editorial and publishing Department of ASU, 2015. P. 93-96.
2. Zhade Z. A., Shadzhe A. Y., Lyausheva S. A. The state of ethnosocial processes and the level of interethnic tension in the South of Russia: expert opinion [*Sostoyanie ehtnosocial'nyh processov i uroven' mezhehtnicheskoj napryazhennosti na yuge Rossii: ehkspertnoe mnenie*] // Theory and practice of social development. 2016. No. 5. P. 18-23.
3. Tishkov V. A. About the distributed scientific center and research of problems of youth [*O raspredelennom nauchnom centre i issledovanii problem molodezhi*]// Youth in polyethnic regions of the southern Federal district. Expert report. M. – Rostov-on-Don: Publishing house of the southern Federal University. 2013. Pp. 4-5.
4. The decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 "On the strategy of state national policy of the Russian Federation for the period 2025" [*O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025*]// [Electronic document] URL: https://zakonbase.ru/content/part/1293590 (date accessed: 12.02.2018).

СЕМЧЕНКОВ
Андрей Сергеевич
доктор политических наук, профессор
Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия
andsem4@yandex.ru

НЕСОЛЕНАЯ
Алина Кирилловна
кандидат политических наук, доцент
Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия
nesolenay@mail.ru

SEMCHENKOV
Andrej Sergeevich
doctor of political sciences, professor of
of Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
andsem4@yandex.ru

NESOLENAYA
Alina Kirillovna
candidate of political sciences, associate professor of Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
nesolenay@mail.ru

Противодействие политической дестабилизации в Интернет-пространстве КНР / Counteraction to the political destabilization in the Internet space of People Republic of China

Аннотация

Подход КНР к противодействию политической дестабилизации в сети Интернет опирается на усиление контроля государства над активностью граждан и организаций в информационной сфере. Это предполагает контроль над доступом к сети Интернет и допуском к работе в ней, содержанием информации в ее китайском сегменте, а также защиту критической информационной инфраструктуры страны. Вместе с тем в данной, безусловно, весьма рациональной системе мер довольно значительна доля мер и действий запретительного и ограничительного характера, партийной агитации и пропаганды, которые в перспективе целесообразно отчасти заместить мерами формирования и управления общественным мнением на базе маркетинговых коммуникационных технологий, разработанными в западных странах, следующих адаптивной модели противодействия угрозам политической дестабилизации.

Ключевые слова

Интернет; Китай; консервативная модель; политическая дестабилизация.

Abstract

The People Republic of China's approach to counteracting political destabilization on the Internet relies on strengthening of state control over the activity of citizens and organizations in the information sphere. This

implies control over access to the Internet and admission to work in it, the content of information in its Chinese segment, as well as protecting the critical information infrastructure of the country. At the same time in this undoubtedly very rational system of measures there is a large part of measures and actions of prohibitive and restrictive nature, party agitation and propaganda, which in the long term should be expediently partially replaced by measures of construction and management of public opinion on the basis of marketing communication technologies developed in Western countries, following adaptive model of counteraction to threats of political destabilization.

Keywords

Internet; China; conservative practice; political destabilization.

Уровень политического развития во многом зависит от способности государства и общества обеспечить социально-политическую стабильность, устойчивость страны к внутренним и внешним кризисам. В связи с необходимостью купирования данного рода угроз, как уже отмечалось в одной из работ, сформировались адаптивная и консервативная модели (практики) противодействия политической дестабилизации, различающиеся между собой особенностями реагирования систем обеспечения национальной безопасности государств на данные угрозы. Адаптивная модель опирается, как правило, на высокий уровень социально-экономического развития придерживающихся ее государств — прежде всего, США и их союзников. Консервативная модель, напротив, присуща в основном развивающимся странам.

Для адаптивной модели свойственно превентивное использование технологий управления конфликтами, диалога с оппонентами, немаркетинговых и маркетинговых методов формирования и управления общественным мнением. Если данные средства оказываются неэффективными для сохранения социально-политической стабильности, то правительства западных стран могут прибегнуть и к более жестким, репрессивным способам разрешения общественных противоречий.

Консервативная модель отличается применением преимущественно немаркетинговых технологий формирования и управления общественным мнением (агитации и пропаганды), меньшим набором средств предотвращения, урегулирования конфликтов на их ранних стадиях, более ускоренным переходом к репрессивным технологиям и отказом от взаимодействия с радикальной оппозицией. Нередки случаи целенаправленного и недальновидного сохранения в этих странах политического и экономического неравенства, доминирования отдельных этнических, конфессиональных групп, ассимиляционных мер. Вместе с тем отдельные страны уделяют серьезное внимание системному формированию основ политической стабильности — социально-экономического благополучия, консенсуса

в обществе на базе исторических ценностей и недопущения духовных расколов, выверенного курса реформ.

На этом общем фоне наиболее продуманный курс на предупреждение угроз политической стабильности проводит КНР, лидерами которой учитываются недостатки консервативной модели.

Борьба с субъектами угроз политической стабильности в Китае реализуется силами охраны правопорядка министерств общественной и государственной безопасности, Народно-Освободительной Армией, Народной вооруженной милицией и Войсками народного ополчения, общественно-государственными организациями. Руководство этой деятельностью принадлежит Центральному комитету Коммунистической партии Китая, главе государства — Председателю КНР и специальным консультативным и координирующим органам — Центральному военному совету и Национальной комиссии по безопасности. Основные задачи по противодействию политической дестабилизации сформулированы во Всеобъемлющей концепции национальной безопасности КНР, где рассматриваются традиционные и нетрадиционные угрозы военной, социально-экономической, политической, информационной, экологической безопасности.

Для снижения уровня и нейтрализации внешних и трансграничных угроз политической дестабилизации руководство Китая стремится получить выгоду от участия в международных организациях по обеспечению региональной и коллективной безопасности (ШОС), а также от установления между государствами различных форм взаимозависимости в торгово-экономической сфере и реализации связывающих оппонентов, нейтральные страны и партнеров совместных проектов (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века). Выступая инициатором и финансовым донором этих проектов, КНР серьезно снижает вероятность формирования против себя союзов других государств и посягательств на свои границы и территории.

В целях борьбы с субъектами угроз стабильности правительством Китая осуществляются следующие меры: обеспечение безопасности городов, населенных пунктов, критической инфраструктуры; поддержание правопорядка; противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и деструктивным религиозным культам; охрана государственной границы, усиление пограничного, таможенного и миграционного контроля, надзор за перемещением людей и грузов внутри страны; введение режима чрезвычайного положения в «кризисных» районах.

Глубокое предупреждение политической дестабилизации в КНР опирается на концепцию построения «гармоничного общества», курс экономической и региональной политики по стимулированию социально-экономического развития отсталых провинций, транспортных, городских инфраструктур, свободных экономических зон, перераспределению финансовых средств от индустриальных

районов к дотационным территориям, проведение демографической, миграционной, образовательной, языковой, культурной, аграрной политики в интересах национальных меньшинств.

После прошедших в 2000-е гг. «цветных революций» руководством КНР был реализован комплекс мер противодействия им, предусматривавший: сохранение контроля над процессами формирования и управления общественным мнением в стране; запреты и ограничения деятельности печатных и электронных масс-медиа; совершенствование методов партийной пропаганды; подготовку к подавлению беспорядков в мегаполисах; усиление партийного контроля в армии. Однако эти меры не стали существенным препятствием для проведения «революции зонтиков», молодежных протестов с элементами цифрового активизма «Occupy Central with Love and Peace», состоявшихся в Гонконге в сентябре 2014 – июне 2015 гг. в связи с выборами главы городской администрации. Попытки прекратить протест привели лишь к росту (хотя и временному) числа его участников, мобилизованных с помощью мессенджера FireChat[1].

Деструктивное использование несистемной оппозицией, а также террористами и сепаратистами современных информационно-коммуникационных технологий побудило органы власти КНР выработать меры по противодействию политической дестабилизации в Интернет-пространстве. Решение данной задачи возлагается на центральные и местные органы власти, интернет-провайдеров и Китайское общество пользователей Интернета, которое разработало и приняло ряд конвенций о нераспространении неэтичной информации, блокировании вредоносных программ, блогосфере, борьбе с сетевыми вирусами, издательском праве в Сети и др.

Подход КНР к противодействию политической дестабилизации в сети Интернет также опирается на усиление контроля государства над активностью граждан и организаций в информационной сфере. Это предполагает контроль над доступом к сети Интернет и допуском к работе в ней, содержанием информации в ее китайском сегменте, а также защиту критической информационной инфраструктуры страны.

Контроль над доступом к Интернету осуществляется за счет разделения его китайского сегмента на несколько специализированных сетей в сфере научно-исследовательской (China Science and Technology Network), образовательной (China Education and Research Network) и коммерческой (China Net, Golden Bridge Network и др.) деятельности. Основная инфраструктура китайского сегмента Интернета состоит из девяти интернет-провайдеров, в ведении которых находятся все технические каналы, связывающие Китай с окружающим миром. Допуск к работе в Сети начинается с регистрации пользователя путем прохождения проверки в местном полицейском отделении и получения справки для провайдера.

1 См.: Семченков А.С. Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 101-118.

Интернет-провайдеры обязаны устанавливать специальные фильтры для блокирования доступа к сайтам криминального содержания, некоторым зарубежным, преимущественно западным, политическим ресурсам. За нарушение данных правил предусматривается лишение лицензии на предоставление услуг связи.

Тщательная проверка проводится и в отношении компаний, заинтересованных в подключении к Сети. Создание сайтов организациями предполагает получение лицензии Министерства промышленности и информатизации, что возможно лишь при наличии серьезного уставного капитала. Заявки на получение лицензий на радиовещание или потоковую трансляцию (видео) онлайн могут подавать только компании с государственным участием. Регистрация доменных имен в зоне .cn предполагает письменное заявление, в котором помимо персональных данных указывается номер лицензии предприятия на коммерческую деятельность. Вместе с тем система управления Интернетом в КНР предусматривает и более мягкие правила применительно к ученым, работникам масс-медиа, предпринимателям, иностранным инвесторам.

Китайский интернет-трафик фильтруется сложной системой файрволов, получившей название «Золотой щит», ограничивающей и блокирующей доступ к внешним ресурсам антикитайской направленности, а также обеспечивающей защиту от вирусов и хакеров. Иностранные компании, работающие в КНР, обязаны фильтровать трафик и блокировать распространение антиправительственной информации.

Контроль над контентом, осуществляемый органами власти и Китайским обществом пользователей Интернета, предполагает авторизацию комментариев, запрет на анонимное общение, обязательную регистрацию сайтов. Для того, чтобы вести свой блог или оставить сообщение на форуме, необходимо пройти обязательную регистрацию, указав свои подлинные имя, адрес и идентификационный номер, которые подлежат проверке.

С 1 марта 2015 г. введен запрет на использование аватаров, а также информации, содержащей нарушение законодательства, наносящей ущерб безопасности страны, раскрывающей сведения, относящиеся к государственной тайне и подрывающей политический строй и единство Китая. Борьба с распространением недостоверной и провокационной информации в сети Интернет также включает в себя ряд запретов: на прямое использование непроверенных и неподтвержденных сведений в социальных сетях и иных платформах; на слухи, догадки, домыслы, искаженные данные при подготовке новостных сообщений; на разжигание межнациональной розни и дискриминацию, призывы к экстремизму и терроризму. Нормативно-правовые акты КНР предписывают приведение интернет-сайтами в соответствие со стандартами процесса публикации сообщений в мобильных приложениях и социальных сетях, пресечение

противоречащих законам комментариев и репостов[1].

Наказанием за пересылку и публикацию гражданами секретных и антигосударственных материалов служат денежные штрафы, лишение юзеров полученных при регистрации баллов, удаление аккаунта и отказ в праве пользоваться Интернетом. Наказание автору ложного сообщения или сплетен, репост которых составил более 500 раз или ознакомление с которыми сделали более 5 тысяч человек, предусматривает срок лишения свободы до трех лет. Вводится надзор за содержанием онлайн-трансляций и потоковым видео, которые могут блокироваться, если несут угрозу безопасности.

В КНР весьма популярно ведение блогов и участие в социальных сетях, большая часть сообщений в которых пишется на китайском языке. Поскольку Facebook, Twitter, Livejournal и другие зарубежные социальные сервисы заблокированы, основной платформой для ведения блогов служат китайские ресурсы Sina Weibo, 51.com и Zhanzuo.com. Sina Weibo введены правила для пресечения распространения в ней подрывающих общественно-политическую стабильность слухов и призывов к акциям протеста, нелегальной деятельности, нарушению порядка путем создания незаконных объединений и проведения неразрешенных манифестаций и митингов. Нарушение данных правил влечет за собой штрафы и лишение баллов, начисленных пользователям (324 млн человек) при регистрации. Потеря всех баллов ведет к удалению аккаунтов пользователей[2].

Также введено новое требование для социальных медиаплатформ (типа сервисов WeChat и Weibo), предполагающее получение лицензий на передачу и показ аудиовизуального контента, а также лицензирование передаваемого контента в соответствии с государственными требованиями, что подразумевает запрет на новостные онлайн-трансляции, снимаемые пользователями. С 1 января 2017 г. операторы потокового видео (более 300 сайтов) обязаны запрашивать личные данные пользователей, ведущих трансляции, и вести их запись[3].

Интернет-регуляторами и пользователями реализуются мероприятия по противодействию зарубежной критике в адрес Китая. В ответ на негативные и недостоверные материалы о действиях правительства в Тибете и Синьцзяне китайские пользователи стали размещать на популярных в КНР интернет-порталах Sina.com и China.com ссылки на конкретные искажения с требованиями опровержения. Для этого также был создан специальный сайт Anti-CNN.com. Активная позиция китайских блогеров позволила добиться извинений

1 См.: Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вызов / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

2 Подробнее об этом см.: Глазунов О.Н. Китайская разведка. – М., 2008. – С. 191–195.

3 Подробнее об этом см.: Зюзин А. СМИ: демонстранты в Гонконге требуют отставки главы исполнительной власти [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС: [сайт]. URL: http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1479302 (дата обращения: 4.10.2016).

от некоторых западных средств массовой информации[1].

Критическая информационная инфраструктура КНР находится под суверенным управлением государства, и любой ущерб ее функционированию расценивается как угроза национальной безопасности Китая. Отражение кибернетических атак на критическую информационную инфраструктуру КНР осуществляется органами государственной безопасности, обеспечивающими защиту компьютерных и информационных систем. В Китае завершены разработка и тестирование принципиально новой системы обеспечения безопасности в китайском сегменте Интернета[2].

В целом, поддержание политической стабильности в Интернет-пространстве Китая носит системный характер и включает полный спектр функций обеспечения безопасности: профилактику, предупреждение, пресечение, нейтрализацию и ликвидацию традиционных и нетрадиционных угроз, их источников и субъектов. Вместе с тем в данной, безусловно, весьма рациональной системе мер довольно значительна доля мер и действий запретительного и ограничительного характера, партийной агитации и пропаганды, которые в перспективе целесообразно отчасти заместить мерами формирования и управления общественным мнением на базе маркетинговых коммуникационных технологий, разработанными в западных странах, следующих адаптивной модели противодействия угрозам политической дестабилизации.

Сопоставляя подходы КНР и России к противодействию угрозам политической стабильности в Интернет-пространстве в обеих странах, можно отметить ряд общих характеристик.

Как Китай, так и Россия рассматривают общественное мнение, идейно-ценностную и информационную сферу как тот системообразующий для общества элемент, контроль над которым позволяет предотвратить и нейтрализовать политическую дестабилизацию. В КНР проведена значительная работа по всесторонней регламентации поведения граждан и организаций в сети Интернет, и органы власти России присматриваются к этому опыту для его использования в нашей стране. Одинаково серьезно оба государства относятся и к обеспечению кибернетической безопасности, защите и суверенному контролю над своими критическими информационными инфраструктурами, достижению технологической независимости в этой сфере.

Однако при этом в китайском подходе весомый вклад в обеспечение политической стабильности вносят меры по запрету и серьезному ограничению политического поведения и высказываний

1 См.: Богданов Ю. Китай осознал опасность «цветных революций» и интернет-угроз [Электронный ресурс] // Взгляд: [сайт]. URL: http://vz.ru/world/2015/7/1/753860.html (дата обращения: 15.01.2017).

2 См.: Романова А. Даешь Интернет законный и мирный! В КНР ввели новую стратегию по кибербезопасности [Электронный ресурс] // Вести.RU: [сайт]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2837899 (дата обращения: 15.01.2017).

граждан, формируемого ими контента в социальных сетях, блогосфере и вообще в сети Интернет. Противодействие распространению деструктивной информации в КНР осуществляют, прежде всего, Коммунистическая партия, органы власти и под их руководством общественные организации. В России подобные ограничения имеют более узкую направленность и касаются контента, связанного с разжиганием межнациональной и межконфессиональной розни, экстремизмом и терроризмом[1]. Противодействие несистемной оппозиции в Интернете берут на себя преимущественно общественные организации, неформальные объединения граждан, а органы власти России непосредственно в этом не участвуют.

Однако, несмотря на имеющиеся различия, происходит сближение китайского и российского подходов, выражающееся в постепенном вытеснении силовых методов стабилизации внутриполитической обстановки методами формирования и управления общественным мнением на основе агитации, пропаганды и маркетинговых коммуникационных технологий.

Библиография

1. Глазунов О.Н. Китайская разведка.– М.: Алгоритм, 2008. – 256 с.

2. Ибрагимова Г.Р. Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 169 –184.

3. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вызов / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

4. Семченков А.С. Современные сценарии политической дестабилизации России // Международные отношения. 2013. № 3. С. 345-352.

5. Семченков А.С. Управление межгосударственными конфликтами в системе обеспечения национальной безопасности России. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 348 с.

6. Семченков А.С., Несоленая А.К. Исламистские организации в странах Центральной Азии и безопасность Экономического пояса Шелкового пути // Вестник Российской нации. 2018. № 1. С. 166 – 182.

References

1. Glazunov O.N. The Chinese intelligence [*Kitayskaya razvedka*]. – Moscow: Algorithm, 2008. – 256 p.

2. Ibragimova G.R. Srategy of the People Republic of China in the field of Internet governance and information security [*Strategija KNR v oblasti*

1 См.: China clamps down on popular online video-streaming services. Управление Интернетом: последние события и публикации на 27 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Экспертный центр электронного государства: [сайт]. URL: http://d-russia.ru/upravlenie-internetom-poslednie-sobytiya-i-publikatsii-na-27-dekabrya-2016-goda.html (дата обращения: 15.01.2017).

upravlenija Internetom i obespechenija informacionnoj bezopasnosti] // Security Index. 2013. № 1 (104). – P. 169–184.

3. Conflicts in the East: Ethnic and confessional: Textbook for university students [*Konflikty na Vostoke: Jetnicheskie i konfessional'nye: Ucheb. posobie dlja studentov vyzov*] / Ed. by A.D. Voskresenskiy. – Moscow: Aspect Press, 2008. – 512 p.

4. Semchenkov A.S. Modern scenarios of Russia's political destabilization [*Sovremennyye stsenarii politicheskoy destabilizatsii Rossii*] // International Relations. 2013. No. 3. P. 345-352.

5. Semchenkov A.S. International conflicts regulation in the system of protecting national security of Russia [*Upravleniye mezhgosudarstvennymi konfliktami v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii*]. – Moscow: Socio-political Thought, 2006. – 348 p.

6. Semchenkov A.S., Nesolenaya A.K. Islamist organizations in the countries of Central Asia and Economic belt of Silk road security [*Islamistskiye organizatsii v stranakh Tsentral'noy Azii i bezopasnost' Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti*] // The Bulletin of the Russian Nation. 2018. № 1. P. 166 – 182.

ФИЛОНЕНКО
Мария Витальевна
соискатель Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, marifillosa@gmail.com

FILONENKO
Maria Vitalievna
applicant of the Institute of public administration and management of the Russian presidential Academy of national economy and public administration. Moscow, Russia, marifillosa@gmail.com

К вопросу о месте парламента в политических системах демократического общества/To the question of the place of parliament in the political system of a democratic society

Аннотация

В статье на основе историко-философского анализа и социально-политической практики исследуются сущностные характеристики парламента в технологиях разделения власти и ее распределения. Рассмотрена эволюция парламентов как органов законодательной власти, а также становление и развитие парламентаризма как общественно-политического феномена.

Ключевые слова

Парламент; представительная и законодательная власть; разделение властей; государственное управление; коллегиальность; выборность; парламентаризм.

Abstract

On the basis of historical and philosophical analysis and socio-political practice, the article analyzes the essential characteristics of the parliament in the technologies of power division of its distribution. The evolution of parliaments as legislative bodies, as well as parliamentarism reflecting their supremacy is considered.

Keywords

Parliament; legislative power; separation of powers; governance; collegiality; election; parliamentary system.

Парламент обычно определяют как представительный и законодательный орган власти. Пример тому – ст. 94 Конституции РФ, которая гласит: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации»[1]. Известно, что понимание парламента традиционно сложилось в политологии под влиянием доктрины разделения властей, воспринятой современными учеными от классиков политической науки – Дж. Локка и Ш. Монтескье.

Однако определение парламента как представительного

органа власти в современных условиях во многом лишено своего изначального смысла и используется по традиции. Возникнув в условиях Средневековья, когда все виды и формы власти в государстве исходили от монархов, правивших «милостью божьей», парламенты, естественно, противопоставлялись им как органы власти, представлявшие перед ними интересы их подданных. Власть королей не была представительной, поскольку она, в тогдашнем понимании, исходила от Бога (прямо или косвенно, через церковь и ее главу). Однозначно власть депутатов парламентов исходила не от Бога, а от подвластного населения, избиравшего их для представления своих интересов перед лицом монархов. При этом легитимность власти королей и прав депутатов парламентов была разной природы. Поэтому дефиниция парламентов в качестве органов представительной власти в тех условиях имела вполне оправданный и ясный политический смысл.

Однако в современных условиях, когда в подавляющем большинстве стран практически все органы власти, включая глав правительств и глав государств, являются выборными, а тем самым, представительными не в меньшей степени, чем парламенты, это определение, в известной мере, утрачивает свой изначальный смысл и является своего рода архаизмом. Оно более не выражает политической специфики парламентской власти и парламентаризма как такового. Даже в тех современных государствах, в которых все еще сохраняются наследственные монархи в качестве символических глав государства, парламенты отчасти утратили монополию на представительство интересов населения этих стран, т.к. и главы правительства (во многом и судьи) являются также представительными властными институтами. В государствах же с полностью выборными органами власти (как в США и других президентских республиках) все органы власти, а не только парламенты являются представительными учреждениями.

Что же касается определения парламента как органа законодательной власти, то и оно в современных условиях не может употребляться без существенных оговорок.

С одной стороны, современные парламенты на практике так и не обрели монополии на осуществление законодательных функций ни в одной демократической стране – они разделяют это право с органами правительственной и отчасти даже судебной власти, особенно в странах с англосаксонской системой общего права. При этом на практике ведущим участником законодательного процесса является именно правительство, а вовсе не парламент, который в современных условиях зачастую «парафирует» законопроекты, исходящие от правительства. «Провести» же закон против воли правительства и верховного или конституционного суда современные парламенты, как правило, не в состоянии. Эта их неспособность быть единственными или ведущими органами осуществления законодательной власти в демократических странах была четко

осознана европейскими политологами и правоведами уже к концу XIX столетия. «Продолжительный опыт государственной жизни, – писал, например, в начале XX в. известный российский правовед В.М. Гессен, – неопровержимо доказывает практическую неосуществимость отделения законодательной власти от правительственной, как его понимает Монтескье. Углубленный критический анализ обнаруживает теоретическую несостоятельность идеи обособления властей в ее классической формулировке, поскольку она определяет отношение законодательной и правительственной властей друг к другу». Поэтому современные парламенты следует признать только частью, хотя и очень важной, законодательной власти, но не ее единственной основой. Как правило, парламентские институции делят эту власть с правительствами и судами примерно в равных пропорциях.

С другой стороны, тот же продолжительный опыт государственной жизни в условиях демократических политических систем привел к наделению современных парламентов многими правительственными и даже судебными полномочиями, определяющими сущность парламентской власти не в меньшей, а, возможно, и в большей степени, чем обладание ими законодательными полномочиями. Одно только ежегодное утверждение бюджета, являющееся исторически самой первой прерогативой парламентов, придает им важнейшее значение в деле осуществления именно правительственной власти (ибо разработка и утверждение бюджета представляет собой не законодательный, а распорядительный акт и соответствующий процесс). Сюда же относится контроль за назначением и деятельностью высших должностных лиц в органах исполнительной и судебной властей современного демократического государства. Осуществление «квазисудебных» полномочий по процедуре так называемого импичмента в отношении высших должностных лиц государства придает парламенту важнейшую роль в отправлении верховной судебной власти в государстве и т.д.

Таким образом, традиционное определение парламента как представительного органа законодательной власти во многом не соответствует реальному положению вещей в современной системе разделения органов демократической государственной власти и не раскрывает политической сущности парламентов и парламентаризма вообще.

В современных условиях парламент представляет собой особый орган государственного управления в рамках технологического разделения и распределения властных технологий. В чем же его особенность, по сравнению с другими органами государственного управления и власти?

Самой главной его особенностью, почти всегда упускаемой из виду, как раз ввиду очевидности этого признака, является электоральный характер данного учреждения. Согласно этому признаку, парламент всегда формируется снизу, в отличие от монархических и

бюрократических государственных учреждений, которые всегда формируются путем назначения сверху.

При этом республиканский способ формирования органов государственной власти осуществляется либо путем прямого участия в его работе всех граждан, способных и желающих принять такое участие (таковы, например, общие народные собрания, сходы, вече, референдумы и т.п.), либо посредством выборов, осуществляемых голосованием или жребием. Только во втором случае речь может идти о представительном характере парламентских органов власти. Однако нет никаких оснований исключать из числа парламентских учреждений и органы власти первого типа – формируемые не с помощью выборов, а с помощью прямого волеизъявления и участия. Фактически это признают и те авторы, которые на словах относят к парламентским только представительные учреждения[1].

При этом в полном противоречии с приведенным определением большинство авторов рассматривают и непредставительные коллегиальные органы власти в качестве парламентов или их прообразов. В частности, уже упомянутые выше сходы, общие собрания жителей, вече и другие виды непредставительных собраний практически отождествляются с парламентарными формами власти. Обычно участники таких сходов и собраний никого не представляют, кроме самих себя. В этой связи собрания членов племени, жителей той или иной местности или граждан какого-либо административного округа нельзя в полной мере определить как органы представительные. Поэтому следует либо исключить этот признак из определения парламентаризма, либо не рассматривать указанные формы массовых народных собраний в качестве форм парламентаризма. В современной теоретической политологии, как известно, фактически принят именно второй подход. Только проявления так называемой представительной демократии следует относить к парламентарным, а вышеупомянутые собрания принято относить к формам прямой демократии.

Вторым, в большей мере подразумеваемым признаком парламентаризма является демократический характер этого учреждения. Это очевидно, исходя из того, что современные демократические государства, с одной стороны, вообще не мыслятся без парламентских учреждений, а с другой, одно лишь наличие такого учреждения придает тому или иному государству демократический дизайн.

Однако в политологии теоретически давно установлено, что республики могут носить как демократический, так и аристократический или олигархический характер. Соответственно, парламенты могут формироваться как на демократических, так и на олигархических началах. Проблемой здесь является то, следует ли относить последние к собственно парламентам. Можно ли, например, британскую палату

1 Конституция РФ: [сайт]. Доступ: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-7.htm (дата обращения: 16.04.2018).

лордов считать парламентом или его составной частью в полном смысле? На практике, как известно, это признается (особенно, в самой Великобритании), но должна ли с этим соглашаться и теория? В противном случае британскую палату лордов и подобные ей учреждения следует исключить из числа парламентов в строгом смысле слова и рассматривать их в качестве специфического института.

Наконец, третьим и последним основным признаком парламента и парламентаризма, зачастую вообще упускаемым из вида, является коллегиальность в принятии государственных политико-управленческих решений. Парламент, будь то институт прямого участия граждан или выборный государственный орган, не может не быть коллегиальным органом. Коллегиальность представляет собой саму необходимость и существенную черту парламента, отличающую его, в особенности, от правительственной «исполнительной» власти. Последняя, в противоположность парламентской власти, не может быть ни чем иным, как властью единоличной (единоначальной). У правительства, как и у любых его структурных подразделений, всегда должен быть единый глава – отдельная личность, стоящая во главе управленческой иерархии и единолично принимающая все решения. Глава правительства, конечно, может советоваться со своими подчиненными, выслушивать их мнения и соображения, но окончательное решение всегда принимает только он лично, а его голос перевешивает голоса всех его подчиненных и советников. Единство воли и действия любой организации может обеспечиваться только исключительно единоначалием и полным подчинением сверху донизу.

В противоположность этому в коллегиальных органах власти (и управления вообще) нет единоначалия, а голос всякого члена коллективного органа управления весит ровно столько же, как и голос любого, т.е. все члены коллегиального органа управления абсолютно равны. Поэтому окончательное решение, выносимое таким органом, может приниматься только единогласно или большинством голосов. Разумеется, для руководства таким или подобным коллегиальным институтом обычно избирается или назначается единоличный руководитель («спикер», председатель собрания или совета и т.п.), без которого деятельность коллегиального органа не может осуществляться эффективно. В свою очередь, он не может определять содержание выносимых коллективным органом решений, поскольку обладает лишь одним «голосом». Руководитель коллегиальных органов принятия решений лишь обеспечивает нормальный и эффективный порядок работы самого коллективного органа (порядок при выработке решений), но самого решения он единолично принять не может (часто такого руководителя вообще лишают права голоса или учитывают его голос лишь при равенстве голосов рядовых членов, как, например, голос вице-президента США в Сенате, где он председательствует согласно Конституции США).

Таким образом, самым первым и необходимым, главным и основным признаком парламента и парламентаризма вообще является коллегиальность в принятии государственных решений, причем коллегиальность при абсолютном равенстве голосов всех членов коллегии. В этом парламент противоположен правительству как органу единоличного (единоначального) принятия решений. Данный признак, как легко заметить, самым тесным образом связан с демократической доктриной вообще. Народ, признаваемый этой доктриной в качестве единственного носителя верховной власти, суверена, является именно коллегиальной, коллективной сущностью, в которой все его члены признаются равноценными («равными»). Отсюда проистекает основной демократический принцип реализации власти: один человек – один голос. Поэтому все решения народа как суверена могут приниматься исключительно единогласно или по большинству голосов. Именно в этой связи данный основной принцип переносится в работу современных парламентов как демократических представительных коллегиальных учреждений.

Известно, что коллегиальность как способ государственного управления свое первоначальное развитие получила в античном мире, в Древней Греции и Древнем Риме после свержения там единоличной монархической власти. Собственно в коллегиальности греки и римляне первоначально видели самую суть демократии и республики вообще. Всякое единоначалие они практически отождествляли с монархической формой правления, которую так или иначе презирали.

В этом, на наш взгляд, состояло не только достоинство, но и основной недостаток античной политической культуры. Абсолютизация коллегиальности во многом не помогала, а вредила эффективности государственного управления в античных формах реализации власти.

Единоначалие у них, как правило, ассоциировалось с монархической властью, считавшейся недостойной свободных людей, каковыми полагали себя эти народы. Поначалу этот идеал исповедовали аристократы, затем его позаимствовал античный демос, «не страдавший», впрочем, излишней ненавистью к царям или тиранам. Тем не менее, античной аристократии все же удавалось навязывать свой идеал народу и поддерживать его на протяжении многих веков, вплоть до образования Римской империи. Очевидно, поэтому коллегиальное правление «равных» принималось в качестве идеала не только аристократией, но и народом в течение длительного исторического периода.

Особым пристрастием к коллегиальности в древности отличалась именно Афинская аристократия, подарившая миру многие идеалы и принципы демократической формы правления вообще. Созданная реформами Солона, Клисфена и Эфиальта политическая система Аттики представляла собой слабоупорядоченное нагромождение различных коллегий («шести», «девяти», «десяти», «одиннадцати» и т.д.), венчавшееся «гидрами» Совета 500 и Народного собрания.

Даже военное руководство, требующее, как известно, строжайшего единоначалия, осуществлялось в Афинах коллегией 10 стратегов[1]. Многие военные поражения афинян (в т.ч. и самое жестокое из них – под Сиракузами в Сицилии[2]) не в последнюю очередь были вызваны именно издержками коллегиального руководства.

Апологической приверженностью к коллегиальности по принятию политико-управленческих решений отличался и римский государственный порядок. Если обратить внимание на историю Рима, то в нем после свержения царей возобладала именно коллегиальная форма управления во всех органах власти. Прежде всего, коллегиальный Сенат был «главой» государства, где даже в правительственной власти римляне не допускали единоличной формы управления и делили ее сначала между двумя консулами (что буквально и означает – «совещающийся», «консультирующийся»), а затем между консулами и шестью народными трибунами. Даже введенная Цезарем и Августом в Риме единоличная верховная власть императоров в конце концов трансформировалась в двоевластие (и даже в «тетрархию»), при которой в государстве не только правили два императора (восточный и западный), именовавшиеся «Августами», но и при каждом из них имелся еще и его двойник-наследник, называемый «Цезарем».

Отголоском или данью этой римской традиции является, несомненно, коллегиальность президентской власти в нынешних США, при которой главой государства там сегодня избирается не только Президент («Август»), но и Вице-президент («Цезарь»). Известно, что «отцы-основатели» американской властной системы вдохновлялись не только трудами Локка и Монтескье, но и работами Тита Ливия и Тацита.

Коллегиальность в принятии решений, действительно, имеет ряд преимуществ в сфере судебной и законодательной практики, т.е. там, где требуется неторопливый и всесторонний анализ поставленной проблемы перед окончательным принятием решений, там, где, по русской пословице, нужно «семь раз отмерить и один раз отрезать». Однако в деле распорядительной (правительственной) власти коллегиальное руководство, как правило, малоэффективно. Там, где необходимо оперативное и профессиональное реагирование на изменчивую обстановку, преимущество имеют системы с единоличным управлением, обладающие верховным единством разума и воли. Именно поэтому исторически монархическая форма правления является преобладающей, а республиканская – сравнительно редкой, поскольку в рамках последней достаточно трудно наладить эффективное управление. «Много зла, – писал по этому поводу известный сторонник и идеолог русского самодержавия

1 См.: *Халипов В.Ф.* Наука о власти. Кратология. М.: ОСЬ-89, 2002.

2 *Гессен В.М.* Основы конституционного права (издание 2-е). Петроград, 1918. С. 445.

К.П. Победоносцев, – наделали человечеству философы школы Ж.-Ж. Руссо. Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала... Демократическая форма правления – самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина – почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам»[1].

Поэтому античная демократия, подарившая миру превосходно отлаженные процедуры судебного и законосовещательного процессов, почти ничего не дала в области организации правительственной власти. Даже римляне, при всем их таланте в юриспруденции, так никогда и не достигли уровня афинян в организации судебных разбирательств. Однако они намного превзошли греков в организации правительственной власти.

В современных условиях коллегиальная форма управления во многом не считается универсальной и единственно демократичной. Единоначалие признается столь же соответствующей демократии формой, как и коллегиальность. Первая получила наибольшее распространение в процессах принятия законодательных и судебных решений, а вторая – в рамках осуществления правительственной (исполнительной) власти. Тем не менее, в силу исторических и идеологических причин, определенный приоритет отдается именно коллегиальному руководству, и, как следствие, преимуществу решений парламентов над решениями правительственной власти. В целом ряде случаев парламенты считаются более «репрезентабельными», а, следовательно, более демократическими органами власти, в том смысле, что они полнее, чем любые другие властные институты воспроизводят в своем представительстве социальную и национально-территориальную (региональную) структуру того или иного общества. Они, как бы, более репрезентативны, воспроизводя в себе само общество. Парламент подобен «народу в миниатюре».

Однако в различных современных демократических системах баланс полномочий между парламентскими коллегиальными и правительственными единоличными органами власти распределен, все-таки, по-разному. Это приводит к существенным различиям в рамках современных политических систем, что, впрочем, является темой другого исследования. Здесь же нам остается подвести итог нашего анализа понятия парламентаризма и парламента как специального органа государственной власти и дать им по возможности наиболее четкое и адекватное определение.

Итак, под парламентом следует понимать коллегиальное

1 *Ковлер А.И.* Очерки истории парламентаризма // Парламенты мира. М., 1991. С. 580.

государственное учреждение, формируемое на принципах либо прямого участия, либо выборности, реализующее в практике государственного управления аристократические или демократические начала (либо то и другое вместе).

Под парламентаризмом же, в указанном контексте, следует понимать, во-первых, само наличие парламентов в той или иной политической системе (парламентаризм в широком смысле слова), а во-вторых, принцип верховенства (супрематии) или превосходства парламентов в системе остальных органов государственной власти – правительственных, судебных и иных (парламентаризм в узком смысле).

Библиография

1. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология. М.: ОСЬ-89, 2002. 448 с.

2. Ковлер А.И. Очерки истории парламентаризма // Парламенты мира. М., 1991. С. 579-623.

3. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. М., 1960. 582 с.

References

1. Khalipov V.F. The science of power. Cytology [*Nauka o vlasti. Kratologija*]. Moscow: OS-89, 2002. 448 p.

2. Kovler A.I. Essays on the history of parliamentarism [*Ocherki istorii parlamentarizma*] // Parliaments ob the world. M., 1991. P. 579-623.

3. Gutnova E.V. The Emergence of the English Parliament [*Vozniknovenie anglijskogo parlamenta*]. M., 1960. 582 p.

ПОПРАВКО
Дина Алексеевна
старший преподаватель
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))
Москва, Россия
dina.popravko@yandex.ru

POPRAVKO
Dina Alekseevna
senior tutor
Russian University of Transport (RUT - MIIT)
Moscow, Russia
dina.popravko@yandex.ru

Феномен бедности как объект социологического исследования/ The phenomenon of poverty as an object of sociological research

Аннотация

В статье анализируется эмпирический материал, полученный в ходе социологических исследований феномена бедности. Рассмотрено два основных вопроса: оценка доли бедных в населении современной России и изучение отношений самих россиян к различным аспектам бедности. Выделены основные признаки «бедности по-российски» в массовом сознании россиян, показаны массовые представления причин бедности, даны структура и характерные особенности российской бедности.

Ключевые слова

Бедность; бедные; проблема бедности; необеспеченность; безработица; нищета; лишения; прожиточный минимум; порог бедности; низкий уровень доходов.

Abstract

The article analyzes the empirical material obtained in the course of sociological research of the phenomenon of poverty. Two main issues are considered: the assessment of the share of the poor in the population of modern Russia and the study of the relations of the Russians themselves to various aspects of poverty. The main features of “Russian-style poverty” in the mass consciousness of Russians are highlighted, mass representations of the causes of poverty are shown, the structure and characteristic features of Russian poverty are given.

Keywords

Poverty; poor ; problem of poverty; insecurity; unemployment; destitution; deprivation; living wage; poverty threshold; low level of income/

Проблема бедности в наши дни остается одной из самых насущных для всего мирового сообщества, а если говорить о России, то проблема бедности и обнищания вошла в тройку самых острых проблем для наших граждан. Так, данные социологического опроса, проведенные Левада-центром в августе 2017 показали, что 61 % россиян ставят на первое место проблему роста цен, 45 % россиян волнует проблема бедности и обнищания, 33% опрошенных беспокоит рост безработицы. Анализируя эти данные, можно с уверенностью сказать, что проблемы безработицы и роста цен имеют прямую взаимосвязь с проблемой обнищания и бедности, являясь одним из факторов роста бедности в стране.

Согласно опубликованным данным[1], доходы россиян падают четыре года подряд, и более 20 млн. человек живет за чертой бедности, что на треть больше, чем в 2012 году. Официально бедным в нашей стране признается человек, совокупный семейный доход которого ниже прожиточного минимума (10329 руб.) на каждого члена семьи. Согласно Росстату, в 2017 больше половины населения (54,5%) зарабатывает меньше 25 тысяч рублей в месяц, 29% получают меньше 15 тысяч, а каждый десятый не больше 9 тысяч. Но при этом вырисовывается очень своеобразная картина: из сознания россиян постепенно стираются представления о том, что уровень жизни может быть выше. Так, по данным Росстата, в реальном выражении доходы россиян упали на 12% с 2013 года, а в 2017 году люди обеднели еще на 1,7%. При этом, согласно февральскому «Мониторингу социально-экономического положения» РАНХиГС[2], отношение граждан к собственным доходам постепенно улучшается, и подавляющее большинство россиян считают свой уровень жизни «средним»: в 1998 году свое материальное положение оценивали как «плохое или очень плохое» порядка 66,5 % россиян, а в начале 2018 года таковым свое материальное положение считают только 24,9 % наших граждан.

По данным соцопроса РАН, на гране нищеты в общественном представлении живет безработный инвалид, наркоман или алкоголик, т.е. нетрудоспособный или неработающий индивид. Но на самом деле, ситуация в России такова, что на грани нищеты и бедности в реальности находятся работающие люди, а это по данным на октябрь 2017 года порядка 12 млн. человек, что составило 16,8 % всего трудоспособного населения. Получается, что каждый шестой россиянин, работающий, но при этом он находится за чертой бедности. Об этом феномене было сказано и на прошедшем в 2017 году Социальном форуме в рамках «Недели российского бизнеса», где вице – премьер О. Голодец отметила, что «та бедность, которая в стране есть и

1 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor02-18.html

2 Портал социологических данных РАНХиГС: http://social.ranepa.ru/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya-insap/37-monitoring-sotsialno-ekonomicheskogo-polozheniya-naseleniya

фиксируется, — это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере — работающие бедные». По её словам, в России нет такой квалификации, которая заслужила бы зарплату в 7,5 тыс. рублей, что соответствует минимальному уровню оплаты труда[1].

Если рассмотреть структуру бедности, то по данным Росстата[2], почти половину (42,8%) составляют люди трудоспособного возраста, из них 21,3% - это мужчины в возрасте от 31 до 59 лет и 21,5 % - женщины от 31 до 55 лет, а если к этому прибавить, что еще 19,7 % приходится на детей до 16 лет, то можно говорить, что семьи с детьми составляют основу бедного сословия. Это подтверждается и мнением экспертов, которые считают, что в категорию бедных, чаще всего попадают матери-одиночки и полные семьи с двумя и более детьми. Здесь также необходимо отметить один факт, давно подмеченный отечественными социологами, что у российских семей преобладают ценности выживания, а не развития. И это характерно для большинства населения. Такая семья не может купить приличное жилье, оплатить дополнительное образование и становящиеся все более платными качественные медицинские услуги, выехать на полноценный отдых. Мониторинг Высшей школы экономики летом прошлого года показал, что у 41% россиян денег не хватает на покупку одежды и даже еды[3]. Несколько другие цифры дают другие исследовательские центры. Так, согласно данным всероссийского интернет-опроса, проведенного Общественной палатой РФ[4], аналитики выяснили, как сами россияне относятся к бедности и экономической ситуации в стране. В опросе приняли участие люди разных возрастов, из них 50% молодежь от 30 до 35 лет, вторая половина – это люди среднего возраста. Результаты опроса говорят о том, что большинство россиян считает порогом бедности доход в 20 тысяч рублей в месяц.

Около 20% респондентов едва «сводят концы с концами», их зарплаты хватает только на питание и больше ни на что. Остальные рассматривают бедность с точки зрения покупательской возможности и платежеспособности, т.е. возможности приобретения или не приобретения предметов для обустройства дома или автомобиля. Здесь можно говорить о том, что люди уже представляют бедность не как нехватку материальных ресурсов на самое необходимое (продукты, простую одежду и предметы первой необходимости), а как невозможность иметь более качественный уровень жизни, что является признаками относительной бедности.

По данным этого опроса, наиболее уязвимыми категориями в этой связи являются молодые семьи, у которых есть дети, и пенсионеры, которые только выходят на пенсию или собираются. Именно в этот

1 Информационное агентство России ТАСС от 14 марта 2017 года: http://tass.ru/ekonomika/4093093

2 Оперативные данные Росстата на 2016 года: http://www.gks.ru

3 Гонтмахер Е. Массовая бедность в России угрожает существованию страны// газета «Московский комсомолец», 19 января 2018 г.

4 https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/41820

момент происходит резкое снижение того дохода, который человек имел до этого.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что большинство бедных россиян заняты в госсекторе, при этом разрыв в зарплатах между государственным и частным сектором продолжает расти и к 2017 году удельный вес работающих бедных в государственных и муниципальных организациях в 4 раза выше, чем в частных организациях[1]. В бюджетном секторе действительно концентрируются работники с низкими зарплатами, отмечают в Центре трудовых исследований ВШЭ, туда чаще идут женщины, пенсионеры, люди с невысоким образованием, низкой трудовой дисциплиной.

Как показывают данные ежегодного опроса «ВЦИОМ»[2], сегодня россияне считают бедной такую семью, у которой доход ниже 15.5 тысяч руб. в месяц на каждого члена семьи, а для жителей Москвы и Санкт-Петербурга порог бедности – это 21 тысяча рублей. Более 80% россиян считают бедными тех, кому едва хватает средств на еду или одежду. Эта группа бедных в марте 2017 г. составила 35%: в т.ч. 6% респондентов отметили, что для них затруднительна даже покупка продуктов, 29% - что им едва хватает денег на одежду. Аналитики ВЦИОМ, комментируя эти данные, говорят о невысоком уровне потребностей россиян и их готовности терпеть временные неудобства и лишения. Ведь к подлинно бедным респонденты отнесли лишь тех, у кого денег едва хватает на еду и одежду[3]. По Росстату среднедушевой доход ниже 15 тыс. руб. в месяц имеют около 43 миллионов россиян. Если же ориентироваться на самоощущения россиян, то реальный уровень бедности в стране примерно в два раза выше официального. «За время экономического кризиса жизнь заметно подорожала, и россияне это почувствовали», – отмечают аналитики ВЦИОМа[4]. Если бы власти ориентировались не на собственные данные, а на самоощущение россиян, тогда уровень бедности в стране был бы выше официального.

По мнению исследователей Левада-центра массовое ощущение обеднения у россиян формировалось с осознанием, что в сложной экономической ситуации мало что зависит от личных усилий. В ходе социологических опросов отмечалось, что массовые представления причин бедности – это «плохая экономическая система в стране», неравные возможности для получения образования. Таким образом, бедность, по мнению респондентов, связана, кроме прочего, с отсутствием хорошего образования и низким уровнем профессиональных компетенций, что делает невозможным трудоустройства на высокооплачиваемую работу.

1 Социальные бюллетень «Работающие бедные в России и за рубежом». - № 10, 2017

2 *Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 22-23 марта 2017 г.*

3 Данные сайта ВЦИОМ: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=572

4 Башкатова А. Реальная бедность в два раза выше официальной// Независимая газета, 12.04.2017, http://www.ng.ru/Economics/2017-04-12/4_6973_real.html

Одним из самых масштабных исследований, посвященных проблеме бедности, является общероссийское социологическое исследование, проведенное в марте – апреле 2013 года Институтом социологии РАН. Полученные данные показывают, что россияне не осуждают, но и не идеализируют бедность. Так, если рассматривать отношение наших сограждан к бедным, то превалирующим к ним отношением будет сочувствие (36%), а также жалость (16 %) и уважение (2 %), что в совокупности показывает позитивное к ним отношение порядка половины россиян. Но при этом другая половина россиян не относится к бедным ни с жалостью, ни с сочувствием, ни с уважением. Почти треть вообще не выделяют бедных в отдельную категорию населения. Кроме того, исследователи отмечают, что за последние десять лет в три раза увеличилось количество людей, относящихся к бедности и бедным с безразличием. Если говорить о причинах бедности, то россияне на первый план стали выдвигать проблемы, связанные с личными качествами или проблемами бедных и их образом жизни, такие как безработица, болезнь или инвалидность, алкоголизм и наркомания, семейные проблемы, лень, плохое образование. В ходе проведенного исследования был нарисован портрет бедных, который формируется в настоящее время в сознании россиян. Было отмечено, что хотя около 70 % процентов респондентов еще не видит различий в морально-нравственных качествах между бедными и остальными слоями населения, все же около 30 % считают, что различия существуют, главное из которых – это алкоголизм и наркомания (60 %) , а также грубость, хамство (10 %), плохое воспитание своих детей (6 %), проституция (4 %) и т.п. Такие характеристики бедных говорят о начале стигматизации бедных в нашем обществе и их выделении в особый класс – андеркласс, который отличается от остального населения не только низким материальным уровнем, но и своеобразным стилем поведения и набором только им присущих ценностей.

Если же говорить о самих бедных, то основными причинами своей бедности они считают хроническую безработицу, низкий уровень социальных пособий и семейные несчастья, т.е. они не видят своей собственной ответственности и в своих проблемах предпочитают винить государство, которое их не трудоустроило и не определило для них существенного размера пособий. Необходимо отметить, несмотря на то, что бедные «по доходам» относят себя к низшим слоям населения, они не хотят признавать себя «социальным дном» и только 29 % из них относят себя к этой категории. Бедные в целом не довольны своим статусом в обществе, большая часть из них, испытывают чувство стыда и неловкости из-за своего бедственного положения, особенно те, которые пребывают в этом статусе больше года.

В целом можно говорить о том, что у россиян сформировалось стойкое представление о признаках бедности, и для многих наших граждан таковыми являются следующие показатели: плохое питание,

недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, невозможность получения хорошего образования, невозможность удовлетворения первоочередных нужд без долгов, невозможность проведения досуга, отпуска, невозможность для детей добиться того же, что и большинству их сверстников.

Библиография

1. Башкатова А. Реальная бедность в два раза выше официальной// Независимая газета, 12.04.2017, [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/Economics/2017-04-12/4_6973_real.html

2. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя/ аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2013

3. Гонтмахер Е. Массовая бедность в России угрожает существованию страны// газета «Московский комсомолец», 19.01.2018 г.

4. Материалы с официального интернет-сайта ВЦИОМ [электронный ресурс] Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=572

5. Материалы с официального интернет-сайта Информационного агентства России (ТАСС) от 14.03.2017 г. [электронный ресурс] Режим доступа: http://tass.ru/ekonomika/4093093

6. Материалы с официального интернет-сайта Левада-центра [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.levada.ru

7. Материалы с официального интернет-сайта Российской общественной палаты [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/41820

8. Материалы с официального интернет-сайта Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor02-18.html

9. Мониторинг социально-экономического положения» РАНХиГС, [электронный ресурс] Режим доступа: http://social.ranepa.ru/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya-insap/37-monitoring-sotsialno-ekonomicheskogo-polozheniya-naseleniya

10. Социальные бюллетень «Работающие бедные в России и за рубежом». – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, № 10, 2017

References

1. Bashkatova A. Real poverty is twice as high as the official one[-*Real'naya bednost' v dva raza vyshe oficial'noj*] // Nezavisimaya gazeta, 12.04.2017, [electronic resource] Access mode: http://www.ng.ru/Economics/2017-04-12/4_6973_real.html

2. Poverty and inequality in modern Russia: 10 years later [*Bednost' i neravenstva v sovremennoj Rossii: 10 let spustya*]/ analytical report. - Moscow: Institute of Sociology RAS, 2013

3. Gontmakher E. Mass poverty in Russia threatens the existence of the country[*Massovaya bednost' v Rossii ugrozhaet sushchestvovaniyu strany*] // Moskovsky Komsomolets newspaper, 19.01.2018.

4. Materials from the official VCIOM website [*Materialy s oficial'nogo internet-sajta VCIOM*] [electronic resource] Access mode: https://wciom.ru/

index.php?id=236&uid=572

5. Materials from the official website of the Information Agency of Russia (TASS) on 14.03.2017[*Materialy s oficial'nogo internet-sajta Informacionnogo agentstva Rossii (TASS) ot 14.03.2017 g*.] [electronic resource] Access mode: http://tass.ru/ekonomika/4093093

6. Materials from the official website of the Levada Center [*Materialy s oficial'nogo internet-sajta Levada-centra*] [electronic resource] Access mode: https://www.levada.ru

7. Materials from the official website of the Russian Public Chamber [*Materialy s oficial'nogo internet-sajta Rossijskoj obshchestvennoj palaty*] [electronic resource] Access mode: https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/41820

8. Materials from the official website of the Federal State Statistics Service [*Materialy s oficial'nogo internet-sajta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki*] [electronic resource] Access mode: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor02-18.html

9. Monitoring of the socio-economic situation "RANHiGS[*Monitoring social'no-ehkonomicheskogo polozheniya" RANHiGS*], [electronic resource] Access mode: http://social.ranepa.ru/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya-insap/37-monitoring-sotsialno-ekonomicheskogo-polozheniya-naseleniya

10. Social Bulletin "Working poor in Russia and abroad"[*Social'nye byulleten' «Rabotayushchie bednye v Rossii i za rubezhom»*]. - Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation, No. 10, 2017

ПАНТЕЛЕЕВ
Вадим Геннадьевич
младший научный сотрудник ЮРФ ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия
pwg92@mail.ru

PANTELEEV
Vadim Gennadievich
Junior Researcher of the South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia
pwg92@mail.ru

АСЛАНОВ
Яков Андреевич
кандидат социологических наук, проректор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
aslanov@sfedu.ru

ASLANOV
Yakov Andreevich
candidate of sociological sciences, pro-rector of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
aslanov@sfedu.ru

ЧЕМЕРИСОВА
Наталья Васильевна
кандидат философских наук, директор Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия
nvchemerisova@sfedu.ru

CHEMERISOVA
Natalia Vasilievna Candidate of Philosophy, Director of the Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
nvchemerisova@sfedu.ru

Этническая идентичность и политическая активность в Ростовской области/ Ethnic identity and political activity in Rostov region

Аннотация

В статье выявлены связи и отношения между этнической идентичностью жителей Ростовской области и их политической активностью. В частности, выявлены: связь этнической идентичности и проявления интереса к политической сфере общества; связь между этнической идентичностью и наиболее практикуемыми формами политической активности; связь этнической идентичности и отношения к протестным формам политической активности.

Ключевые слова

Этническая идентичность; политическая сфера; интерес к

политике; формы политической активности; протестные настроения.

Abstract

The article reveals the links and relationships between the ethnic identity of the residents of the Rostov region and their political activity. In particular, they revealed: the relationship of ethnic identity and the manifestation of interest in the political sphere of society; the relationship between ethnic identity and the most practiced forms of political activity; the connection of ethnic identity and attitudes towards protest forms of political activity.

Keywords

Ethnic identity; the political sphere; forms of political activity; protest moods.

В России этническая идентичность, этничность являются важными факторами общественной жизни, как в отношении этноса, который представляет большинство, так тех этносов, что его не представляют. Этнические культурные установки оказывают влияние на форму деятельности в различных сферах жизни, в том числе в политическом поле общества.

В связи с указанными выше обстоятельствами, этничность в различных своих проявлениях и с самых разных углов зрения была и остается предметом пристального внимания ученых. Ввиду того, что исследований регионального социума области, совмещавших в себе в явном виде этническую идентичность и политическую активность, то обзор научной литературы распадается на две логических части.

В области исследований этнической идентичности ученые развивали следующие исследовательские линии: этническая идентичность приграничных сообществ Ростовской области[1]; воспроизводство этнической идентичности молодежи диаспор области[2], воспроизводство этнической идентичности славянских народов, в том числе Ростовской области[3]; исследовалась взаимосвязь этнической идентичности и гражданской идентичности[4], а также связи этнической идентичности и социальных установок подростков Ростовской области[5].

1 Бредихин А.В. Этнокультурная идентичность приграничья (сельский этюд) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 1 (48). С. 99-105.

2 Губарев И.В. Молодежь диаспор Ростовской области: социокультурное воспроизводство этнической идентичности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 9969-9973.

3 Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Сериков А.В. Славянские народы юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 30-40.

4 Бинеева Н.К., Грибов Д.Е., Печкуров И.В., Хачецуков З.М. Россияне и жители Ростовской области о настроениях и повседневных практиках в условиях кризиса 2016 года: соотношение общероссийского и регионального // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 77-98.

5 Гришина Л.Н., Хныкина В.С. Особенности этнической идентичности и социальных установок в подростковом возрасте // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2017. № 5. С. 467-470.

Исследования политической активности населения Ростовской области представлены следующими тематическими линиями: собственно политическая активность молодежи области[1] и студенческой ее составляющей в частности; рассматривались учеными конкретные формы политической активности. Во-первых, это исследования факторов электоральной активности молодежи Ростовской области. Во-вторых, это исследования протестной активности, в которых разрабатывались темы: теоретико-методологический аспект изучения потенциала протестной активности в Ростовской области, а также потенциал протестной активности в кризисных условиях; специфика протестной активности в Ростовской области; актуальные виды протестной активности, ее формы и социальный состав. Таким образом, заключаем, что выявление связи между этнической идентичностью и политической активностью населения Ростовской области не было предметом специальных социологических исследований.

Настоящая статья имеет целью выявить связи и отношения между этнической идентичностью населения Ростовской области и проявляемой населением области политической активностью. Это достигается посредством, во-первых, выявления связи между этнической идентичностью и интересом к политической жизни; во-вторых, выявления связи между этнической идентичностью и проявляемыми формами политической активности населения области; в-третьих, выявление связи между этнической идентичностью и отношением к протестной форме политической активности и мотивацией проявления протестной активности.

Ввиду того, что эмпирическое исследование предполагало выявление субъективной самоотнесенности респондентов к этнической группе, которую они считают своей собственной, то предметом внимания здесь становится область социальной реальности, которая выстраивается самими индивидами. Факторы влияния здесь могут быть различными, но в сухом остатке все-таки выявляются субъективные расположенности. С другой стороны рассматриваемой в статье темы – политическая активность. То есть индивиды здесь рассматриваются как люди действующие, акторы. Проявление деятельной активности предполагает большую роль субъективного фактора. Следовательно, в статье рассматривается срез социальной реальности, зависящий от действий и предпочтений акторов, что соответствует социальному конструктивизму в духе Бергера и Лукмана, и отражает неклассический подход к изучению социальной реальности.

В статье используются данные исследования «Двадцать пять лет новой России (Ростовская область)», которое было проведено на базе ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2017 году. Метод сбора информации анкетный опрос. Исследование проводилось в Ростовской области. Объем выборки составил 1208 человек, структура выборки соответствует

1 Викулов А.К. Социально-политическая активность молодежи Ростовской области // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 48-51.

генеральной совокупности.

Вначале была выявлена собственно степень интереса респондентов к политической жизни, которая выражается в том, ищут ли они соответствующую информацию, интересуются ли политическими событиями, как внимательно следят за ними и т.д. Среди тех, кто оценил близость к собственной этнической группе как значительную, выявлены следующие распределения: внимательно следят за информацией о политической жизни в стране – 39,3%, изредка обсуждают политическую жизнь страны – 36,6%, политикой не интересуются – 24%. Распределения по респондентам, которые оценили степень близости к собственной этнической группе как небольшую: внимательно следят за политической жизнь страны – 31,2%, изредка интересуются – 51,4%, вообще не интересуются – 17,3%. Наконец, среди тех, кто не ощущает близости по соответствующим вариантам ответов распределения следующие – 36,5%, 33,3% и 22,2% (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос «интересуетесь ли вы политикой?» в зависимости от оценки близости к собственной этнической группе, %

Оценка степени близости к собственной этнической группе	Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране	Внимательно за информацией о политических событиях не слежу, но изредка обсуждаю их с друзьями, родственни-ками	Политикой не интересуюсь	Всего
В значительной степени	39,3	36,6	24,0	100,0
В небольшой степени	31,2	51,4	17,3	100,0
Не ощущаю близости	36,5	33,3	30,2	100,0
	35,6	42,2	22,2	100,0

Таким образом, мы наблюдаем здесь, что по всем трем категориям оценок близости к собственной этнической группе наибольшее число жителей Ростовской области, внимательно следящих за политической жизнью страны, наблюдается среди тех, для кого близость к собственной этнической группе важна. Среди тех, кто выбирал градации «в небольшой степени» и «не ощущаю близости», количество интересующихся политикой несколько меньше. Зато среди тех, кто определял близость к собственной этнической группе

как незначительную, наблюдается более высокий уровень «средней» заинтересованности в политической жизни страны. Позиция, при которой респонденты определяют близость к собственной этнической группе, здесь сопоставима с общим случаем и приблизительно соответствуют распределениям по общему массиву данных, полученных в ходе указанного исследования (см. табл. 2).

Таблица 2.

Общие распределения ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?»

Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране	36,2
Внимательно за информацией о политических событиях не слежу, но изредка обсуждаю их с друзьями, родственниками	41,5
Политикой не интересуюсь	22,0
Всего	99,8
Пропущенные	0,2
	100,0

Высокую долю интересующихся политикой среди тех респондентом, которые определили близость к собственной этнической группе в оценке «значительная», можно объяснить следующим образом. Этнический компонент «работает» больше на групповые идентификации, нежели индивидуальные, а значит, за этничностью всегда скрывается «мы»[1]. Это заметно в любых межэтнических взаимодействиях, которые зачастую носят конфликтный характер, хотя и конфликт может быть обусловлен какими угодно другими причинами – зачастую экономическими – этничность здесь играет роль для быстрого опознавания «свой-чужой» и формирования при необходимости момента групповой сплоченности этнической группы. Так вот, те из респондентов, у которых сильна этническая идентичность, а значит, групповая, вероятно, интересуются политикой исходя из такой высокой групповой сопричастности, поскольку события, решения, обсуждения и их исход в русле политического поля несет те или иные опасности, возможности, внимание по отношению к этнической группе. То есть, сфера, принятие решений, в которой может затрагивать групповые интересы, логично представляет интерес для тех, кто определяет свою близость к этнической группе как высокую. Таким образом, мы фиксируем, что респонденты, оценивающие близость к собственной этнической группе как высокую, являют большую долю, неподдельно интересующуюся данной сферой общественной жизни. В остальных же случаях оценок доля таковых несколько меньше, хотя и находится

1 Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1 (76). С. 210.

на сопоставимом уровне.

За первым элементом интереса к политике, который выражается в поиске информации о политических событиях, внимательном их отслеживании и прочим, следует второй важный элемент, который можно охарактеризовать как политическое действие. Насколько жители области, в зависимости от оценок близости к собственной этнической группе, готовы осуществлять это политическое действие, и в какой конкретно форме это действие может осуществляться, или вернее, осуществлялось, поскольку вопрос исследования, к которому осуществляются апелляции, подразумевает, что он фиксирует факт совершения действия.

Обращаясь к результатам исследования, мы обнаруживаем следующие распределения. Следует отметить, что в представленной ниже таблице выведены те позиции, которые наиболее часто выбирали респонденты и данное ранжирование соответствует рейтингу форм политической активности по массиву в целом. Жители Ростовской области, которые определили свою близость, чаще всего участвовали в следующих формах политической активности: реализация активного избирательного права – 51,9%, обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе – 38,1%, участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п. – 12,2%, участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей – 9,9%, никакого участия в политической жизни – 34,3. Респонденты, оценившие свою близость к собственной этнической группе по градации «в небольшой степени» демонстрируют следующие распределения по формам политической активности: реализация активного избирательного права – 47,1%, обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе – 40,7%, участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п. – 7,6%, участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей – 9,9%, никакого участия в политической жизни – 32,6%. Среди тех, кто близости не ощущает с собственной этнической группой наблюдаются, соответственно, следующие распределения: участие в выборах – 40,6%, обсуждение политики в ближнем кругу общения – 37,5%, участие в референдумах – 9,4%, участие в выборных кампаниях в различном статусе – 4,7%, наконец, никакого участия в политической жизни не принимали участия – 42,2% (см. табл. 3).

Таблица 3.

Наиболее распространенные формы политической активности в зависимости от оценок близости к собственной этнической группе, частоты, %

	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	51,9	47,1	40,6
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	38,1	40,7	37,5
Никакого участия в политической жизни не принимал	34,3	32,6	42,2
Участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п.	12,2	7,6	9,4
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	9,9	9,9	4,7

Из представленных данных мы видим, что по сравнению с другими двумя вариантами оценками близости к собственной этнической группе, среди тех, кто оценивают свою близость к собственному этносу высоко частота активности по различным формам активности заметно выше. Такие респонденты чаще участвовали в выборах в качестве активных избирателей, чаще участвовали в референдумах, подаче обращений в органы власти, публичных слушаниях, участвовали в выборных кампаниях в том или ином статусе. По всей видимости, здесь мы также наблюдаем фактор групповой сплоченности и понимания того, что в области принятия решений и возможности через эту область влиять на эти самые решения, то есть политическое поле, находятся линии групповых интересов, в нашем случае этнических. Примечательно, что такое активное участие в электоральном процессе в качестве избирателей недалеко отстоит от активности тех, жителей Ростовской области, которые высоко оценили свою близость к гражданской общности (см. табл. 4). Таким образом, жители Ростовской области, которые высоко оценивают свою близость к собственному этносу, проявляют по внешним признакам тот вид активности, который ученые признают за гражданской идентичностью и которая является реализацией гражданских прав. Также заметно, что доля участия тех

респондентов, для которых этническая идентичность представляет важность, в активных формах политической деятельности несколько выше, чем у тех, кто определяет для себя важной идентичность гражданскую.

Таблица 4.

Наиболее распространенные формы политической активности в зависимости от оценок близости к гражданской общности, частоты, %

	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	53,5	36,7	6,7
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	44,0	21,1	40,0
Никакого участия в политической жизни не принимал	29,9	47,8	66,7
Участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п.	11,0	6,7	0,0
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	9,1	8,9	6,7

Это характерная черта Донского края представляет любопытство и, первоначально, вызывает некоторое недоумение относительно того, что активность, которая присуща гражданской идентичности, проявляют заметнее те, кто определил для себя более значимой близость к собственной этнической группе. Но тут необходимо обратиться к содержательной стороне данных идентичностей. Содержательная сторона гражданской идентичности, кроме того, что человек является гражданином государства, имеет соответствующий удостоверяющий документ и влекущий за собой определенный набор прав и обязанностей, в России довольно размытая, поскольку базируется на обозначенных критериях, и не апеллирует в русле настоящей идеологической установки ни к каким достижениям никакой этнической культуры; также не следует сбрасывать со

счетов «молодость» гражданской культуры в России. Этническая культура, напротив, обладает более весомыми характеристиками в виде истории, культурных норм, традиций, продуктов материальной и нематериальной культуры, длительная этническая история, язык, существование этнической идентичности без относительно политического строя, существующего в России, придают больший вес этничности. Это может служить предпосылкой для синтеза гражданской и этнической идентичностей, на возможность которого указывают ученые.

Однако, наряду с этим заметно, что среди жителей области, оценивающих высоко свою близость к собственной этнической группе, доля тех, кто предпочитает не участвовать в политической жизни, достаточно заметна и она выше, чем у тех, для кого ближе идентичность гражданская. Но вместе с тем, наблюдается такая картина, что значительная доля тех, кто не ассоциирует с себя с гражданами России в Ростовской, предпочитает не участвовать в политической жизни (частота выбора данной графы выше пятидесяти процентов), в то время как среди тех, кто не соотносит себя с собственной этнической группой, процент частоты неучастия в политической жизни страны гораздо ниже.

Наконец, представляется важным выяснить отношение жителей Ростовской области относительно такой формы политической активности как протестные акции. Здесь нас интересуют две группы оценок: оценка тех, кто участвует в подобных акциях и оценка собственной готовности участвовать в протестных акциях в зависимости от повода возможного протеста.

По первому пункту. Среди жителей области, которые оценивают свою близость к собственной этнической группе как высокую, наблюдаются следующие распределения: одобряют и участвуют в таких акциях – 2,3, одобряют, но сами не участвуют – 36,7%, не одобряют – 26%, проявляют безразличие – 35%. Среди тех, кто оценивает близость как «небольшую»: одобряют и участвуют в таких акциях – 3,6, одобряют, но сами не участвуют – 34,3%, не одобряют – 28,3%, проявляют безразличие – 33,7%. Среди тех, кто не ощущает близости к собственному этносу: одобряют и участвуют в таких акциях – 1,6, одобряют, но сами не участвуют – 51,6%, не одобряют – 11,3%, проявляют безразличие – 35,5% (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение оценок участников протестных акций в зависимости от оценки близости к собственной этнической группе, %

Оценка участников протестных акций	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости	Всего
С одобрением, сам принимаю в них участие	2,3	3,6	1,6	2,7
С одобрением, хотя сам не принимаю в них участие	36,7	34,3	51,6	38,0
С неодобрением	26,0	28,3	11,3	24,7
Безразлично, никак не отношусь	35,0	33,7	35,5	34,6
	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, мы фиксируем, что проявляют сопоставимое одобрение по отношению к протестным акциям среди обеих групп респондентов, которым в разной степени собственная этническая общность все-таки близка. Впрочем, такие сходные распределения долей респондентов в данных группах наблюдается по всем пунктам оценок протестующих и протестных акций. Вместе с тем в обеих группах наблюдается средний протестный потенциал и малая протестная активность – доминируют оценки безразличия и негатива к протестующим и протестным акциям. А среди жителей Ростовской области, которым собственная этническая общность не близка, протестный потенциал напротив весьма высок. Таким образом, мы можем заключить, что хотя протестный потенциал среди тех жителей области, для которых этническая идентичность представляется значимой, хотя и ощутим протестный потенциал, тем не мене остаются предпочтительными иные формы участия в политической жизни. Но какой же повод может превратить потенцию протеста в реалию протеста?

Исследование предполагало две категории мотивационных факторов протестной активности: готовность выступить в защиту политических прав и свобод и готовность выступить в защиту экономических прав и свобод. По оценкам возможности принять участие в протестных акциях в защиту политических прав и свобод наблюдаем следующие распределения. Среди тех, кто оценивает высоко свою близость к собственной этнической группе: безусловно, приняли бы участие в протестной акции – 6,1%, скорее всего, да – 17,1%, скорее

всего, нет – 43,1%, безусловно, нет – 33,7%. В небольшой степени: безусловно, да – 7,1%, скорее всего, да – 10,1%, скорее всего, нет – 47%, безусловно, нет – 35,7%. Среди тех, кто не ощущает близости с собственной этнической группой: безусловно, да – 1,6%, скорее всего, да – 19,7%, скорее всего, нет – 42,6%, безусловно, нет – 36,1% (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение оценок вероятности участия в протестных акциях в защиту политических прав и свобод в зависимости от оценки близости к собственной этнической группе, %

	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости	Всего
Безусловно, да	6,1	7,1	1,6	5,9
Скорее всего, да	17,1	10,1	19,7	14,6
Скорее всего, нет	43,1	47,0	42,6	44,6
Безусловно, нет	33,7	35,7	36,1	34,9
	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, мы видим, что среди тех, кто, так или иначе, оценивает этническую идентичность как близкую себе процент готовых перейти от слов к действиям, достаточно велик, при этом среди тех, кто не ощущает таковой близости этот процент наименьший. Можно также сказать, что среди тех, кто определяет свою близость как значительную в целом уровень протестных настроений выше, чем у других позиций. Тем не менее, мы видим по всем трем вариантам оценки близости к собственной этнической группе то, что в защиту политических прав и свобод готово было бы выступить небольшое число людей, что находит свое отражение и по общим распределениям.

Относительно второй категории ответы распределились следующим образом. Среди тех, кто оценивает высоко свою близость к собственной этнической группе: безусловно, приняли бы участие в протестной акции – 7,7%, скорее всего, да – 33%, скорее всего, нет – 30%, безусловно, нет – 28,6%. В небольшой степени: безусловно, да – 9%, скорее всего, да – 21,6%, скорее всего, нет – 43,1%, безусловно, нет – 26,3%. Среди тех, кто не ощущает близости с собственной этнической группой: безусловно, да – 7,9%, скорее всего, да – 22,2%, скорее всего, нет – 46%, безусловно, нет – 23,8% (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение оценок вероятности участия в протестных акциях в защиту экономических и социальных прав в зависимости от оценки близости к собственной этнической группе, %

	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости	Всего
Безусловно, да	7,7	9,0	7,9	8,3
Скорее всего, да	33,0	21,6	22,2	26,7
Скорее всего, нет	30,0	43,1	46,0	38,1
Безусловно, нет	28,6	26,3	23,8	26,9
	100,0	100,0	100,0	100,0

Если обратиться к распределениям в целом утвердительных ответов и в целом отрицательных ответов, то мы вновь обнаруживаем, что те жители Ростовской области, которые оценивают близость к собственной этнической группе, оказываются группой, которая готова активно выступить в защиту экономических и социальных прав. Две другие группы проявляют меньший протестный потенциал, но тоже значительный. В целом можно заключить, что как для распределений ответов по группам, оценивающим близость к собственной этнической группе, так и для распределений по массиву респондентов в целом характерно, что защита экономических социальных прав выступает более значимым мотивационным фактором в проявлении протестной активности или высказывании протестных настроений, чем защита политических прав и свобод. Этот факт свидетельствует о том, что жителей области в условиях кризиса беспокоят явления, непосредственно влияющие на их благосостояние, что фиксируется учеными.

Итак, в рассматриваемой нами схеме, в которой интерес к политической сфере жизни общества распадается на взаимосвязанные друг с другом элементы – отслеживание информации о политической жизни страны и проявление прямого действия в политическом поле – и ее зависимости от того, насколько респондентам близка этническая идентичность, получены следующие результаты.

Во-первых, было выявлено, что те респонденты, что оценивают свою близость к собственной этнической группе как значительную, проявляют гораздо больший интерес к политическому полю России, нежели те, которые выбрали две другие категории ответов вопроса о близости этнической группы. Доля интересующихся политикой среди них даже несколько выше, чем распределения по всему массиву данных. Возможно, что это связано с высокой степенью ориентации на группу (этническую), а вероятный источник различных событий, которые могут затронуть эту группу, и является политическое поле.

Во-вторых, были выявлены наиболее популярные формы политической активности в зависимости от оценки степени близости к собственной этнической группе. Сначала были выявлены сами формы активности, это участие в выборах в качестве избирателей, обсуждение политических событий среди ближнего круга, участие в референдумах, публичных слушаниях и т.п., участие в выборных кампаниях в различных качествах. Наиболее практикуемым способом участия в политической жизни оказались две позиции: участие в электоральном процессе в качестве избирателя и обсуждение событий политической жизни среди знакомых, коллег и т.п. Относительно этнической идентичности, здесь выявлено, что для категории респондентов, для которой принадлежность к собственной этнической группе представляется важной, практика активных форм политического участия наиболее предпочтительна, чем для других групп. Далее, выявлено, что практикуемость активного участия в политической жизни среди жителей области, которые определили этническую идентичность как важную, вполне сопоставима с той активностью, которую предпочитают респонденты с ярко выраженной гражданской идентичностью. Необходимо отметить при этом, что и частота проявления политической неактивности достаточно высока у ориентированных на этничность респондентов.

В-третьих, было выявлено то, как относятся жители области к протестным акциях и какого характер повод способен привести в протестное движение людей, для которых идентичность с собственной этнической группой оказывается значимой. По этой части установлено, что респонденты, ориентированные на этническую принадлежность, показывают довольно высокий уровень одобрения подобных акций, но принимает участие в них меньшинство. В тоже время оказалось, что уровень одобрения протестных акций и принимающих участие в этих акциях гораздо выше у людей, для которых этническая идентичность не представляется важной. Особенностью при этом является то, что в первый случай более близок общим результатам по массиву данных, а второй является сильным от них отклонением. Что касается повода для протестной активности, то относительно защиты политических прав и свобод доля активистов среди этнически ориентированных респондентов высока, но в целом данный повод не является тем, что способствовало активному участию в протестных выступлениях. Напротив, экономические и социальные права могут стать таким спусковым механизмом с большей вероятностью и в целом такие распределения показывают, какие насущные проблемы тревожат жителей области более всего, что этнически ориентированных, что нет.

Библиография

1. Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Сериков А.В. Славянские народы юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 30-40.

2. Бинеева Н.К., Грибов Д.Е., Печкуров И.В., Хачецуков З.М. Россияне и жители Ростовской области о настроениях и повседневных практиках в условиях кризиса 2016 года: соотношение общероссийского и регионального // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 77-98.

3. Бредихин А.В. Этнокультурная идентичность приграничья (сельский этюд) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 1 (48). С. 99-105.

4. Викулов А.К. Социально-политическая активность молодежи Ростовской области // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 48-51.

5. Гришина Л.Н., Хныкина В.С. Особенности этнической идентичности и социальных установок в подростковом возрасте // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2017. № 5. С. 467-470.

6. Губарев И.В. Молодежь диаспор Ростовской области: социокультурное воспроизводство этнической идентичности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 9969-9973.

7. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1 (76). С. 207-211.

References

1. Bedrik A.V., Dyachenko A.N., Serikov A.V. Slavic peoples of the south of Russia: features of reproduction and identification trends // Humanitarian of the South of Russia. 2016. V. 22. № 6. P. 30-40.

2. Bineeva N.K., Gribov D.E., Pechkurov I.V., Khachetsukov Z.M. Russians and residents of the Rostov region about the moods and everyday practices in the conditions of the crisis of 2016: the ratio of the all-Russian and regional // Sociological science and social practice. 2017. T. 5. № 2 (18). Pp. 77-98.

3. Bredikhin A.V. Ethnocultural identity of the borderland (rural sketch) // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2015. No. 1 (48). Pp. 99-105.

4. Vikulov A.K. Social and political activity of the youth of Rostov region // Society: politics, economics, law. 2015. № 1. P. 48-51.

5. Grishina L.N., Khnykina V.S. Features of ethnic identity and social attitudes in adolescence / / All-Russian scientific-practical conference Personality in culture and education: psychological support, development, socialization. 2017. № 5. P. 467-470.

6. Gubarev I.V. Youth of the Diaspora of the Rostov Region: Socio-Cultural Reproduction of Ethnic Identity // Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice Materials of the V All-Russian Sociological Congress. Russian Society of Sociologists. 2016. P. 9969-9973.

7. Shergalieva M.T. Ethnic identity as a kind of social identity // Bulletin of the Saratov State Technical University. 2014. Vol. 3. No. 1 (76). P. 207-211.

ПАНФИЛОВА
Юлия Сергеевна
кандидат социологических наук, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета; научный сотрудник Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия
panfilovajulia@mail.ru

PANFILOVA
Yulia Sergeevna
candidate of sociological science, Institut of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; Researcher of the South Russian branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia
panfilovajulia@mail.ru

МАРЕЕВ
Владимир Иванович
доктор педагогических наук, профессор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
mareev@sfedu.ru

MAREYEV
Vladimir Ivanovich
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
mareev@sfedu.ru

СУРКОВА
Ирина Владимировна
соискатель Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
info@журналпоиск.рф

SURKOVA
Irina Vladimirovna
applicant of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
info@журналпоиск.рф

Социальное самочувствие как фактор восприятия межэтнических отношений в полиэтничном регионе (на материалах Ростовской области)/Social well-being as the factor of perception of the interethnic relations in the polietnichny region (on materials of the Rostov region)

Аннотация

В статье анализируется зависимость оценок состояния межэтнических отношений в Ростовской области от характера социального самочувствия населения. На основе результатов регионального социологического исследования авторами проводится сравнение восприятия этносоциальной ситуации в группах «оптимистов», «пессимистов» и тех, чье социальное самочувствие имеет настороженно-умеренную окраску. Авторы приходят к выводу,

что в условиях экономического кризиса принадлежность к выделенным группам как фактор восприятия этнически «другого» и оценки состояния межэтнических отношений повышает свою значимость: неблагоприятное социальное самочувствие, имеющее в основе низкий уровень материального достатка, отсутствие стабильной занятости и негативное повседневное социально-психологическое состояние, ведет к усилению напряженности в восприятии сферы межэтнических взаимодействий.

Ключевые слова

Социальное самочувствие; межэтнические отношения; межэтническая напряженность; миграция; кризисная повседневность.

Abstract

In the article the dependence of the estimates of conditions of the interethnic relations in the Rostov region from the nature of population social well-being is analyzed. Based on the results of regional sociological research, the authors compare the perception of the ethno-social situation in the groups of “optimists”, “pessimists” and those whose social well-being has cautious and moderate characteristics. The authors come to the conclusion that in terms of the economic crisis the importance of belonging to a particular group as the factor of the attitude to the ethnically “another” and the assessment of the interethnic relations increases: the adverse social well-being with low level of material prosperity, lack of stable employment and negative daily social psychological state leads to the strengthening of tension in the perception of the interethnic relations.

Keywords

Social well-being; interethnic relations; interethnic tension; migration; crisis daily occurrence.

Социальное самочувствие, основанное на субъективной оценке своего социально-экономического положения и эмоционально-психологического состояния, выступает важным фактором, определяющим поведение индивида в различных сферах. Общая неудовлетворенность собственным благосостоянием и положением в системе стратификации, недоверие к государственным и общественным институтам выступают предпосылками роста социальной напряженности, когда поиск «виновных» вымещается на конкретного человека или группу людей. Как отмечают исследователи, в полиэтничных сообществах ответственность за наиболее острые социальные проблемы общественное сознание, как правило, возлагает на представителей других этнических групп[1], что в условиях противоречивого слабо контролируемого информационного потока может приобрести форму межэтнической агрессии.

1 Ярулин И.Ф., Свищёв М.П., Слонский Е.С., Ярулин К.И. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае // Регионалистика. 2015. №2. С. 43.

Проблема влияния социального самочувствия населения на оценку характера межэтнических отношений в современном российском обществе уже становилась предметом анализа отечественных ученых, однако при этом основное внимание исследователей было сосредоточено на регионах, где сфера межэтнических взаимодействий на протяжении последних лет относится населением к числу наиболее проблемных[1], либо на территориях, где исторически являются соседями несколько достаточно крупных по численности этнических групп[2]. В то же время исследование данной проблематики на сегодняшний день актуально и в субъектах с традиционным преобладанием одной этнической группы, которые в силу миграционной привлекательности сталкиваются с растущими иноэтничными миграционными потоками, что так или иначе влияет на повседневные практики взаимодействия в различных сферах общественной жизни. К числу таковых относится и Ростовская область. Ежегодно этнический состав региона пополняется за счет расширяющихся миграционных потоков: согласно данным Ростовстата в последние годы сальдо миграции оставалось положительным, а число прибывающих мигрантов стабильно росло[3]. Наибольший поток межрегиональной миграции в область фиксируется из республик Северного Кавказа. В межстрановых потоках миграции преобладают выходцы из стран СНГ (Украина, Белоруссия, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан). В последние 15лет в Ростовской области сформировались «новые диаспоры» (китайцы,турки-месхетинцы, узбеки, таджики и др.).

Согласно данным опросов последних лет (2011, 2014, 2016, 2017 гг.[4]), в целом состояние межэтнических отношений жителями Ростовской области оценивается как спокойное. В то же время фиксируется дистанцированность этносов в процессе повседневных взаимодействий, проявляющаяся в стремлении ограничить контакты с представителями «других»(28%) и ощущении латентной

1 Ничеговская М.А. Социальное самочувствие населения в сфере межэтнических отношений на Ставрополье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №3. С. 342–344.

2 Напсо Рашид Рамазанович Состояние межнациональных отношений в республике Адыгея как фактор социального самочувствия населения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. №2. С. 167–173; Клименко Л.В. Социальное самочувствие населения полиэтничных регионов Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. С. 107–113.

3 Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области: официальный сайт. – Режим доступа: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.12.2017).

4 Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. Кол. монография / Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Барбашин М.Ю. [и др.] / Отв. ред. Ю.Г. Волков. − Ростов н/Д: Антей, 2012. 172 с.; Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 1 // Вестник Института социологии. 2014. № 1 (8). С. 8–32; Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии РАН. 2017. Том. 8. № 2. С. 71–95.

напряженности (22,9%)[1].В сложившейся ситуации важно понять, где именно локализируются очаги наибольшего социального напряжения. Это требует дифференциации населения по признаку социального самочувствия и выявления с этой позиции оценок разных сторон текущей этносоциальной ситуации.

В качестве индикаторов принадлежности к той или иной группе по характеру социального самочувствия нами рассматриваются субъективная оценка собственного материального положения, наличие работы, повседневное эмоционально-психологическое состояние. Эмпирической базой работы стали результаты социологического исследования, проведенного коллективом Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в ноябре-декабре 2017 г. Объем выборки, стратифицированной по полу, возрасту и типу поселения, составил 1208 чел.

По результатам опроса население Ростовской области по характеру социального самочувствия представлено тремя основными группами: оптимисты, пессимисты и те, чье социальное самочувствие имеет настороженно-умеренную окраску. В общем массиве респондентов несколько преобладают последние: их эмоционально-психологическое состояние оценивается как спокойное, текущая жизнь – удовлетворительно. Основной состав данной группы представлен экономически активными жителями области, имеющими стабильную работу и среднюю степень удовлетворенности собственным материальным положением. Имея определенный адаптивный потенциал и больший набор стратегий повышения благосостояния, тем не менее, большинство из них дают сдержанные оценки текущей общественной ситуации. Сюда также можно отнести часть молодежной когорты, которая, несмотря на трудности, традиционно «поджидающие» ее на рынке труда и в области профессионального становления, все же смогла несколько успешнее адаптироваться к кризисным реалиям. Вторая по представленности группа − пессимисты. В повседневной жизни их сопровождают чувства тревожности, раздражительности, озлобленности и агрессии. Они более категоричны в оценках текущей социально-политической и экономической ситуации, а субъективное материальное благополучие чаще оценивается ими отрицательно. Наиболее малочисленную группу представляют оптимисты, чье повседневное эмоционально-психологическое состояние и материальное положение описываются в позитивных определениях. Как правило, это занятые в первичном секторе рынка труда и молодежь.

Оценивая характер влияния социального самочувствия населения области на восприятие межэтнических отношений в регионе, в первую очередь отметим тенденцию к увеличению социальной дистанции

1 Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Оценка населением юга России характера межэтнических отношений в период реализации стратегии национальной политики // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 6 (59). С. 122.

между этносами по мере снижения удовлетворенности по основным анализируемым индикаторам. Так, респондентам было предложено оценить степень близости с определенными группами («Это мы»). Результаты опроса показали, что в группе «пессимистов» ориентации на включение в ингруппу представителей своего этноса представлены наиболее широко (73% против 61% в группе «среднеудовлетворенных» и 57% в группе «оптимистов»); ключевыми факторами при этом являются субъективная удовлетворенность материальным положением и повседневное эмоционально-психологическое состояние. В группах, чье социальное самочувствие более благоприятное, несколько выше ориентация на идентификацию со статусными группами, членство в которых имеет достижительный характер (достаток, профессия и т.д.).

В условиях кризиса (71% жителей региона полагают, что говорить о его окончании еще рано) и отсутствия положительной динамики в решении наиболее острых социально-экономических проблем (в число которых жители области относят рост неравенства, ограничение доступа к услугам социальной сферы и коррупцию) фрустрационные состояния находят свое выражение в накоплении межэтнической неприязни. Результаты исследования показали, что по мере ухудшения оценок своего материального положения повышается число респондентов, испытывающих неприязнь по отношению к представителям других этносов (табл. 1). Это связано в первую очередь с конкуренцией этнических групп на региональном рынке труда (о которой, по данным исследований говорят почти 40% жителей области[1]), что также подтверждается при анализе ответов, полученных от безработных и работающих граждан (66,9% в группе безработных и 52,1% в группе работающих).

Таблица 1.

Дифференциация ответов на вопрос «А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?» по удовлетворенности материальным положением

А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? (Материально обеспечены)		
	1. Хорошо	2. Удовлетворительно	3. Плохо
1. Да, испытываю	8,8%	16,7%	9,3%
2. Иногда испытываю	39,7%	45,1%	51,2%
3. Затрудняюсь ответить	51,5%	38,2%	39,5%

1 Там же. С. 124.

Эмоционально-психологическое состояние, сопровождающее жителей региона в повседневной жизни, также задает эмоциональный фон, на котором выстраиваются практики межэтнического взаимодействия: по данным опроса, среди ощущающих чувство озлобленности и агрессии каждый четвертый регулярно испытывает неприязнь к представителям других этнических групп.

Важным индикатором, позволяющим оценить состояние межэтнических отношений в исследуемом регионе, является распространенность установок на совместное проживание с представителями других этнических групп на территории своего населенного пункта. Эта позиция в инструментарии исследования была заложена в вопросе «Одобрили бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из вашего города (села)?». Полученные распределения показали, что, если в целом идея принудительного выселения не получила широкой поддержки, то дифференциация населения по материальному положению выявляет увеличение числа дончан, одобряющих подобные меры по мере ухудшения благосостояния (табл. 2).При этом зонами повышенной напряженности становятся сельские территории, в которых в силу привлекательных для ряда видов хозяйственной деятельности природно-климатических условий наблюдается концентрирование групп этнических мигрантов (Ремонтненский, Заветинский,Орловский, Зимовниковский, Дубовский районы Ростовской области)[1]. В результате конкуренция за природные и экономические ресурсы провоцирует рост мигрантофобии, что, в свою очередь, в крайней форме проявляется в установках на выселение отдельных этнических групп за пределы локального сообщества.

1 Serikov A.V., Bedrik A.V., Panfilova Yu.S. Interethnic aggression and extremism in the Rostov region: forming factors in the conditions of social realities of a multiethnic region // European Research Studies Journal. Volume XX, Issue 4A, 2017. P. 551.

Таблица 2.

Дифференциация ответов на вопрос «Одобрили бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из вашего города (села)?» по удовлетворенности материальным положением

Одобрили бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из вашего города (села)?	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? (Материально обеспечены)		
	1. Хорошо	2. Удовлетво-рительно	3. Плохо
1. Да, одобрили бы	6,6%	9,9%	13,6%
2. Скорее одобрили бы	11,3%	12,1%	17,4%
3. Скорее не одобрили бы	27,2%	21,7%	22,7%
4. Нет, не одобрили бы	33,8%	35,4%	26,1%
5. Затрудняюсь ответить	21,1%	18,1%	20,1%

Таким образом, по результатам исследования можно говорить об усилении латентной напряженности в межэтническом взаимодействии по мере ухудшения социального самочувствия жителей области. При этом в группах, наиболее остро ощущающих последствия кризиса, запрос на установление социальной справедливости может трансформироваться в открытые проявления межэтнической агрессии. По данным опроса, в группе неудовлетворенных собственным материальным положением утверждение о справедливости насилия в случае ущемления прав своего народа находит наибольшую поддержку (табл. 3). Как отмечает М.К. Горшков, данная ситуация для нашей страны относительно нова и фиксируется по массовым опросам только последние 5-10 лет[1]. В числе прочего выход накопившихся фрустраций связан с ощущениями больших потерь, которые, по мнению респондентов группы «пессимистов» понесли представители их этноса за последние 15-20 лет (табл. 4).

1 Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство Весь Мир, 2015. С. 219.

Таблица 3.

Дифференциация ответов на вопрос «С каким из перечисленных мнений вы согласны: Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры» по удовлетворенности материальным положением

С каким из перечисленных мнений вы согласны: Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? (Материально обеспечены)		
	1. Хорошо	2. Удовлетво-рительно	3. Пло-хо
1. Полностью согласны	11,4%	13,2%	18,4%
2. Скорее согласны	15,7%	25,7%	34,5%
3. Скорее не согласны	32,9%	32,4%	18,4%
4. Не согласны	40,0%	28,7%	28,7%

Таблица 4.

Дифференциация ответов на вопрос «С каким из перечисленных мнений вы согласны: Люди моей национальности многое потеряли за последние 15-20 лет» по удовлетворенности материальным положением

С каким из перечисленных мнений вы согласны: Люди моей национальности многое потеряли за последние 15-20 лет	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? (Материально обеспечены)		
	1. Хорошо	2. Удовлетво-рительно	3. Плохо
1. Полностью согласны	10,8%	24,6%	35,7%
2. Скорее согласны	32,3%	24,6%	21,4%
3. Скорее не согласны	23,1%	27,3%	28,6%
4. Не согласны	33,8%	23,5%	14,3%

В то же время жителями области, в том числе и теми, кто

представляет группу «пессимистов», понимается необходимость поддержки межэтнического согласия. Это проявляется в первую очередь в согласии с поддержкой государством культуры различных этносов и равноправием всех народов, проживающих на территории страны.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов. В условиях социально-экономического кризиса социальное самочувствие населения как фактор восприятия этнически «другого» и оценки состояния межэтнических отношений повышает свою значимость. Удовлетворенность собственным материальным положением, наличие стабильной работы и спокойствие в повседневной жизни являются условиями общего снижения конфликтных настроений и сокращения социальной дистанции в практиках повседневных взаимодействий между представителями разных этнических групп. Напротив, усиление фрустрационных состояний, имеющих в основе низкий уровень материального достатка, отсутствие «подушки безопасности» в виде накоплений и неспособность выстраивать адаптационные стратегии, ведут к усилению социальной напряженности. В первую очередь это проявляется через ограничение числа межэтнических контактов в повседневной жизни, усиление идентификации с собственным этносом по мере ухудшения основных параметров социального самочувствия.

При этом результаты исследования позволяют констатировать, что ведущим фактором, влияющим на повседневное самочувствие, и, как следствие, вектор восприятия текущей этносоциальной ситуации, является субъективная оценка собственного материального благополучия. В первую очередь это связано с особенностями регионального рынка труда, заключающимися в его нестабильности, закрытости значительной части престижных профессиональных позиций, этнической стратификации в определенных сферах занятости населения. В сочетании с растущими в силу социально-экономической привлекательности региона миграционными потоками это создает в сознании наиболее пострадавших от кризиса групп населения ощущение растущей межэтнической конкуренции, «выдавливания» из традиционных сфер занятости, что ведет к усилению латентной напряженности, ждущей «повода» перехода в открытый конфликт. В сложившейся ситуации долгосрочной стратегической целью региональных органов государственной власти в социально-экономической сфере должно стать повышение общего уровня социального самочувствия населения области в первую очередь через поиск путей ослабление социальной дифференциации, повышение открытости рынка труда и снижение уровня безработицы.

Библиография

1. Ярулин И.Ф., Свищев М.П., Слонский Е.С., Ярулин К.И. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае // Регионалистика. 2015. №2. С. 37−55.

2. Ничеговская М.А. Социальное самочувствие населения в сфере межэтнических отношений на Ставрополье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №3. С. 342−344.
3. Напсо Р.Р. Состояние межнациональных отношений в республике Адыгея как фактор социального самочувствия населения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. №2. С. 167−173.
4. Клименко Л.В. Социальное самочувствие населения полиэтничных регионов Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. С. 107−113.
5. Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области: официальный сайт. – Режим доступа: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.12.2017).
6. Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. Кол. монография / Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Барбашин М.Ю. [и др.] / Отв. ред. Ю.Г. Волков. − Ростов н/Д: Антей, 2012. 172 с.
7. Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 1 // Вестник Института социологии. 2014. № 1 (8). С. 8–32.
8. Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии РАН. 2017. Том. 8. № 2. С. 71−95.
9. Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Оценка населением юга России характера межэтнических отношений в период реализации стратегии национальной политики // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 6 (59). С. 118−130.
10. Serikov A.V., Bedrik A.V., Panfilova Yu.S. Interethnic aggression and extremism in the Rostov region: forming factors in the conditions of social realities of a multiethnic region // European Research Studies Journal. Volume XX, Issue 4A, 2017. Pp. 542-557.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Весь Мир, 2015. 432 с.

References

1. Yarulin I.F., Svishchov M.P., Slonsky E.S., Yarulin I.F. The dynamics of interethnic and interreligious relations in Khabarovsk territory[*Dinamika mezhjetnicheskih i mezhkonfessional'nyh otnoshenij v Habarovskom krae*]// Regionalistica.2015. Iss. 2. Pp. 37−55.
2. Nichegovskaya M.A. The social well-being of the population in the sphere of inter-ethnic relations in the Stavropol territory [*Social'noe samochuvstvie naselenija v sfere mezhjetnicheskih otnoshenij na Stavropol'e*] // Humanities, social-economic and social sciences. 2013. Iss. 3. Pp. 342−344.
3. Napso R.R. Status of international relations in the republic of Ady-

ghea as a factor of the social well-being of the population (based on social studies) [*Sostojanie mezhnacional'nyh otnoshenij v respublike Adygeja kak faktor social'nogo samochuvstvija naselenija*] // Bulletin of the Maikop state technological university. 2013. №2. Pp. 167-173.

4. Klimenko L.V. Regional peculiarities of the social feeling of the population in the multiethnic regions of the South of Russia [*Social'noe samochuvstvie naselenija polijetnichnyh regionov Juga Rossii*] // Bulletin of the Adygeya State University, a series of" Regional: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2011. Iss. 1. Pp. 107−113.

5. General results of population shift [Electronic resource] // Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Rostov region: official site. − Access mode: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/population/ (reference date: December 28, 2017).

6. Twenty years of reforms in Russia eyes of residents of the Rostov region [*Dvadcat' let reform v Rossii glazami zhitelej Rostovskoj oblasti*] / Volkov Yu.G., Varkov F.A., Barbashin M.Yu. at. al.–Rostov-on-Don: Antaeus, 2012. 172 p.

7. Volkov Yu.G., Barkov F.A., Vereshagina A.V. Poverty and Social Inequality in the Rostov Region. Part [*Bednost' i social'noe neravenstvo v Rostovskoj oblasti. Chast' 1*] // Bulletin of the Institute of Sociology. 2017. Vol. 8. Iss. 2. C. 71−95.

8. Volkov, Yu.G., Bineeva, N.C., Posukhova, O.Yu., Serikov, A.V. The Social Attitudes and Adaptation Practices of People Living in Rostov Province Within the Context of Everyday Russian Life During Crisis [*Social"nye nastroenija i adaptivnye praktiki zhitelej Rostovskoj oblasti v kontekste rossijskoj povsednevnosti v uslovijah krizisa*]. Bulletin of the Institute of Sociology.2017. Vol. 8. Iss. 2 (21). Pp. 71−95.

9. Volkov Yu.G., Denisova GS, Lubsky A.V. Assessment of the population of the south Russian character of ethnic relations during the realization of the national strategy policy [*Ocenka naseleniem juga Rossii haraktera mezhjetnicheskih otnoshenij v period realizacii strategii nacional'noj politiki*] // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and socio-cultural journal. 2016. Iss. 6 (59). Pp. 118−130.

10. Serikov A.V., Bedrik A.V., Panfilova Yu.S. Interethnic aggression and extremism in the Rostov region: forming factors in the conditions of social realities of a multiethnic region // European Research Studies Journal. Volume XX, Issue 4A, 2017. PP. 542-557.

11. Gorshkov, M.K., Petukhov R.V. (Eds.) Russian Society and Challenges of The Time. Book Two [*Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ja*]. Moscow: Ves Mir Publishers, 2015. 432 p.

ЧИКАРОВА
Галина Игоревна
Южнороссийский филиал, младший научный сотрудник ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия
galia201292@gmail.com

МАРЕЕВ
Владимир Иванович
доктор педагогических наук, профессор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия
mareev@sfedu.ru

ДЮЖИКОВ
Сергей Александрович
доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
duzhikov@sfedu.ru

CHIKAROVA
Galina Igorevna
South Russian branch of FCTAS RAS, Junior Researcher,
Rostov-on-Don,Russia
galia201292@gmail.com

MAREYEV
Vladimir Ivanovich
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
mareev@sfedu.ru

DYUZHIKOV
Sergey Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
duzhikov@sfedu.ru

Этнический компонент многоуровневой идентичности населения регионов Юга России/ Ethnic component of multi-level identity of the population of the regions of Southern Russia

Аннотация

Статья посвящена анализу этнического компонента много уровневой идентичности населения регионов Юга России. В данной работе на основе результатов ряда эмпирических исследований, проведенных в 2017 году, было проанализировано структурное содержание идентичности жителей двух регионов Юга России: Республики Кабардино-Балкарии и Ростовской области. В работе выявлено, что этнический компонент не занимает первостепенного места в иерархии компонентов многоуровневой идентичности современного индивида ни в одной из анализируемых групп. Сравнительный анализ моделей идентичностей, сложившихся у

жителей двух разных по этническому составу субъектов Юга России позволил определить, что наличие этнического компонента в идентификационной структуре индивидов в большей степени является значимой для представителей национальной Республики Кабардино-Балкарии, нежели для населения, проживающего на территории Ростовской области.

Ключевые слова

Идентичность; структура идентичности; этничность; население Юга России; Юг России.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the ethnic component of multi-level identity of the population of the regions of the South of Russia. This paper, based on the results of a number of empirical studies conducted in 2017, the structural content of the identity of residents of two regions of the South of Russia was analyzed: the Republic of Kabardino-Balkaria and the Rostov Region. In the work it was revealed that the ethnic component does not occupy the first place in the hierarchy of components of the multi-level identity of the modern individual in any of the groups analyzed. A comparative analysis of the models of identities formed among residents of two different ethnic entities in the South of Russia made it possible to determine that the presence of an ethnic component in the identity structure of individuals is more significant for the representatives of the national Republic of Kabardino-Balkaria than for the population living on the territory of the Rostov region.

Keywords

Identity; structure of identity; ethnicity; population of the South of Russia; South of Russia.

Начиная с 60-х годов XX века в социально-гуманитарном научном дискурсе появляется понятие «идентичность». С этого времени с каждым годом в различных отраслях гуманитарного знания изучение данного феномена стало приобретать все новые и новые аспекты. Сегодня идентичность как предмет научно-исследовательского анализа широко представлено в социальной психологии, социологии, антропологии, конфликтологии, политологии, культурологии и ряде других областей гуманитарного знания.

Конец XX века стал для российского общества периодом глубоких социальных трансформаций, который сопровождался ломкой институциональной структуры и системы социальной стратификации общества. Политические и социально-экономические изменения привели к распаду существовавшей ранее модели идентификационной системы и идентификационному кризису жителей страны.

В связи с этим актуальным в научном дискурсе стал вопрос разработки новых моделей социальной идентичности индивидов в условиях современного российского общества, что привело к существованию множества различных подходов и направлений в

исследовании идентичности. Главным из которых является обоснование возможности существования в полиэтнической России исключительно многоуровневой идентичности. В последние десятилетия внимание исследователей, занимающихся изучением данной проблематики, обращено к анализу различных составных компонентов идентичности современных россиян: цивилизационной, геополитической, национальной, региональной, этнической составляющим.

Цель настоящей работы анализ этнического компонента многоуровневой идентичности населения регионов Юга России.

Эмпирическую базу исследования составили:

1) результаты количественного социологического исследования, проведенного научным коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2017 году. По стандартизированной анкете было опрошено 1208 жителей Ростовской области. Статистическая погрешность исследования в пределах 1%.

2) результаты опроса на тему «Оценка населением национальной политики в России и определение его готовности к имплементации моделей ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений США и Германии в российских условия», проведенного в 2016 г. научным коллективом исследовательского проекта РНФ №15-18-00122. В рамках данного исследования было опрошено 2360 респондентов (в Кабардино-Балкарской Республике — 390 человек, в Ростовской области — 400 человек).

Выбор Юга России обусловлен его наибольшей репрезентативностью в данном исследовательском вопросе, так как данный регион представляет собой территорию проживания многочисленных различных этических, конфессиональных и лингвистических групп населения. Выбор именно Кабардино-Балкарской Республики и Ростовской области обусловлен разной степенью представленности соотношения численности представителей различных этносов в каждом из субъектов, что позволяет провести сравнительный анализ двух идентификационных структур, характерных для индивидов, проживающих в разных типах регионов Юга России.

Ростовская область, несмотря на то, что на территории данного субъекта Российской Федерации проживает большое количество разного по этническому составу население (армяне, украинцы, турки, азербайджанцы, цыгане, белорусы, татары, корейцы и т.д.) все же данный регион является административно-территориальной единицей России с преобладанием русского населения (90,34%).

Кабардино-Балкарская Республика же является формой территориального самоопределения сразу двух этносов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в данной Республике проживает 57,18% кабардинцев, 12,66% балкарцев, 22,49% русских)

Теоретическим основанием данного исследования послужили идеи И. Гофмана, «выделяющего три типа идентичности: социальную, личностную, и я-идентичность и определяющего социальную

идентичность как типизацию личности другими на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит».[1]

Данилова Е.Н., занимающаяся в своих исследованиях изучением изменения в социальных идентификациях россиян, подчеркивает, что «механизмы социальной самоидентификации индивидов основаны на выделение «своих групп» в социальном пространстве, при этом человек, как правило, руководствуется наибольшей эмоциональной и ценностной значимостью групп (тех, кого можно назвать «мы») и распознаванием общих с группой черт и качеств, а также возможностью обеспечения групповой поддержки, защиты и условий для самореализации».[2]

Таким образом, для изучения многоуровневой структуры социальной идентичности населения Ростовской области и Кабардино-Балкарской Республике, а также определения в них места и значения этнического компонента, в данном исследовании был использован анализ «мы-идентификации» как показателя включенности индивидов в различные социально-групповые общности.

В целях выявления структуры идентичности жителей Ростовской области респондентам, принявшим участие в опросе, был задан вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это — Мы»? Определите степень близости к ним по шкале «в значительной степени», «в наибольшей степени», «не ощущаю».

Согласно данным, полученным в ходе исследования, было выявлено, что главное место в структуре идентичности индивидов, проживающих в Ростовской области, занимает идентификационный компонент, связанный с гражданским компонентом. Так, 94, 5% респондентов в разной степени ощущают общность с такой социальной группой, как граждане России (73,9% - «в значительной степени», 20,6% - «в небольшой степени»).

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – Мы»? (Граждане России)»

№	Вариант ответа	%
1.	В значительной степени	73,9
2.	В небольшой степени	20,6
3.	Не ощущаю близости	3,4
4.	Нет ответа	2,1

Важной для населения донского края также является такая идентификационная составляющая как земляки. Почти половина опрошенных (49,1%) отмечают близость с данным сообществом, 35,3% респондентов хотя и в небольшой степени, но все же утверждают, что могли бы сказать о данной группе это-мы.

Таблица 2.

1 Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России// Социологические исследования. 2011. № 7.

2 Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Глава 5. Отклонения и девиация / Пер. А. Мактас // Социологический форум. 2000. №3.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – Мы»? (Земляки)»

№	Вариант ответа	%
1.	В значительной степени	49,1
2.	В небольшой степени	35,3
3.	Не ощущаю близости	12,2
4.	Нет ответа	3,4

Следующее по значимости в многоуровневой идентичности представителей Ростовской области занимает место идентичность индивидов, формирующаяся на основе чувства общности с жителями определенной территориальной единицы (города, села). Половина населения Ростовской области из общего числа респондентов, принявших участие в исследовании, отмечают близость с данной социальной группой в значительной степени, 33,7% - в небольшой, и только 12,4% утверждают, что не ощущают близости с жителями своего города и сила совсем.

Таблица 3.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – Мы»? (Жители вашего города, села)»

№	Вариант ответа	%
1.	В значительной степени	50,0
2.	В небольшой степени	33,7
3.	Не ощущаю близости	12,4
4.	Нет ответа	3,9

Важно отметить, что этнический компонент не находится на приоритетном месте в структуре мы-идентичности жителей Ростовской области и занимает 4 место, уступая в иерархии идентичностей гражданской идентичности и идентичности сформированной на основе общности территории проживания (земляки, жители одного города, села). Люди той же национальности как группа, про которую можно сказать «Это-мы», выбрало меньше половины жителей донского края - участников опроса (42%). Примерно столько же респондентов (39,7%) отмечают незначительную близость с данной социальной группой. 14, 7% опрошенных вообще не выделяют для себя данную группу как референтную.

Таблица 4.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – Мы»? (Люди той же национальности)»

№	Вариант ответа	%
1.	В значительной степени	42,0
2.	В небольшой степени	39,7
3.	Не ощущаю близости	14,7
4.	Нет ответа	3,7

Замыкающими уровнями структуры мы-идентичности жителей Ростовской области, по результатам социологического исследования, стали идентичности сформированные на основе различных видов коллективных ценностей и установок: профессиональная, религиозная, а также идентичность, формирующаяся на основе общих взглядов на

жизнь с той или иной группой индивидов. Так общность с людьми той же профессии в той или иной степени ощущает 79,6% респондентов из РО, с представителями того же вероисповедания 70,6%, с индивидами, разделяющих те же взгляды на жизнь, что и опрошенные — 68,8%.

Таблица 5.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – Мы»?»

№	Вариант ответа	Люди той же профессии, занятия, что и Вы	Люди Вашей веры, того же вероиспо-ведания, что и Вы	Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы
1.	В значительной степени	37,2	36,2	35,3
2.	В небольшой степени	42,4	34,4	33,5
3.	Не ощущаю близости	17,4	25,9	12,8
4.	Нет ответа	3,0	3,4	18,3

Таким образом, проведенный анализ, сложившейся многоуровневой идентичности, характерной для населения Юга России, проживающего в Ростовской области, позволил сделать вывод о том, что этнический компонент не выходит на приоритетные места в многоуровневой структуре мы-идентичности анализируемой группы россиян. Тогда как лидирующее значение в рейтинге значимости исследуемой когорты индивидов занимает гражданская идентичность.

Что же касается анализа многоуровневой идентичности жителей Кабардино-Балкарской Республики, то анализ результатов эмпирических замеров, проведенных в данном субъекте РФ, показал, что в структуре групповой идентификации населения данного региона преобладает чувство близости с малыми территориальными поселениями. Довольно сильную связь с мы-группой, формирующейся на основе общности населенного пункта проживания, чувствует 72% опрошенных.

Таблица 6.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с населением пунктов, где проживаете?»

№	Вариант ответа	%
1.	Довольно сильно	72,0
2.	Не очень сильно	19,2
3.	Не чувствую	3,5
4.	Затрудняюсь ответить	5,3

Второй по значимости ряд групповых идентификаций образует чувство близости с этнической общностью: 67,7% - определяют данную общность как в наибольшей степени близкую в своих идентификационных предпочтениях. Пятая доля респондентов

(21,9%) не очень сильно, но все же чувствует свою связь с той или иной этнической общностью. И только 4% не выделяют в структуре своей идентичности данный компонент.

Таблица 7.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с Вашей этнической общностью?»

№	Вариант ответа	%
1.	Довольно сильно	67,7
2.	Не очень сильно	21,9
3.	Не чувствую	4,0
4.	Затрудняюсь ответить	6,3

В третью очередь устойчивые мы-идентификации образуют жители КБР с представителями региона своего проживания. 86,5% участников исследования в разной степени эмоциональной привязанности отметили свою общность с данной социальной группой.

Таблица 8.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с регионом, где Вы живете?»

№	Вариант ответа	%
1.	Довольно сильно	61,4
2.	Не очень сильно	25,1
3.	Не чувствую	4,5
4.	Затрудняюсь ответить	9,1

Также необходимо подчеркнуть, что гражданская идентичность и идентичность, связанная с самоопределением себя как части российского народа не находит своего отражения на приоритетных местах в структуре мы-идентичности населения Кабардино-Балкарской Республике. Так, довольно сильно чувствует свою связь с Россией только 40,2 % жителей данного субъекта РФ, принявших участие в исследовании, 36, 4 % также ощущают близость со страной, но характеризую степень совей привязанности, как не очень сильную. Важно отметить, что на данный вопрос большое количество респондентов (13,6%) затруднились дать ответ, а 9,8% опрошенных отметили отсутствие общности со своей страной.

Таблица 9.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с Россией?»

№	Вариант ответа	%
1.	Довольно сильно	40,2
2.	Не очень сильно	36,4
3.	Не чувствую	9,8
4.	Затрудняюсь ответить	13,6

Относительно идентичности населения Кабардино-Балкарской Республики, основанной на общности с россиянами, анализируемые результаты социологического исследования, позволяют сделать вывод о низкой степени включенности данного идентификационного компонента в общую многоуровневую структуру жителей данного региона.

Таким образом, проведенной вторичный социологический анализ сложившейся многоуровневой идентичности, характерной для населения Юга России, проживающего в Кабардино-Балкарской Республике позволил сделать вывод о том, что этнический компонент выступает одним из наиболее значимых составляющих в многоуровневой структуре мы-идентичности анализируемой группы россиян, отстраняя на задний план гражданскую идентичность индивида.

Сравнительный анализ многоуровневых идентичностей индивидов, проживающих в мононациональном регионе (с преобладанием русского населения) и в межнациональном регионе, позволил установить, что для жителей Кабардино-Балкарской Республики этнический компонент играет более важную роль.

Таким образом, проведенный анализ этнического компонента многоуровневой идентичности жителей двух субъектов Российской Федерации: Кабардино-Балкарской Республики и Ростовской области, позволяет заключить, что этнический компонент не выходит на первое место ни в одной из многоуровневых систем идентичности, сложившихся среди населения анализируемых территорий. Так у жителей Ростовской области этнический компонент не входит в тройку первостепенных компонентов, на основе которых происходит самоопределение индивидов с важнейшими для него мы-группами и уступает гражданским идентификационным составляющим. Что касается многоуровневой идентичности населения Республики Кабардино-Балкарии, то в иерархии компонентов этничность является более значимой, в сравнении с жителями Ростовской области и уступает лидирующее положение только компоненту, формируемому на основе тесной связи с Малой Родиной.

Библиография

1. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Глава 5. Отклонения и девиация / Пер. А. Мактас // Социологический форум. 2000. №3.

2. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76-86.

3. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России// Социологические исследования. 2011. № 7.

4. Многоуровневая идентичность / З. А. Жаде, Е. С. Куква, С. А. Ляушева, А. Ю. Шадже. М., 2006.

5. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. – 422 с.

6. Официальный сайт Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] URL.http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 23.03.2018)

References

1. Gofman I. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Chapter 5. Deviations and deviation[*Zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. Glava 5. Otkloneniya i deviaciya*] / Trans. A.Maktas // Sociological Forum. 2000. № 3.

2. Danilova E.N. Changes in social identities of Russians [*Izmeneniya v social'nyh identifikaciyah rossiyan*]// Sociological Journal. 2000. № 3/4. Pp. 76-86.

3. Denisova GS, Klimenko L.V. Peculiarities of the regional identity of the population of the South of Russia[*Osobennosti regional'noj identichnosti naseleniya YUga Rossii*] // Sociological research. 2011. № 7.

4. Multi-level identity[*Mnogourovnevaya identichnost'*] / ZA A. Jade, E. S. Kukva, SA Lyausheva, A. Yu. Shadzhe. M., 2006.

5. National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience[*Nacional'naya politika v Rossii: vozmozhnost' implementacii zarubezhnogo opyta*]: monograph / otv. Ed. SOUTH. Volkov. - Moscow: Social and Humanitarian Knowledge, 2016. - 422 p.

6. Official site All-Russian Population Census 2010[*Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010*] [Electronic resource] URL.http: //www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (circulation date 23.03.2018)

ГОЛОВИН
Юрий Алексеевич
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Ярославль,Россия
yagolovin@rambler.ru

GOLOVIN
Yuri Alekseevich
Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department
P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia
yagolovin@rambler.ru

ШАМАТОНОВА
Галина Леонидовна
кандидат политических наук, доцент
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Ярославль,Россия
gshamatonova@mail.ru

SHAMATONOVA
Galina Leonidovna
candidate of political sciences, associate professor
P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia
gshamatonova@mail.ru

Гражданская активность молодёжи в современной России: состояние и тенденции развития[1]/ Civil activity of youth in modern Russia: the state and development trends

Аннотация

В статье представлен теоретический и практический анализ по проблеме гражданской активности молодёжи. Рассматривается институт выборов в качестве важнейшей формы волеизъявления граждан в демократическом правовом государстве. Проанализирован уровень осведомленности студентов о современной политической ситуации в России, рассмотрены основные формы участия студентов в политической жизни. Представлены состояние, динамика и факторы интереса студенческой молодёжи к политике, определяется место политики среди их жизненных ориентаций. Выявляется зависимость стремления к власти у молодёжи от их отношения к действующей

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

политической власти в стране.

Ключевые слова

Гражданская активность; политическое поведение; политическое участие; абсентеизм; институт выборов; молодёжь; студенты; электорат; политическая культура

Abstract

The article presents theoretical and practical analysis on the problem of civil activity of young people. The institute of elections is considered as the most important form of expression of the will of citizens in a democratic legal state. The level of students 'awareness of the current political situation in Russia is analyzed, the main forms of students' participation in political life are considered. The state, dynamics and factors of interest of student youth to politics are presented, the place of politics among their life orientations is determined. The dependence of the desire for power among young people on their attitude to the current political power in the country is revealed.

Keywords

Civil activity; political behavior; political participation; absenteeism; institute of elections; youth; students; electorate; political culture.

В современной политической науке большое внимание уделяется состоянию и тенденциям развития гражданской активности молодежи. В различные исторические периоды сформировавшиеся в обществе представления об активной личности существенно различались и в разные годы были предприняты попытки как осуществить анализ понятия гражданской активности в целом, так и определить ее мотивационно-ценностный и целевой компоненты, необходимые для понимания направленности. В настоящее время в российском обществе молодёжь как социальная группа имеет противоречивый статус. С одной стороны, ее характеризуют как социально незрелую и политически индифферентную, с другой - считают социально-инновационным ресурсом и субъектом общественных преобразований. Как отмечает Д. В. Кротов, российская студенческая молодёжь не ассоциативна, не видит в социальной активности смысла, не интересуется тем, что выходит за пределы личной жизни, слабо участвует в экологических движениях, не озабочена в отличие от ее зарубежных сверстников проблемами безопасности и социальной несправедливости; не просматривается позиция молодёжи в борьбе с социальными болезнями современного российского общества. Он подчеркивает, что работающей молодёжи свойственны узость социально-инновационной деятельности, концентрирование в сферах мелкого бизнеса и услуг.

Самореализация молодёжи осуществляется через деятельность политических партий, выражение их гражданской позиции посредством выборов, выходов на пикетирование и др. Цель статьи – выявить особенности социально-политической активности молодёжи путем исследования их политического участия.

Основные формы политического участия молодёжи в современном обществе являются: участие в выборах, участие в местном самоуправлении, создание молодёжных организаций, деятельность в политических партиях, участие в формах политического протеста (митинги, забастовки).

Проблема политического участия рассматривалась еще во времена Древней Греции. Аристотель, Макиавелли, Гоббс, Монтескье, Руссо и другие мыслители в своих трудах упоминали о нём. По словам М. Р. Холмской, «политическое участие» рассматривается как один из основных элементов, составляющих содержание категории «политическое поведение». Часто «политическое участие» понимается, как менее общее понятие, сосредотачиваемое на определённых аспектах политического поведения. Например, упор делается только на участии личности, а не масс людей или каких-либо групп. Не берётся во внимание политическое неучастие (абсентеизм). А также «политическое участие» всегда имеет конечную цель, то есть это осознанное действие, что отграничивает его от различных бессознательных и случайных действий, рассматриваемых политическим поведением.

Политическое участие представляет собой вовлеченность членов общества в определенные политические отношения, движимые различными интересами. Именно политическое участие граждан способно оказать положительное влияние на их положение в обществе, заставить власть считаться с запросами и интересами простых людей. Так, Г. Алмонд и С. Верба определяли политическое участие как «действия частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность». В свою очередь С.А. Пфетцер представляет политическое участие как инструментальную активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия[1]. Соответственно, политическое участие трактуется как инструмент влияния граждан на власть, на формирование ее институтов и их деятельность. Оно всегда соотносится с понятием «цель», которую преследуют акторы. В зависимости от целей, политическое участие играет как положительную роль, например, в случае с выборами или массовыми акциями в поддержку решения какой-то проблемы, так и отрицательную, что наблюдается в деструктивных действиях разного рода (такие как протестные выступления, ведущие к революции и пр.). Уровень участия может служить индикатором социальной напряжённости, а также степени развития гражданского общества, политической культуры населения.

В научной литературе выделяют три уровня участия граждан в политической жизни. Первый уровень предполагает принятие

1 Кротов М. И., Мунтиян В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016

гражданином норм политической системы, правовых предписаний. Второй уровень предполагает совместные действия граждан в целях достижения групповых интересов, к примеру, по осуществлению местного самоуправления. Третий уровень отражает нацеленность граждан на решение государственных вопросов. Диапазон проявления данного уровня достаточно широк и определяется фактом активного участия в обсуждении законопроектов, участия в референдумах, выборах. Данный уровень политического участия требует политических знаний, правовой и политической культуры личности[1].

Впрочем, политическое участие в каждой стране различается: в зависимости от развития общественных связей и политических механизмов оно содержит те или иные особенности. В демократическом обществе участие в политике – свободное, инициативное, действенное в решении вопросов, затрагивающих существенные интересы граждан. Такое участие обеспечивается определенными государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, составляющими основы демократического правового режима. Важнейшими агентами политического участия при этом выступают политические партии, общественно-политические организации, а основной формой – выборы. Здесь активность людей не подавляется и открываются существенные возможности для выражения и реализации своих интересов. Граждане включаются в политическую деятельность в зависимости от характера решаемых вопросов, их компетенцией, потребностей и политической ситуации.

Интерес к политике является одной из основных характеристик политического сознания и базовым уровнем проявления связи индивида и политической системы. Однако признание индивидом высокого уровня интереса к политике может носить отчасти декларативный характер и не приводить к большей вовлеченности в политическую жизнь. Внимание к политике может проявляться в регулярном отслеживании политических новостей и событий и в частых обсуждениях политических вопросов с близкими и друзьями.

Одним из основных видов политического участия является участие в выборах. Выборы на пост Президента РФ, состоявшиеся 18 марта 2018 года, стали седьмым голосованием на должность главы государства в его новейшей истории. В условиях обострения международной обстановки, для действующих властей было крайне важно доказать свою легитимность. Поэтому, особое внимание уделялось обеспечению высокой явки избирателей.

Для повышения явки органы власти и управления, политические партии осуществили комплекс мероприятий по воздействию на уровень гражданской активности общества. Были внесены изменения в законодательные акты по организации и проведению выборов: отменены открепительные удостоверения, граждане получили

1 Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) // Полис. 1999. № 5. С. 170-176.

возможность голосовать по месту пребывания в заявительном порядке. Этим правом воспользовались до 5 млн. избирателей.

Более наступательный характер приобрела политическая реклама, призывающая граждан проявить свою активность и принять участие в выборах Президента России. СМИ подробно рассказывали о каждом шаге действующего Президента РФ, были изготовлены обширные материалы о его биографии и достижениях.

Сработала и система фильтров при выдвижении кандидатов на пост Президента России. Реальных конкурентов действующему Президенту фактически не было. Стремлением привлечь внимание граждан к выборам можно объяснить появление среди кандидатов на пост Президента Павла Грудинина и Ксении Собчак.

Плановую активность проявили и политические партии. «Единая Россия» и «Справедливая Россия» поддержали В.В. Путина, КПРФ – П.Н. Грудинина и ЛДПР – своего бессменного лидера В.В. Жириновского.

Тестом на политическую лояльность и профпригодность выборы стали для региональных руководителей. Региональные власти внесли свой вклад в повышение активности граждан в период президентской избирательной кампании. Для руководителей Ярославской области итоги выборов Президента РФ имели особое значение. Новая команда управленцев, состоящая из представителей других регионов, главным образом из Москвы и Московской области, лишь недавно сменила старую ярославскую элиту. До недавних пор наша область славилась протестным голосованием.

В Ярославской области развернули проект «Решаем вместе», в рамках которого жителям области предложили самим определить, какие объекты социального назначения нужно реконструировать или построить на их территории. Итоговое голосование было назначено на 18 марта, места для голосования разместились в тех же зданиях, где были избирательные участки. Правозащитники указывали на возможность контроля за участием в голосовании по данному проекту. Всего в рамках проекта «Решаем вместе» проголосовало более 375 тысяч человек.

Существенную роль в развитии гражданской активности в области сыграла Общественная палата Ярославской области и муниципальные общественные палаты. В 2017 году в период подготовки и проведения выборов губернатора Ярославля была создана рабочая группа Общественной палаты области по мониторингу выборов. В состав рабочей группы вошли представители Общественных палат Ярославской области и муниципальных образований. Были подписаны соглашения о сотрудничестве с избирательной комиссией Ярославской области и Уполномоченным по правам человека Ярославской области. В день голосования члены рабочей группы по мониторингу выборов побывали на избирательных участках и принимали участие в рассмотрении жалоб от граждан.

В период подготовки к выборам Президента России в 2018 году были внесены изменения в закон о выборах Президента, предусматривающие право Общественной палаты РФ и региональным общественным палатам назначать наблюдателей на выборы. Общественная палата Ярославской области активно использовала опыт, накопленный в 2017 году. Всего были назначены 1287 наблюдателей, в том числе 812 – от муниципальных общественных палат, 409 – от высших учебных заведений и 66 – от НКО.

Совместно с избирательной комиссией Ярославской области было организовано обучение наблюдателей и оказание помощи в период проведения выборов.

По данным, полученным от ЦИК РФ, победу в первом туре одержал действующий Президент России Владимир Путин, набравший 76,69% голосов от принявших участие в выборах избирателей, тем самым он был избран на второй срок (или четвёртый, если учитывать его президентские сроки с 2000 по 2008 год).

Итоговая явка избирателей составила 67,54 %, что на 2,24 % выше явки на президентских выборах 2012 года и на 19,66 % выше чем на выборах в Государственную думу РФ 2016 года.

В Ярославской области явка на выборах Президента РФ повысилась на 0,64% по сравнению с голосованием 2012 года (64,12% и 63,48 % соответственно). Владимира Путина в Ярославской области поддержали 71,84% избирателей, что является чуть ниже среднего результата по России.

С целью изучения гражданской активности и в, частности, политического участия молодежи Российской Федерации в феврале - начале марта 2018 года было проведено социологическое исследование в форме очного анкетирования студентов ЯрГУ им. П.Г. Демидова. В исследовании приняло участие 800 студентов. Учитывая общее число обучающихся в ЯрГУ доверительная вероятность – 95%, погрешность (доверительный интервал) – ±4%, выборка является репрезентативной.

В результате исследования было выявлено, что студенты гуманитарных факультетов более ориентированы в политической сфере, чем обучающиеся по естественнонаучным направлениям. 72% опрошенных гуманитариев имеют представление о современной политической ситуации, в то время как лишь 56,8% респондентов естественнонаучных направлений дали аналогичный ответ. Не ориентируются в политике примерно одинаковое количество студентов гуманитариев и студентов естественнонаучных направлений: 15,9% и 19,1% соответственно.

По результатам исследования выяснилось, что большинство респондентов участвуют в политической жизни страны путём обсуждения политических событий с друзьями и родственниками (45,1%), постоянно следят за политической жизнью страны (32,8%), третьим по популярности стал вариант «участвую выборах», который

выбрали 26%.

54,6% респондентов ранее принимали участие в выборах, а 45,4% опрошенных студентов не голосовали по следующим причинам: низкий интерес к политике; возраст (до 18 лет); недоверие к власти.

В результате исследования было выявлено, что 52,5% респондентов точно примут участие в выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года. Такие результаты весьма соотносимы с европейскими показателями: например, выразить своё мнение на выборах в 2015 году решили 58% молодых граждан Великобритании и 47% молодых избирателей Польши[1] [6].

В ходе исследования студентам также предлагалось ответить на два вопроса, касающихся отношения к власти: «Как Вы оцениваете действия политической власти в РФ?» и «Хотели бы Вы оказаться у политической власти?».

Говоря о личностной оценке действий нынешней власти, большинство респондентов предпочло избежать категоричных оценок и склонилось к вариантам со словом «скорее» (скорее одобряет 40,3% и скорее не одобряет 28,9%). Меньшая часть опрошенных была более категорична и целенаправленна в своих оценках (одобряют действия властей 14% и не одобряют 16,8%). Данные цифры можно интерпретировать не только как неопределённость большей части опрошенных студентов относительно оценки политической власти, но и нежелание дать социально неодобряемый ответ в анкете, поэтому многие из респондентов и склонялись к ответу со словом «скорее» исходя из политических предпочтений своего окружения.

На вопрос о желании находится у политической власти только 17% студентов ответили утвердительно и 15,1% скорее бы хотели находиться у власти. 37,7% респондентов выбрали ответ «нет» и 30,3% «скорее нет». При анализе ответов представляет интерес сравнение данного показателя у студентов гуманитарного и естественнонаучного направлений. Это обосновано различиями в степени подготовки к ведению общественно-политической деятельности у учащихся высших учебных заведений. Так, количество человек, одобряющих действия политической власти, но не желающих принимать в ней участие и количество не одобряющих и не стремящихся к власти примерно равны как на гуманитарном, так и на естественнонаучном направлениях (36% и 32%, 35% и 37% соответственно). Основное отличие можно увидеть в количестве респондентов, рассматривающих возможность своего прихода к власти. На естественнонаучных направлениях лишь 12% студентов одобряют действия политической власти и желают сами стать ее частью, что можно объяснить отсутствием профильной подготовки, связанной с социологией, экономикой, правом, политикой и другими гуманитарными науками, тесно связанными с общественно-политическими процессами. Среди студентов гуманитарных

1 Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. №. 4. С. 122-134.

факультетов одобряют действия политической власти и желают сами стать ее частью 22% респондентов.

Таким образом, наблюдается положительная тенденция вовлеченности молодежи в политику. Однако стоит отметить тот факт, что проявление интереса к политике должно способствовать побуждению индивидов к политической активности, а именно участию в политической жизни посредством как наиболее распространенных конвенциональных форм (участие в выборах, деятельность политических партий и движений, обращение к политикам и др.), так и протестных акций (митинги, забастовки, пикеты, сборы подписей и др.). Открытые, демократические, легитимные выборы - важный элемент правового государства. Авторское исследование показало, что направление обучения в высшей школе влияет на степень участия молодых граждан в политике, в том числе выборах. В частности, студенты гуманитарных направлений более осведомлены о политической ситуации в России и в мире, чем студенты естественнонаучных направлений подготовки. Актуальную на сегодняшний день проблему абсентеизма молодёжи необходимо решать, главным образом, путём повышения престижа власти, через государственные институты (например, образовательные учреждения), развивающиеся интернет технологии. Молодёжь является наиболее оперативно реагирующей категорией населения, исследование их социально-политической активности может стать эффективным инструментом анализа текущей политической ситуации в стране. Подобные исследования в дальнейшем позволят выявлять уровень напряженности в молодежной среде, а также готовность молодых людей к активным проявлениям своей гражданской позиции.

Библиография

1. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. 336 с.

2. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) // Полис. 1999. № 5. С. 170-176.

3. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. №. 4. С. 122-134.

4. Пфетцер С. А. Теоретико-методические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1 (55). С. 103-110.

5. Болховитина Т. С. Политика, политическая деятельность, политическое участие: теоретические интерпретации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. Т. 18. № 7 (102). С. 231-236.

6. Европейская молодежь и выборы: инфографика. Портал «Европульс». URL: https://euro-pulse.ru/news/evropeyskaya-molodezh-i-vyiboryi-infografika (дата обращения: 22.04.2018)

References

1. Krotov MI, Muntiyan VI Economic Security of Russia: A Systems Approach. [*EHkonomicheskaya bezopasnost' Rossii: Sistemnyj podhod*]

SPb .: Publishing house of SPC ROST, 2016. 336 p.

2. Kholmskaya MR Political participation as an object of research (review of domestic literature)[*Politicheskoe uchastie kak ob"ekt issledovaniya (obzor otechestvennoj literatury)*] // Polis. 1999. № 5. P. 170-176.

3. Almond GA, Verba S. Civil culture and stability of democracy[*Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii*] // Polis. 1992. No. 4. P. 122-134.

4. Pfettser SA Teoretiko-methodical bases of the analysis of a problem of political participation[*Teoretiko-metodicheskie osnovaniya analiza problemy politicheskogo uchastiya*] // Vestnik of the Kemerovo state university. 2013. No. 3-1 (55). Pp. 103-110.

5. Bolkhovitina TS Politics, political activity, political participation: theoretical interpretations [*Politika, politicheskaya deyatel'nost', politicheskoe uchastie: teoreticheskie interpretacii*]// Scientific statements of Belgorod State University. Series: The Economy. Computer science. 2011. T. 18. No. 7 (102). Pp. 231-236.

6. European youth and elections[*Evropejskaya molodezh' i vybory*]: infographics. Portal "Europulse". URL: https://euro-pulse.ru/news/evropeyskaya-molodezh-i-vyiboryi-infografika (reference date: 04.22.2018)

РОЖКОВА
Лилия Валерьевна,
доктор социологических наук, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Пенза, Россия
tamaeva_lv@mail.ru

ROZHKOVA
Lilia Valeryevna,
Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department “Economic Theory and International Relations”, FGBOU VO “Penza State University”
Penza, Russia
mamaeva_lv@mail.ru

ДУБИНА
Альбина Шагидулловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление инновациями», Пензенский казачий институт технологий (филиал),
Пенза, Россия
misurin@bk.ru

DUBINA
Albina Shagidullovna,
candidate of sociological sciences, associate professor of the department “Management of Innovations”, Penza Cossack Institute of Technology (branch),
Penza, Russia
misurin@bk.ru

ГОЛУБЕВ
Илья Александрович
преподаватель кафедры «Экономическая теория и международные отношения», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Пенза,Россия
rugahidekki@mail.ru

GOLUBEV
Ilya Alexandrovich
lecturer of the department «Economic theory and international relations», FGBOU VO «Penza State University»
Penza, Russia
rugahidekki@mail.ru

Социокультурные особенности социального потенциала молодежи[1]/ Socio-cultural characteristics of social potential of youth

[1] <?> СтатьяподготовленаприфинансовойподдержкеГрантаПрезидентаРФдля государственной поддержки молодых российских ученых МД-328.2018.6 по научному исследованию «Социокультурные особенности формирования социального потенциала молодежи в условиях кризиса и трансформации российского общества»

Аннотация

Проблема изучения социокультурных особенностей формирования социального потенциала молодежи в условиях происходящих кризисных явлений и трансформации российского общества является многоаспектной. Во-первых, в интересах устойчивого развития страны необходимо повышение рационального использования социального потенциала современной молодежи, ее включение в реализацию российских социально-экономических, инновационных проектов. Во-вторых, ценностные компоненты социального потенциала молодежи подвижны, неустойчивы, противоречивы, что обуславливает социокультурные особенности и оказывает влияние на уровень развития социального потенциала современной молодежи. В статье рассматриваются теоретические аспекты социального потенциала, проводится анализ понятия «социальный потенциал», раскрываются его структурные компоненты, выделяются ценностные составляющие социального потенциала молодежи.

Ключевые слова

Социальный потенциал; психофизический потенциал; социально-экономический потенциал; образовательный потенциал; общественно-политический потенциал; культурно-духовный потенциал; молодое поколение.

Abstract

The problem of studying of sociocultural features of formation of social potential of youth in the conditions of the occurring crisis phenomena and transformation of the Russian society is multidimensional. First, for the benefit of sustainable development of the country increase in rational use of social potential of modern youth, her inclusion in implementation of the Russian social and economic, innovative projects is necessary. Secondly, valuable components of social potential of youth are mobile, unstable, contradictory that causes sociocultural features and exerts impact on the level of development of social potential of modern youth. In article theoretical aspects of social potential are considered, the analysis of the concept “social potential” is carried out, his structural components reveal, valuable components of social potential of youth are allocated.

Keywords

Social potential; psychophysical potential; social and economic potential; educational potential; social and political potential; cultural and spiritual potential; younger generation.

Молодое поколение в силу своих социально-демографических и психологических особенностей является носителем большого личностного и социального потенциала. В социологическом энциклопедическом словаре социальный потенциал молодежи рассматривается как «…возможности, заложенные в молодой генерации для обеспечения поступательного развития

общества и саморазвития…». В современных обществах взросление молодого поколения происходит в условиях постоянных социально-экономических кризисов и нестабильности, что влечет возникновение социальной неопределенности, способствует неустойчивости нормативно-ценностных структур. Кроме того утверждение современных ценностей и ценностных ориентаций в молодежной среде происходит неоднозначно, а разрушение традиционных ценностей оборачивается противоречиями, ценностно-нормативной неопределенностью. Вместе с тем формирование и повышение рационального использования социального потенциала молодежи является актуальным в силу потребности активного включения молодого поколения в реализацию различных проектов в интересах поступательного социально-экономического развития российского общества.

Термин «потенциал» означает совокупность необходимых для чего-либо средств, степень мощности в чем-либо. С позиции науки Аристотель употребил понятие «потенциал», рассматривая его как акт и потенцию, внутреннюю силу, которая способна перейти в реальность посредством активности индивида[1]. Сегодня понятие «потенциал» активно используется представителями различных научных направлений – психологии, философии, экономики, социологии.

Социальный потенциал в социологической энциклопедии рассматривается как интегральное понятие, которое характеризует возможности государства, регионов, отраслей, объединений и организаций, групп, личности, общества для решения задач социального развития. Он формируется в ходе развития общества и включает различные источники, резервы, средства, а также их предпосылки с целью обеспечения социального благополучия населения страны. Таким образом, потребность изучения социального потенциала обусловлена потребностью разработки эффективной системы государственного управления, нацеленной на ориентацию самосознания населения в интересах общественного развития. Социальный потенциал характеризует возможности социальной системы; их реализация возможна при наличии необходимых условий и ресурсов в ходе непосредственных социальных взаимодействий[2].

Рассматривая социальный потенциал с позиции различных методологических подходов, А. Б. Докторович отмечает, что в рамках системного подхода социальный потенциал рассматривается как системная совокупность способностей и возможностей индивидов, групп и общества; «…социальный потенциал обеспечивает действия, взаимодействия, отношения и социальную деятельность

1 Сохань, Л. В. Потенциал социальный молодежи / Л. В. Сохань // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с. – С. 358

2 Реанович, Е.А. Смысловые значение понятия «потенциал» / Е. А. Реанович // Международный научно-исследовательский журнал. Экономические науки. – 2012. – Вып. 7. – С. 14-15. – URL: http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/

его носителей»[1]. В рамках структурно-функционального подхода социальный потенциал анализируется в качестве многокомпонентной, многоуровневой системы, которая обладает соответствующими функциями[2]. В рамках деятельностного подхода социальный потенциал рассматривается М. А. Нугаевым. Исследователь определяет социальный потенциал как систему факторов: объективных, субъективных, материальных, нематериальных, которые детерминируют социальную активность индивидов[3]. В рамках социокультурного подхода объектом исследования выступают ценности и ценностные ориентации индивидов, заложенные в социальном потенциале.

Е. А. Реанович, рассматривая разные «проявления» потенциала, характеризует его через понятия «возможности», «резервы», «ресурсы»[4]. Он выделяет несколько уровней или «глубины» потенциала», к которым относит: «прошлое» («ретроспективный потенциал») – совокупность накопленных индивидом свойств, определяющие его способность к какой-либо деятельности («ресурс»); «настоящее» («исходный потенциал») – практическое применение и использование индивидом имеющихся у него способностей («резерв»); «будущее» («перспективный потенциал»), направленный на развитие («возможности»). Таким образом, потенциал можно охарактеризовать как «готовности», «способности», «возможности» и «ресурсы», которые указывают на переход при наличии соответствующих условий скрытых резервов, «переход» из возможностей в действительность. В социологическом подходе «потенциал» рассматривается через призму внутренне присущих ему свойств: целостность, стратегичность, интегративность, реализация которых обеспечивает синергетический эффект и преемственность ресурсов и возможностей прошлого, настоящего, будущего под воздействием внешних и внутренних факторов[5].

В последние годы наметилась тенденция увеличения числа работ по изучению социального потенциала молодежи и выявления особенностей его формирования и реализации в рамках социологических исследований. Значительное внимание анализу социального потенциала молодежи уделяется в работах Ю. В.

1 Осадчая Г.И. Потенциал социальный // Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 236

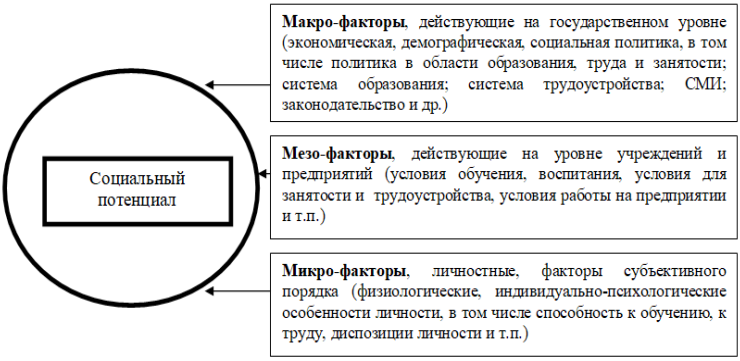
2 Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. - № 7. – С. 167-170. С. 167. – URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

3 Докторович, А. Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования / А. Б. Докторович // Россия и современный мир. – 2007. - № 3. - С. 179-189. С. 181

4 Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. - № 7. – С. 167-170. С. 170. – URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

5 Нугаев, М. А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона / М.А. Нугаев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 182 с. - С. 119

Березутского. Социальный потенциал молодежи исследователь определяет как целостную, интегральную характеристику совокупных резервов, качеств, возможностей молодого поколения как особой социальной группы, которые формируются и реализуются под воздействием внешних и внутренних условий, влияют на социально-экономическое развитие общественной системы[1]. Подобную трактовку дают и другие исследователи: В. Э. Филиппов, Е. В. Павлова. Исключение составляет лишь отсутствие указания на направленность влияния социального потенциала на развитие общественной системы. В. Э. Филиппов выделяет факторы личности (внутренние), среды и институциональные факторы (внешние), влияющие на социальные потенциал молодежи. Он указывает влияние на эти факторы различных условий: микро- условия (семья, коллектив, друзья) и макро- условия (государственные и общественные институты, политика, СМИ)[2]. Обобщая взгляды исследователей на факторы и условия, которые влияют, как на формирование, так и на развитие и реализацию социального потенциала современной молодежи, нам представляется целесообразным выделить следующие факторы: макро-, мезо-факторы и факторы личностного порядка (рисунок 1). В работах Н. Л. Смакотиной также представлен анализ понятия «социальный потенциал молодежи», рассматриваемое как совокупность способностей индивидов, групп, общества к отношениям, действиям, взаимодействиям, что обеспечивает их жизнедеятельность и воспроизводство потенциала[3].



1 Реанович, Е.А. Смысловые значение понятия «потенциал» / Е. А. Реанович // Международный научно-исследовательский журнал. Экономические науки. – 2012. – Вып. 7. – С. 14-15. – URL: http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/

2 Каргаполова, Е. В. Категория «потенциал региона»: специфика проблемного поля / Е. В. Каргаполова // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. – Астрахань, 2013. – № 1 (3). – С. 144–154. С. 144

3 Березутский Ю.В. Социальный потенциал молодежи как фактор социально-экономического развития региона : социологический анализ : автореф. дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04.- Москва, 2002.- 171 с.

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на социальный потенциал молодого поколения

Интересный подход к определению понятия «социальный потенциал молодежи» представлен В. Н. Лупандиным. Рассматривая молодёжный потенциал, исследователь выделяет способности и возможности разных групп молодёжи «…выполнять всю совокупность социально-профессиональных ролей и функций в обществе; придерживаться в своем поведении социально одобряемых норм; активно и творчески относиться к себе и к окружающей социальной среде»[1].

Следует подчеркнуть, что с социальный потенциал молодого поколения: формируется, развивается и реализуется (используется). Можно выделить два измерения социального потенциала: личностное – как возможности реализации молодым поколением всех своих личностных сил, социальное – как характеристика возможностей использования со стороны общества способности, знания, умения, навыки молодежи. Таким образом, с этой позиции социальный потенциал охватывает, с одной стороны, нереализованные возможности индивидов, с другой стороны, их социальные ресурсы[2].

Социологи рассматривают разные виды потенциалов – человеческий, личностный, социальный, трудовой, образовательный и т.п. Выстраивая структуру социального потенциала молодого поколения, В. Э. Филиппов выделяет пять элементов потенциала или субпотенциалы: (психофизический, общественно-политический, образовательный, социально-экономический, культурно-духовный[3]. М. А. Нугаевым определены следующие субпотенциалы: психосоматический или психофизиологический, интеллектуальный, инновационно-творческий, профессионально-квалификационный, ценностный или духовно-нравственный[4]. Сходную классификацию элементов социального потенциала приводят и другие исследователи. Среди совокупности ряда структурных компонентов Л. А. Лесина рассматривает духовно-нравственный, ценностно-мотивационный, образовательный, трудовой, творческий, общественно-политический субпотенциалы[5]. В. Н. Лупандин включает в структуру социального потенциала молодежи следующие структурные элементы, а также отношения между

1 Филиппов, В. Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ : дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Филиппов В. Э. – М., 2007. – 161 с. С. 54-64

2 Социальный потенциал молодежи / [Добреньков В. И. и др. ; под ред. Смакотиной Н. Л.] ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социологический фак. - Москва : МАКС Пресс, 2009. - 260 с.,

3 Лупандин, В.Н. Социология молодёжи / В.Н. Лупандин. – Орёл: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.

4 Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. - № 7. – С. 167-170. С. 167. – URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

5 Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. - № 7. – С. 167-170. С. 167. – URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

ними: демографический, образовательный, культурный, гражданский, духовно-нравственный потенциалы, потенциал здоровья[1]. Анализ работы Ю. Р. Вишневского и его коллег позволяет выделить следующие виды потенциала молодежи: инновационный, творческий, образовательный, протестный, культурно-созидающий потенциалы, потенциал благотворительности и добровольчества[2]. Как справедливо отмечает Л. А. Лесина, сложность внутренней структуры социального потенциала молодежи предопределяет потребность использования программно-целевого системного подхода к работе с молодым поколением, что выступает основой обеспечения его повышения[3].

Исследователь В. Э. Филиппов проводит несколько классификаций молодежного социального потенциала: соответствие целям и задачам государственно-общественного развития (деструктивный и конструктивный), уровень индивидуализации (групповой и личностный); уровень способностей молодого поколения (высокий, средний, низкий)[4].

Значительное место в процессе формирования социального потенциала молодого поколения отводится его ценностям и ценностным ориентациям. В них отражается наличное психологическое состояние индивидов, их социальное самочувствие. Кроме того, ценностные ориентации отражают эмоциональную оценку, как прошлого, так и настоящего и будущего. Следует подчеркнуть, что ценностно-нормативные установки как компоненты социального потенциала выступают как резервы, которые определяют возможности и характер участия молодого поколения в разного рода проектах: образовательных, инновационных, социально-экономических. Оказывая регулирующее воздействие на социальное поведение молодежи, они формируют ее отношение к этим проектных инициативам, а также способности и готовности к включению в процесс социальных изменений[5].

Обратимся к анализу структуры социального потенциала молодежи и его социокультурным особенностям. Нам представляется, что социальный потенциал молодежи имеет многокомпонентную структуру, включая в себя, во-первых, субпотенциалы («способности»,

1 Филиппов, В. Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Филиппов В. Э. – М., 2007. – 161 с. С.7

2 Нугаев М.А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона. - Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. - 182с. С. 120-123

3 Лесина Л. А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс социально-экономического развития региона / Л. А. Лесина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. - С. 274-279 С. 275-276

4 Лупандин, В.Н. Социология молодёжи / В.Н. Лупандин. – Орёл: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.

5 Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга С88 (декабрь 2011-январь 2012) / отв.ред. Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012.- 332 с. С. 157

«готовности»): психофизиологический (индивидуально-психологические, физические особенности), образовательный (ценности образования, отношение к образованию), социально-экономический (трудовые ценности и установки, отношение к труду), общественно-политический (политические и правовые ценности), культурно-духовный (базовые ценности, соблюдение культурных, нравственных норм и принципов), во-вторых («возможности»), социальные ресурсы («стартовый потенциал») и социальные факторы, как условия, возможности для развития способностей индивида (рисунок 2).

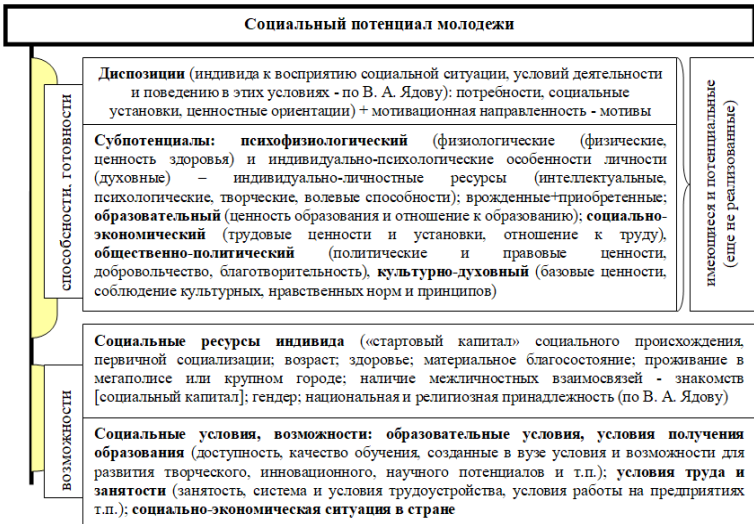


Рисунок 2 – Социокультурные компоненты социального потенциала молодежи

Исследования современного состояния ценностного сознания, ценностно-нормативных установок молодого поколения показывают, что система ценностей и ценностных ориентаций современной молодежи претерпела значительные изменения в свете трансформации российского общества, смены социального вектора развития постсоветского пространства. Анализ современного этапа развития российского общества в условиях его нестабильности и кризиса, их влияние на изменения ценностного пространства молодежи привлекает значительное внимание современных социологов. Работы В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок посвящены изучению влияния кризиса на изменения представлений о социальной реальности в различных группах населения России. Интересные данные по ценностной трансформации российского общества на фоне социально-политического кризиса представлены Л. Г. Бызовым[1].

1 Лесина Л. А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс

Современное российское общество переживает новый этап нестабильности и кризисных явлений вследствие происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности. Как совершенно справедливо отмечают Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина современную молодежь отличает невысокая эффективность ответов на возникающие вызовы. Особенного внимания заслуживают изменения, происходящие в социокультурной сфере: «…столкновение традиционных и современных ценностей, их искусственное противопоставление в угоду сиюминутным политическим и коммерческим интересам; разрушение традиционных основ российской культуры, знания и уважения к истории, культуре и духовным ценностям многонационального народа, уникального опыта ответственности российских граждан за свою страну, ее будущее и будущее всего мира; крайне противоречивый процесс усвоения молодежью современных ценностей, деформация моральных и этических норм»[1].

Сегодня отчетливо наблюдаются явные признаки кризисных явлений, в том числе безработица, снижение творческой, интеллектуальной активности, трансформация трудовой, духовной культуры, общественного самосознания. В современный период претерпевает изменения социокультурная реальность, происходит трансформация моделей поведения, жизненных стратегий, что, с одной стороны, может привести к упадку духовной культуры, но, с другой стороны, может выступать основой формирования новой ценностной структуры, новой парадигмы духовного развития[2]. Поэтому важным направлением социологического анализа сегодня является изучение направленности трансформации жизненных ценностей молодого поколения, составляющих социокультурную основу социального потенциала молодежи. Нестабильная социально-экономическая ситуация в стране вызывает объективную потребность в преодолении кризисных явлений, активизации прогрессивных социальных изменений в обществе, что возможно путем повышения развития и рационального использования социального молодежного потенциала в интересах устойчивого развития страны.

Библиография

1. Абдуллаева, Э. С. Трансформация духовно-нравственного содержания культуры: междисциплинарный подход / Э. С. Абдуллаева

социально-экономического развития региона / Л. А. Лесина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. - С. 274-279 С. 275-276

1 Филиппов, В. Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Филиппов В. Э. – М., 2007. – 161 с. С.13-14

2 Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга С88 (декабрь 2011-январь 2012) / отв.ред. Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012.- 332 с. С. 157

// Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 13–15.

2. Березутский, Ю. В. Социальный потенциал молодежи как фактор социально-экономического развития региона : социологический анализ : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Березутский Ю.В. – М., 2002. – 171 с.

3. Бызов, Л. Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома / Л.Г. Бызов // Общественные науки и современность. – 2016. – № 6. – С. 5–20.

4. Докторович, А. Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования / А. Б. Докторович // Россия и современный мир. – 2007. – № 3. – С. 179–189.

5. Зубок, Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина Н.Л. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 41-57

7. Каргаполова, Е. В. Категория «потенциал региона»: специфика проблемного поля / Е. В. Каргаполова // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. – Астрахань, 2013. – № 1 (3). – С. 144–154.

8. Лесина, Л. А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс социально-экономического развития региона / Л. А. Лесина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. - С. 274-279

9. Лупандин, В.Н. Социология молодёжи / В.Н. Лупандин. – Орёл: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.

10. Нугаев, М. А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона / М.А. Нугаев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 182 с.

11. Осадчая, Г. И. Потенциал социальный / Г. И. Осадчая // Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 236

12. Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – № 7. – С. 167–170. – URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

13. Реанович, Е. А. Смысловые значение понятия «потенциал» / Е. А. Реанович // Международный научно-исследовательский журнал. Экономические науки. – 2012. – Вып. 7. – С. 14–15. – URL: http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/

14. Рожкова, Л. В. Ценностные компоненты модернизационного потенциала российской студенческой молодежи : дисс. ... докт. соц.

наук : 22.00.06 / Рожкова Л. В. – Москва, 2013. – 514 с.
15. Сохань, Л. В. Потенциал социальный молодежи / Л. В. Сохань // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с. – С. 358–359.
16. Социальный потенциал молодежи / [Добреньков В. И. и др. ; под ред. Смакотиной Н. Л.] ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социологический фак. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 260 с.
17. Студент–2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011-январь 2012) / отв. ред. Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 332 с.
18. Филиппов, В. Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ : дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Филиппов В. Э. – М., 2007. – 161 с.

References

1. Abdullaeva, ES Transformation of the spiritual and moral content of culture: interdisciplinary approach[*Transformaciya duhovno-nravstvennogo soderzhaniya kul'tury: mezhdisciplinarnyj podhod*] / ES Abdullaeva // Humanitarian and social sciences. - 2014. - No. 2. - P. 13-15.
2. Berezutsky, Ju. V. Social potential of youth as a factor of social and economic development of the region: sociological analysis[*Social'nyj potencial molodezhi kak faktor social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona : sociologicheskij analiz*]: diss. ... cand. soc. Sciences: 22.00.04 / Berezutsky Yu.V. - M., 2002. - 171 p.
3. Byzov, LG Value-based transformation of Russian society against the backdrop of the socio-political crisis and post-Crimean syndrome[*Cennostnaya transformaciya rossijskogo obshchestva na fone social'no-politicheskogo krizisa i postkrymskogo sindroma*] / LG. Byzov // Social Sciences and Modernity. - 2016. - No. 6. - P. 5-20.
4. Doktorovich, AB Social potential as a subject of system research / AB Doktorovich*[Social'nyj potencial kak predmet sistemnogo issledovaniya]* // Russia and the modern world. - 2007. - No. 3. - P. 179-189.
5. Zubok, Yu. A. Youth and youth policy in modern Russian society [*Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossijskom obshchestve*]/ Yu. A. Zubok, TK Rostovskaya, NL Smakotina NL - Moscow: ITD "PERSPECTIVE", 2016. - 166 p.
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Changing social reality in a crisis Russian society *[Izmenyayushchayasya social'naya real'nost' v krizisnom rossijskom obshchestve]* // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. T. 10. No. 1. P. 41-57
7. Kargapolova, E. Category "potential of the region": specificity of the problem field *[Kategoriya «potencial regiona»: specifika problemnogo polya]* / EV Kargapolova // Scientific potential of the regions of Russia for the modernization service: interuniversity collection of scientific articles. - Astrakhan, 2013. - No. 1 (3). - P. 144-154.
8. Lesina, LA Social potential of youth as the most important resource of socio-economic development of the region*[Social'nyj potencial molodezhi kak vazhnejshij resurs social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona]* / LA Lesina // Sociocultural development of the Great Urals: trends, problems, prospects: materials of the jubilee All-Russian scientific-practical conference

XX Ural sociological readings Ekaterinburg, February 27-28, 2015) / under the total. Ed. Yu. R. Vishnevsky. - Ekaterinburg: UrFU, 2015. - P. 274-279

9. Lupandin, V.N. Sociology of Youth [Sociologiya molodyozhi] / V.N. Lupandin. - Orel: Publishing house of Orel State Technical University, 2011. - 238 p.

10. Nugaev, MA Theoretical and methodological foundations of the study of the quality of the social potential of the region *[Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya kachestva social'nogo potenciala regiona]*/ M.A. Nugaev. - Kazan: Publishing House of Kazan University, 2006. - 182 p.

11. Osadchaya, GI Social Potential[*Potencial social'nyj*] / GI Osadchaya // Sociological Encyclopedia: in 2 volumes / National Socio-Scientific Foundation; hands. sci. project G. Yu. Semigin. - M.: Thought, 2003. - T. 2. - P. 236

12. Pavlova, EV Methodological analysis of the concept of "social potential"*[Metodologicheskij analiz ponyatiya «social'nyj potencial»]* / EV Pavlova // International scientific journal "Innovative Science". - 2015. - No. 7. - P. 167-170. - URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-7-2.pdf

13. Reanovich, EA The semantic meaning of the concept of "potential" *[Smyslovye znachenie ponyatiya «potencial»]* / EA Reanovich // International Scientific and Research Journal. Economic sciences. - 2012. - Issue. 7. - P. 14-15. - URL: http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/

14. Rozhkova, L. V. Value components of the modernization potential of Russian student youth*[Cennostnye komponenty modernizacionnogo potenciala rossijskoj studencheskoj molodezhi]*: diss. ... Doct. soc. Sciences: 22.00.06 / Rozhkova L. V. - Moscow, 2013. - 514 p.

15. Sohan, L. V. The potential of social youth *[Potencial social'nyj molodezhi]* / LV Sokhan // Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary / Otv. Ed. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. - M .: Academia, 2008. - 608 p. - P. 358-359.

16. Social potential of youth *[Social'nyj potencial molodezhi]* / [Dobrenkov VI, et al; Ed. Smakotina NL]; Moscow State University. un-t them. M. V. Lomonosov, Sociological fact. - M.: MAX Press, 2009. - 260 p.

17. Student-2012: Materials of the sixth stage of sociological monitoring *[Materialy shestogo ehtapa sociologicheskogo monitoring]* (December 2011-January 2012) / otv. Ed. Yu.R. Vishnevsky. - Ekaterinburg: UrFU, 2012. - 332 p.

18. Filippov, VE Social potential of modern youth in the conditions of modernization of Russian society: sociological analysis *[Social'nyj potencial sovremennoj molodezhi v usloviyah modernizacii rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz]*: dis. ... cand. soc. Sciences: 22.00.04 / Filippov VE - M., 2007. - 161 p.

ТЕРПУГОВ
Александр Александрович
начальник факультета заочного обучения Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
alext555@mail.ru

TERPUGOV
Alexander Alexandrovich
head of the faculty of distance learning of Krasnodar University of the MIA of Russia, Krasnodar, Russia
alext555@mail.ru

ЖУКОВА
Татьяна Андреевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия
sociolog@kubsau.ru

ZHUKOVA
Tatiana Andreevna
candidate of philosophy, associate Professor of sociology and cultural studies, Kuban state agrarian University. I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia
sociolog@kubsau.ru

КИНЕМАТОГРАФ В АСПЕКТЕ СОЦИОЛОГИИ: PRO ET CONTRA/ THE CINEMATOGRAPHY IN THE ASPECT Of SOCIOLOGY:PRO ET CONTRA

Аннотация

Изучая роль кинематографа в развитии современной социологической науки, авторы обращаются к теории спектакулярности, разрабатываемой Ж. Бодрийяром и Ги Дебором. Солидаризируясь с зарубежными учеными в том, что приметой современности выступает тотальная симуляция, инициируемая коммуникативным пространством информационного общества, авторы, одновременно, выявляют положительные моменты, которые таит в себе кинематограф, выступающий в качестве эмпирического материала для ученого-социолога. Останавливаясь на рассмотрении таких субкультур, как косплееры и готы, авторы приходят к следующей мысли: именно кинематограф, становление которого проходит сегодня под знаком «визуального поворота» (Ф, Джеймисон) может быть позиционирован на уровне целостного художественного произведения, призванного артифицировать повседневную жизнь каждого социального субъекта.

Ключевые слова

Спектакль; симулякр; социальный субъект; кинематограф; аниме; косплееры; готы; субкультура.

Abstract

By studying the role of cinema in the development of modern sociolog-

ical science, the authors turn to the theory of theatricality, developed by J. Baudrillard and guy Debor. In solidarity with foreign scientists that the sign of modernity is a total simulation initiated by the communicative space of the information society, the authors, at the same time, reveal the positive aspects that are fraught with cinema, acting as an empirical material for the scientist-sociologist. Focusing on the consideration of such subcultures as cosplayers and Goths, the authors come to the following idea: it is the cinema, the formation of which takes place today under the sign of “visual turn” (f, Jamison) can be positioned at the level of an integral work of art, designed to articulate the daily life of each social subject.

Keywords

Performance; simulacrum; social subject; cinema; anime; cosplayers; Goths; subculture.

Анализируя современное информационное общество, Ж. Бодрийяр приходит к мысли, согласно которой его главная цель заключается в утверждении собственного господства, осуществляемого, с одной стороны, посредством знаков, с другой, – производящих их систем. При этом если прежде сами знаки отвечали сути вещей, отмеченной реальностью присутствия, то в современной социокультурной ситуации они лишь отсылают к другим знакам, делая ставку на самореферентность. Неслучайно поэтому социальный субъект все чаще сталкивается с неизбежностью затруднения, вызванного необходимостью ответить на вопрос, что является подлинным бытием, а что – его имитацией, подчас не осознавая, что дистанция между знаками и реальностью, которую они призваны фиксировать, катастрофически сокращается.

Обращая внимание на характерную для общества потребления примету, суть которой заключается в поглощении виртуальным пространством пространства реального и, наоборот, Ж. Бодрийяр свидетельствует о том, что каждый из нас в итоге становится заложником симуляций, умножая отмеченные бесконечностью подобия. Так средства массовой информации перестают быть «зеркалом» действительности, выступая в качестве этой действительности, вследствие чего реальное ставится в подчинённое положение и, в конечном счёте, вообще исчезает.

Аналогичным образом Ги Дебор констатирует, что облик современного индивида во многом определяется не столько его реальными потребностями, сколько навязываемыми СМИ культурными штампами. Занимая в обществе потребления доминирующее положение, культурные клише манипулируют общественным мнением, формируя соответствующие установки сознания, посредством которых осуществляется нивелирование границ между представителями различных социальных групп. Непрекращающийся процесс тиражирования банальностей, скрывающих в себе набор ловко сфабрикованных псевдопотребностей, оборачивается смещением

иерархии мотивов и действий. В итоге непреодолимость препятствий, возникающих при попытке осознать свое «место под солнцем», порождает хаос, который обретает статус устойчивой платформы.

Отчасти поэтому, фиксирующий свой научный интерес на вопросах смещения социального, инициируемого особым состоянием спектакля, Ги Дебор в фильме «Завывания в честь де Сада» (1952) счел уместным заявить о конце эры кинематографа, который без остатка поглощается процессами спектакулярности. Один из возможных выходов Ги Дебор связывает с необходимостью рассматривать отмеченные повседневностью будни в качестве строительного материала, посредством которого сама жизнь может представать на уровне художественного произведения. Именно в этом случае происходит трансформация общественного сознания, обусловливающая переход от пассивности к активному жизнестроительству.

Практически в унисон с Ж. Бодрийяром и Ги Дебором звучат слова Д. Хебдиджа. В своем исследовании, посвященном субкультурам, британский социолог размышляет о виртуализации субкультурных течений в процессе их популяризации. «Только после того, как о субкультуре начинают говорить “массы”, – пишет Д. Хебдидж, – она фиксирует своё присутствие в знаковом пространстве», вследствие чего культурный диалог уступает место видимости общения, абортируя смысл субкультурных коммуникаций[1]. Более того, вопреки ситуации, в рамках которой многие социальные субъекты отдают себе отчет в том, что предлагаемые режиссером, журналистом либо художником тексты культуры – это не вся реальность, поскольку одно и то же событие можно увидеть по-разному[2], среди наших сограждан оказываются и те, кто мыслит прямо противоположно. В их числе – «не меньше, если не больше тех, кто не чувствует этой разницы, отождествляя реальность с текстами. Для них “свидетельства” кумиров и текстов массовой культуры более убедительная вещь, чем, скажем, собственное знание жизни или рассказы о ней социологов[3].

В качестве примера влияния кинематографа на социальное поведение и обратно, когда определенный тип социального поведения становится объектом изображения в кинематографе, обратимся к такому феномену, как косплей. Речь идет об особой карнавализации сознания, вследствие которой происходит стирание границ между художественной действительностью и действительностью как таковой. В данном контексте процесс идентификации значительной части молодого поколения россиян осуществляется в опоре на героев аниме-сериалов. Примеряя на себя образа того или иного персонажа, наши современники, одновременно, копируют его стиль и манеру по-

1 Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с франц., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с

2 Дебор Г. Общество спектакля/Пер. с франц. С. Офертас, М. Якубович.М.: Логос, 2000

3 Дебор Г. Общество спектакля/Пер. с франц. С. Офертас, М. Якубович.М.: Логос, 2000

ведения, что далеко выходит за рамки игровой ситуации. Как правило, сложившийся образ косплееры демонстрируют либо на тематических фестивалях, либо в сериях фотоснимков (фотокосплей) или на видеозаписи (видеокосплей)»[1].

Несмотря на то, что подобное увлечение требует подчас весьма солидных вложений (неслучайно в Японии бизнес, связанный с производством костюмов и аксессуаров для косплея процветает) число наших соотечественников, увлеченных подобной игрой, постоянно растет. Перечислим лишь некоторые фестивали, собирающие любителей аниме: «Akihabara» (Днепропетровск); «Аниме фестиваль» (Благовещенск); «Всероссийский фестиваль японской анимации» (Воронеж); «Yorokonde» (Харьков); «Дай-фест» (Омск); «Отакун» и «Jiyuu» (Рязань); «Танибата» (Ростове-на-Дону); «Таносима» и «Момиджи» (Челябинск); «Феникс» (Казань); «Хиган» и «Гансэн» (Минск); «DRAGONFEST» (Самара); «ЧибиФест», «АзияБриз» и «Halloween Fest», «Ф3», «МиниКон» (Екатеринбург); «Animate it» (Владивосток); «Animania» (Алма-Ата, Нижний Новгород); «Animau» (Уфа) и др[2].

Подобное положение дел нашло свое отражение в творчестве современного российского режиссера Анны Меликян. В центре ее киноповествования – парочка фанатов аниме «Черный кролик и его семь жизней»[3]. Имеются в виду главные герои одной из пяти новелл, объединенных под названием «Про любовь». Находясь в интимных отношениях, юноша и девушка оставляют без внимания личную жизнь партнера, игнорируя информацию, связанную с его именем, социальным статусом и т.п. То обстоятельство, что герои новеллы не способны выйти за рамки игровой ситуации, опознается в следующем моменте. Свои признания в любви они адресуют не столько друг другу, сколько своим alter ego, нисколько не смущаясь от того, что каждый из них – лишь двойник рожденных в пространстве аниме Химеи и Тайто.

Знаменательно, что герои Меликян настолько свыклись со своими персонажами, что, оказавшись в полицейском участке по подозрению в употреблении наркотиков, они с недоумением говорят: «Почему вы нас задержали? Мы ничего плохого не делаем, просто вы носите свою форму и играете в свои игры, а мы – носим свою и наша игра отличается от вашей». Вне всяких сомнений, за столь безобидной, на первый взгляд, историей про двух влюбленных, со сладострастием играющих в мультяшек, в действительности скрывается одна из проблем современного социума: тотальная утрата собственного «Я» социального субъекта и его поглощение СМИ.

Другой пример отсылает нас к субкультуре готов, которая зародилась на волне таких характерных для второй половины прошлого века

1 Хебдидж Д. Субкультуры: значение стиля. Главы из книги //Теория моды. М.: Новое литературное обозрение, 2009. № 10.

2 Ярким примером, иллюстрирующим представленную позицию, выступает новелла Р. Акутагавы «В чаще». Экранизация новеллы Р. Акутагавы представлена в фильмографии А. Куросавы. Подробнее по данному вопросу см. [3, с. 69-75].

3 Розин В.М. Концепция здоровья. М.: Изд-во МГМСУ, 2011. 112 с.

музыкальных движений, как панк и пост-панк. Ее представители, как правило, молодежь, реже – люди среднего и пожилого возраста. Несмотря на то, что готическая субкультура по своей сути достаточно разнообразна и неоднородна, в той или иной степени для нее характерен ряд общих черт: специфический мрачный имидж, интерес к «фильмам ужасов»[1], а также привязанность к упадничеству и мистике.

В целом готическая субкультура является частым предметом критики со стороны консервативной общественности. Разногласия возникают из-за конфликтов «отцов и детей», мифов о готах, распространяемых прессой, а также неприятия обществом отдельных элементов готической культуры. Если классицисты приписывают готике пропаганду суицида и депрессии, усиливая тем самым ажиотаж вокруг самой субкультуры, то религиозная практика подвергает критике интерес готов к проявлениям темной стороны человеческой личности.

Тем не менее, социологические исследования, проведенные авторами в семи городах России, где в качестве респондентов выступили 1275 подростков от 14 до 19 лет, убеждают в том, что прямой связи между этими явлениями нет. Более того, соглашаясь с данными социологического опроса, нельзя не признать, что сама по себе готическая субкультура неагрессивна. Вовлекая в свои ряды людей с комплексами, психологическими проблемами, изначально склонных к депрессии, обеспечивая им возможность оказаться среди себе подобных, готическая субкультура отчасти выполняет роль «психотерапевта». Имеется в виду ситуация, когда специалист со всей очевидностью оказывается способным не только принять на себя проблемы пациента, оказавшегося в затруднительном положении, но и понять его, оказав действенную помощь.

Начало XX века – рождение кинематографа, который уже с первых фантастических произведений впитывает весь мистический экстаз романтизма, делая ставку на характерное для готики преклонение перед красотой смерти, убеждая зрительскую аудиторию в том, что наряду с литературой кино способно максимально приблизить индивида к глубинным основам готической субкультуры. В данном контексте интересен опыт Теодосии Гудман или что то же – Теди Бара (анаграмма выражения Arab Death), которая пыталась воплотить романтическую «концепцию Медузы» не только на экране, сыграв Клеопатру, Саломею, Кармен и чуть ли не всех роковых женщин классического репертуара, но и в повседневной жизни. Утверждая, что она является настоящим вампиром, Теди Бара поедала в доказательство верности подобного заявления на глазах у журналистов сырое мясо.

Ранние черно-белые фильмы, основным конфликтообразующим элементом которых была «вечная» («загробная») любовь мертвецов также стали вариациями на тему черного романтизма. В 1942 году Вэл Льютон, продюсер и радикал, отказался от готических декораций,

1 Липаева Д.Е. Анимация в пространстве визуальной культуры: Монография. Краснодар: КубГАУ, 2018.

перенеся действия своих фильмов в современные американские реалии. Следуя этому принципу, Льютон за четыре следующих года создал девять низкобюджетных фильмов ужасов, революционно изменивших жанр. Так, если в конце XVIII века готика служила символом искаженной реальности в силу отчуждения, которому она подверглась в эпоху Просвещения, то спустя три столетия сама душа была подвергнута остракизму. Отныне дьявол больше не прятался в разрушенной церкви, он просто стал нашим соседом-интеллигентом.

Примечательно, что как отечественные, так и зарубежные исследователи связывают расцвет готики в кинематографе 1960-х с именами таких режиссеров, как Р. Кормен (США), Т. Фишер (Англия), М. Бава (Италия), хотя в действительности готические фильмы снимают во всем мире, что объясняется модой на оккультизм и эзотерику, охвативших массовую культуру. В частности, приверженцам сексуальных революций готический стиль подарил возможность облекать запретные темы в фантастическую упаковку. Они же и дискредитировали этот жанр, когда победившая сексуальная революция изгнала из кинематографа дух романтизма. Немногим позднее, в эпоху рейгановского консерватизма, готика практически полностью исчезла с экранов, как морально устаревшая и идеологически сомнительная культура. На сегодняшний день наибольшей популярностью среди готов пользуются фильмы легендарного Тима Бартона, использующего атрибуты данной субкультуры практически в каждой своей работе.

Вне всяких сомнений, доминирование визуальной культуры по отношению к любым другим способам освоения информации о мире делает кинематограф одним из самых массовых видов искусства, чья зрительская аудитория представлена самыми разными социальными группами, в том числе, субкультурами, к каковым относятся ранее упомянутые готы, а также любители косплея – косплееры. В то же время, в силу того, что визуальные источники квалифицируются как «особый способ репрезентации, в том числе, репрезентации идеологии»[1], нельзя не признать верность следующего факта. Обращение к художественному творчеству в процессе решения социальных проблем никоим образом не снижает результативность научного исследования социолога.

Более того, именно кинематограф может выступить сегодня в качестве провозглашенного Ги Дебором «тотального произведения искусства», которое призвано увести зрительскую аудиторию от пассивного созерцания. Имеется в виду тот факт, согласно которому понимание кинотекста как процесс смыслообразования в корне противостоит механическому запоминанию сюжета. Если в первом случае речь идет о континуальном характере художественного высказывания творца, то во втором – о дискретности обыденной речи. При этом именно первое достигается исключительно посредством мыследеятельности, цель которой – «обеспечение живого организма не только списком физи-

1 там же

ческих объектов, но прежде всего динамическим выражением форм, цветов и музыкальных звуков»[1], которыми полнится окружающий человека мир.

Знаменательно, что осуществляемое в ходе перцептуальной деятельности познание Р. Арнхейм называет интуицией, по отношению к которой собственно интеллект предстает на уровне вторичного компонента, дополняющего «интуитивный синопсис сетью линейных последовательностей концептов»[2]. В итоге интуиция и интеллект вкупе образуют такое целостное сознание, по сравнению с которым доминирующая в обществе спектакля голая рациональность предстает во всей своей ущербности. Насколько субъективный опыт творящего субъекта может быть материалом для социолога, чья задача заключается в выработке такой методологии, от качества которой зависит социальное обустройство реальной человеческой жизни?

Принимая во внимание отмеченные Р. Арнхеймом точки соприкосновения, обнаруживающие себя в научном творчестве ученого-теоретика – в нашем случае социолога и в художественном творчестве писателя, музыканта или живописца, нельзя не признать, что всякий, являющий собой механизм коллективного сознания, текст культуры с неоспоримостью доказывает аксиоматичность следующего положения. Для того, чтобы кинотекст «вошел в культуру, его должен присвоить социум»[3]. Соответственно, выступая в качестве конечного результата ментальной деятельности индивида, кинотекст предстает порождением той социокультурной ситуации, олицетворением которой выступает его автор.

Аргументацией верности данной точки зрения служит исследование Т.Д. Марцинковской, посвященное проблеме эстетических переживаний в концепции «психологии социального бытия» Г.Г. Шпета[4]. В частности, будучи не удовлетворен современным ему состоянием гуманитарной науки, Г.Г. Шпет еще в начале прошлого века высказывает идею о необходимости выявить закономерности становления этой области знания в ее непосредственной зависимости от исторической и социальной ситуации. Примечательно, что, уделяя в своем творчестве значительное место искусству, отечественный мыслитель делает акцент на процессе интериоризации знания, полученного в результате общения с художественным произведением. Подобный опыт видится Г.Г. Шпету важным по той причине, что новое знание может не только

1 «Черный кролик и его семь жизней» (Япония, 2011). Режиссер: Ямато Такаси. Автор манги: Такая Кагами.

2 «Про любовь» (Россия, 2015). Режиссер: А. Меликян. Композитор: Д. Емельянов. В главных ролях Рената Литвинова, Михаил Ефремов, Мария Шалаева и др.

3 До настоящего времени в кинематографе не существует классификационного термина «готический фильм», поэтому картины, созданные в данном направлении, кинокритики относят к жанрам «фильм ужасов» или «мистика». Тем не менее, в киноанонсах и рецензиях на фильмы все чаще встречается жанровое определение «неоготика»: этот термин применим в отношении любого фильма, где задействованы призраки или иные сверхъестественные существа.

4 Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

обогатить внутренний мир реципиента, но и, что не менее важно, инициировать его конкретное поведения.

Практически в унисон с Г.Г. Шпетом звучит В.И. Шаховский, констатирующий, что всякий текст культуры «является слепком реальной коммуникации, реального языка Homo Loquens и его реального поведения». Соответственно, актуализируемые в кинематографе «коммуникативные (речевые) факты» представляют собой «несомненно объективный эмпирический материал» для любого исследователя. Таким образом, в случае, когда анализ кинотекста коррелирует с социологическим исследованием феноменов социально-исторического сознания, художественная действительность нисколько не проигрывает перед действительностью как таковой.

В данном контексте мы солидаризируемся с З. Фрейдом, который на вопрос о том, насколько субъективный опыт творящего субъекта может быть интересен для науки, ответил следующим образом. Поскольку процесс формирования психической деятельности социального субъекта осуществляется в процессе освоения и переработки внешней по отношению к индивиду информации, постольку накопленный психический опыт может рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей того мира, который представляет интерес для наблюдателя[1]. Другими словами, результативность полученных данных именно вследствие особого «способа их получения» обусловливается «не только нашей организацией, но и тем, что на эту организацию воздействовало»[2].

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что использование кинематографических образцов в качестве эмпирического материала для представителей социологической науки видится весьма перспективным по одной простой причине. Процесс кодификации информации посредством знаков и символов, призванных опредметить художественные образы, осуществляется в полном соответствии с той ценностно-смысловой системой, которая значима для жизнедеятельности конкретного социума, в рамках которого происходит непрестанное взаимодействие индивидов, включенных в группы, субкультуры и другие социальные общности.

Библиография

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства /пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. – М.: Прометей, 1994.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с франц., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

3. Волкова П.С., Лабутина И.Г., Малько Е.С. Ментальность как феномен культуры: Учеб. пособие. Краснодар: КруМВД, 2014.

4. Дебор Г. Общество спектакля/Пер. с франц. С. Офертас, М. Яку-

1 Назовем лишь некоторые из них: «Призрак оперы» (Руперт Джулиан, 1925), «Дракула» (Тод Броунинг, 1931) и «Франкенштейн» (Джеймс Уэйл, 1931), «Белый зомби» (Виктор Гальперин, 1932) и «Черный кот» (Эдгар Алмер, 1934).

2 Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства /пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. – М.: Прометей, 1994.

бович.М.: Логос, 2000.

5. Григорьева О. Образ учителя в советском кино: от «Весенней» оттепели до «Большой перемены» // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. статей / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. – Саратов: Научная книга, 2007.

6. Липаева Д.Е. Анимация в пространстве визуальной культуры: Монография. Краснодар: КубГАУ, 2018.

7. Марцинковская Т.Д. Проблема эстетических переживаний в концепции «психологии социального бытия» Г.Г. Шпета // Вопросы психологии. 1999. № 6.

8. Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: АРГО, 1996.

9. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

10. Розин В.М. Концепция здоровья. М.: Изд-во МГМСУ, 2011. 112 с.

11. Фрейд З. Человек Моисей: психология религии /Пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007.

12. Хебдидж Д. Субкультуры: значение стиля. Главы из книги //Теория моды. М.: Новое литературное обозрение, 2009. № 10..

13. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: Монография. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016.

References

1. Arnheim R. New essays on psychology of art [*Novye ocherki po psihologii iskusstva*]/translated from English. G. E. Kreidlin. - M.: Prometheus, 1994.

2. Baudrillard J. consumer Society. Its myths and structures [*Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*]/ Ed. FR., afterall. and note. E. A. Samara. M.: Republic; Cultural revolution, 2006.

3. Volkova p. S., Labutina I. G., Malko E. S. Mentality as a phenomenon of culture [*Mental'nost' kak fenomen kul'tury*]: Studies. benefit. Krasnodar: Crumbed, 2014.

4. Debord G. the society of the spectacle [*Obshchestvo spektaklya*] / TRANS. FR. S. Ofertas, M. Yakubo-HIV.M.: Logos, 2000.

5. Grigor'eva O. the image of the teacher in the Soviet cinema: from the "Spring" thaw before the Big change [*Obraz uchitelya v sovetskom kino: ot «Vesennej» ottepeli do «Bol'shoj peremeny»*]// Visual anthropology: new views to social reality: scientific collection. articles / ed. by E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov, V. L. Krutkin. - Saratov: Scientific book, 2007.

6. Lipaev D. E. Animation in the field of visual culture: Monograph [*Animaciya v prostranstve vizual'noj kul'tury: Monografiya*] Krasnodar: Kubgau, 2018.

7. Martsinkovskaya T. D. the Problem of aesthetic experience in the concept of the "psychology of social being" G. G. Shpet [*Problema ehstheticheskih perezhivanij v koncepcii «psihologii social'nogo bytiya»]* // Questions of psychology. 1999. No. 6.

8. Murzin L. N. About linguoculturology, its content and methods

[*lingvokul'turologii, ee soderzhanii i metodah*]//Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture. Catherine-Burg: ARGO, 1996.

9. Omelchenko E. L. Youth cultures and subcultures. M.: publishing House "Institute of sociology RAS", 2000.

10. Rosin V. M. the concept of health. M.: publishing house of Moscow state University of medicine, 2011. 112 p.

11. Freud, the Man Moses: the psychology of religion /Ed. with it. A. M. * L. M.: Academic project, 2007.

12. Hebdidge D. Subcultures: the meaning of style. Chapters from the book / / fashion Theory. M.: New literary review, 2009. No. 10..

13. Shakhovsky V. I. Dissonance of ecological compatibility in the communicative circle: person, language, emotions: Monograph. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov, I. L., 2016.

КРАВЧЕНКО
Сергей Александрович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.
sociol7@yandex.ru

KRAVCHENKO
Sergey Alexandrovich
Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.
sociol7@yandex.ru

ГОЛОУХОВА
Дарья Валерьевна - кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии МГИМО МИД России
Москва, Россия sociol7@yandex.ru

GOLOUKHOVA
Darya Valeryevna candidate of sociological sciences, lecturer of the sociology department of the MGIMO University
Moscow, Russia.
sociol7@yandex.ru

БУЗЫКИНА
Екатерина Александровна магистрант МГИМО МИД России
Москва, Россия
kat.maslowa2011@yandex.ru

BUZYKINA
Ekaterina Aleksandrovna , graduate student
MGIMO University
Moscow, Russia.
kat.maslowa2011@yandex.ru

БАБИЧЕВ
Михаил Александрович магистрант МГИМО МИД России
Москва, Россия babichev.mikhail@gmail.com

BABICHEV
Mikhail Alexandrovich graduate student MGIMO University
Moscow, Russia.
babichev.mikhail@gmail.com

Новейшая социологическая терминология в работах З. Баумана[1] The newest sociological terminology in Z. Bauman's works

Аннотация

В статье рассматриваются новые лексические понятия и термины,

1 * Статья подготовлена в рамках гранта Ректора МГИМО МИД России

введенные в научный оборот выдающимся ученым-гуманистом Зигмундом Бауманом (19.11.1925 – 9.01.2017). Исследования ученого отобразили нелинейную динамику современных социо-природных реалий, что побудило социолога с позиций теории «текучей современности» по-новому осмыслить проблемы воплощения в жизнь идеалов справедливости, демократии, прав человека, социального счастья в условиях возникших глобальных катаклизмов. Введение лексических инноваций в современный социологический дискурс позволяет адекватнее отразить усложняющуюся социальную и культурную динамику, понять проблемы, волнующие мировую социологическую мысль, квинтэссенцию новых парадигм, тенденции синтеза научного знания.

Ключевые слова

Социологическая лексика; «текучая современность»; понятия; инновационная терминология; теория; парадигма; синтез знания.

Abstract

The article focuses on the new lexical concepts and terms coined by the outstanding humanist scientist Zigmunt Bauman (19.11.1925 - 9.01.2017). His scientific research revealed the non-linear dynamics of modern socio-natural realities. This prompted the sociologist standing on the positions of the theory of “liquid modernity” to reconsider the problems of the realization of the ideals of justice, democracy, human rights and social happiness in the face of global cataclysms. The introduction of lexical innovations into modern sociological discourse makes it possible to adequately describe complex social and cultural dynamics, to understand the problems that occupy the world’s sociological thought, the quintessence of new paradigms, and the tendencies in the synthesis of scientific knowledge.

Keywords

Sociological vocabulary; “liquid modernity”; concepts; innovative terminology; theory; paradigm; synthesis of knowledge.

Как известно, И. Пригожин обосновал эффект «стрелы времени», согласно которому вся материя, особенно социум, развивается ускоряющими темпами и усложняющимся образом[1]. Соответственно, последствия этого сказываются на динамике социологического знания и его представлениях в теориях, которые постоянно обновляются[2]. Новейшая терминология регулярно появляется в социологических словарях и справочниках. Тем не менее, словари не поспевают за внедрением новой социологической лексики. В связи с этим возникла необходимость знакомить читателей с новейшей терминологией, предложенной известными учеными-социологами, которая знаменует собой становление нового синтеза социологии с достижениями

1 См.: Пригожин И., Стенгерс *И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

2 См.: Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика, 2014. № 1. С. 110-124.

других социальных и гуманитарных наук[1]. В данном материале читателю предлагаются новые слова и выражения, введённые в научный оборот в работах З. Баумана. В книгах автора, которые нами проанализированы, «Текучая жизнь», «Искусство жизни», «Чужаки у наших дверей», «Ретротопия» социолог развивает положения теории «текучей современности», через призму которой анализирует истоки, специфику миграционной паники. Им показывается, как миграционный кризис эксплуатируется в политике, и утверждается, что взаимное разделение, усиление границ и строительство стен не являются решением проблемы. Единственный выход из этого гуманитарного кризиса – признать взаимную зависимость и найти новые способы совместного проживания, руководствуясь базовыми принципами толерантности, способствующими формированию новых социальных солидарностей[2]. Много лексических инноваций посвящено проблемам будущего человеческой цивилизации. Если сравнительно недавно люди с оптимизмом смотрели в будущее, верили, что дети будут счастливее родителей, то ныне в силу нарастания катаклизмов и турбулентностей социальное счастье все более видится только в прошлом. Как считает Бауман, для преодоления глобальной эпидемии «ретротопии» необходим переход к иному тренду развития, культуре диалога и единения «мы» с «они» на основе гуманизации человеческих отношений. Разделяя озабоченность ученого, мы, со своей стороны, высказались за то, чтобы начать этот процесс с гуманизации знания всех наук[3].

Адиафоризация **– adiaphorization –** моральное равнодушие; процесс, в результате которого некоторые области социального исключаются из сферы моральных оценок, что приводит к умалению и дисперсии нравственных референтов и норм. В контексте миграционного кризиса А. проявляется в том, что общественность, наклеивая на мигранта ярлык террориста, насильника, девианта и т.д., снимает с себя моральную ответственность за его судьбу и благополучие[4].

андеркласс **– underclass –** социальная группа, не выполняющая функцию (как это имеет место с рабочим или профессиональным классами) и не занимающая позицию в социальном целом (как в случае с низшим, среднем или высшим классами); «класс вне классовой системы и вне классового разделения общества». А. вне общества: он не дает обществу ничего, чтобы оно нуждалось в его сохранении и благополучии; А. «не просто отсутствие сообщества, а абсолютная невозможность сообщества»[5].

1 См.: Кравченко С.А., Салыгин *В.И.* Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 22-30.

2 См.: Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО-Университет, 2004.

3 См.: Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Монография / Под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.

4 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. Malden MA: Polity, 2016. P. 35.

5 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 14.

апория индивидуальности **– aporia of individuality –** неразрешимое противоречие индивидуализированного общества, каждый из членов которого должен быть индивидуальностью, т.е. непохожим ни на кого другого. Однако если каждый должен быть индивидуальностью, по-настоящему уникальным не может быть никто[1].

безгосударственная территория – **stateless territory –** современная территория, формально включенная в то или иное государство, однако на которой не функционирует принцип М. Вебера государственной монополии на насилие, и имеет место дисперсия власти. В результате «мы оказались в условиях войны всех против всех не из-за отсутствия ужасного Левиафана, а в следствии со-присутствия многочисленных, слишком многочисленных больших, маленьких и крошечных Левиафанов»[2].

благополучие **– wellness –** жизненный стиль, нацеленный на максимизацию нашего личного благополучия, здоровья, нормальности, способности тела доставлять удовольствие в контексте трендов из нашего относительно недалекого прошлого[3].

время текучее **– liquid time –** в условиях «текучей современности» время, перестав «идти», стало «течь»: изменения происходят постоянно, однако определенная цель, точка или уровень не достигаются[4].

гибридизация **– hybridization –** процесс, поверхностной функцией которого является смешение культурных практик, а латентной – отделение от исходных составляющих гибрида, его автономизация; процесс приобретения незафиксированной и нефиксируемой идентичности[5].

гибридная культура **– hybrid culture –** неразборчивая, жадно поглощающая любые практики, беспристрастная, ни к чему не обязывающая, «всеядная» культура, обладающая свойством экстратерриториальности **–** способности распространяться и приживаться повсеместно, невзирая на границы[6].

действие на расстоянии – **action at a distance –** новая форма распространяющегося коммуникативного взаимодействия, выражающаяся в посреднической интерактивности таких средств как телевидение, интернет, в результате чего действия индивидов или события более не привязаны к разделяемому общему местоположению[7].

дисперсия насилия **– dispersion of violence** – «продолжающаяся и никогда не заканчивающаяся война на истощение между “хорошим насилием” (так определяемым, реализуемым в обслуживании зако-

1 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 16-19.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 17, 48.
3 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 129-130.
4 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 67.
5 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 29, 31.
6 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 29, 32.
7 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 29-30.

на и порядка) и «плохим насилием» (совершаемым с целью подрыва, разрушения и делания непригодным текущего закона и права)… Мы должны поместить мир без насилия среди, возможно, лучших миров, хотя, аллах, среди самых недосягаемых – утопий». Все больше и больше случаев свидетельствуют о «невозможности провести разделительной черты между легитимным и нелегитимным насилием»[1].

«за пределами трибализма» **– "beyond tribalism" –** новые «сообщества без гарантийной общности», «сочетающие несочетаемое» – миры сообщества и индивидов. При этом данные образования выполняют функцию отделения «Мы» от «Они» групп[2].

зло – **evil, the** – нищета, неграмотность, нужда, праздность, болезнь, которые превращают свободу в «пустой лозунг»[3].

индивидуализированное общество **– individualized society –** общество, обязующее каждого из своих членов быть уникальной индивидуальностью, тем самым порождающее «стадное чувство» конформизма в желании быть не как все. В таком обществе стремление стать индивидуальностью является мощнейшим двигателем массового производства и массового потребления[4].

интернет **– internet** *n* – средство производства одинаковости, уводящее нас от всего различного, каким бы это различие не было[5].

искусство жить **– the art of life –** умение быть «скульптором своего счастья» и своей индивидуальности. В условиях «текучей современности» быть ответственным за свой выбор жизненного пути и за возможные последствия, в первую очередь, перед самим собой. Все решения, принимаемые человеком, и хорошие, и плохие выбранные альтернативы происходят из неопределенности современной жизни, которая и является единственной почвой для формирования человека[6].

креативная деструкция **– creative destruction –** способ осуществления текучей жизни, в процессе которого разрушаются все остальные жизненные уклады, а также косвенно и люди, их придерживавшиеся[7].

культурный гибрид **– cultural hybrid –** продукт гибридизации, лишенный конкретной принадлежности к определенной культуре и идентичности, свойства локальности, везде чувствующий себя как дома[8].

личность несостоявшаяся **– failed individual –** индивид, которому не хватило ресурсов и умений для того, чтобы превратиться из «личности де юре» (в современном обществе все рождаются личностями де юре, что предопределено нормативными актами) в

1 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 16, 20.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 55.
3 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 108.
4 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 24.
5 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 151.
6 См.: *Bauman Z.* The Art of Life. Cambridge: Polity Press, 2008. P. 53-56, 106-107.
7 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 3.
8 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 29.

«личность де факто»[1].

лишние люди – **redundant people –** локально ненужные люди в силу своей многочисленности и неспособности эффективно работать или социально отвергнутые в результате беспорядков, конфликтов и мятежей, вызванных политическими трансформациями, борьбой за власть. Появление этой социальной группы является результатом формирования общества «текучего» модерна, сущностной характеристикой которого является массовая миграция[2].

миграционная паника – **migration panic –** чувство страха, распространяющееся среди большого количества людей относительно того, что пребывающие в страну мигранты угрожают экономическому и социальному благополучию граждан, а также безопасности общества[3].

миграционный кризис – **migration crisis –** последствия массовой миграции в Европейские страны беженцев и экономических мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока; в настоящее время это политически корректное кодовое имя для современной фазы вечной борьбы за умы и чувства людей, которую ведут политические и медийные круги, формирующие общественное мнение[4].

миксофилия **– mixophilia –** характерная черта современного городского пространства (наряду с миксофобией), предполагающая влечение к неоднородной, гетерогенной среде, обещающей удовольствия от погружения в новый, ранее неизвестный социальный опыт[5].

миксофобия **– mixophobia –** характерная черта современного городского пространства (наравне с миксофилией), предполагающая страх перед неизвестной и неподконтрольной окружающей средой[6].

моральная паника – **moral panic –** чувство страха, распространяющееся среди большого количества людей относительно того, что некоторое зло угрожает благополучию общества[7].

мусор **– waste –** основной продукт потребительского образа жизни. Утилизация отходов, в свою очередь, становится одной из двух главных проблем текучего социума. Вторая проблема - не стать мусором на периферии текучей жизни. В конце текучей жизни не смерть, а мусорная свалка[8].

«назад к себе» – "**back to the self" –** по З. Бауману – движение в современной культуре, основанное на принципе «рационального эгоизма» ("rational egoism"), нацеленное на объективной необходимо-

1 См.:*Bauman Z.*The Art of Life. P. 92.
2 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 3.
3 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 2.
4 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 1-3, 62, 106, 117
5 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 9.
6 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 9.
7 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 1-5.
8 См.:*Bauman Z.* Liquid Life. P. 3, 9.

сти выживания человека[1].

нарциссизм первичный **– primary narcissism –** проявление себя в доминирующей моде[2].

неравенства глобальные – **global inequalities –** глобализация вывела из-под контроля неравенства между странами, они становятся все более «текучими» и диффузными. Их нельзя трактовать узко, сводя к показателям производства и потребления в конкретных странах, ибо неравенства усложняются: несколько бедных стран пытаются догнать богатый мир, но также следует учесть, что на глобальном уровне различия между самыми богатыми и самыми бедными индивидами огромны, и они увеличиваются. «Половина человечества (3,5 млрд.) имеет 1% общемирового богатства – ровно столько, сколько 85 самых богатых людей на Земле»[3]. \

ностальгия – **nostalgia –** аффективная тоска по сообществу с коллективной памятью, стремление к непрерывности в современном фрагментарном мире; защитный механизм во времена ускоренных ритмов жизни и исторических сдвигов, суть которого в возможности воссоздания идеального дома и эмоциональной связи. Вместе с тем, Н. имеет тенденцию к смешению реального и воображаемого, способствует националистическим возрождениям за счет обращения к национальным символам и мифам. В настоящее время Н. обретает характер «глобальной эпидемии», что позволяет констатировать вступление человечества в «эру ностальгии»[4].

одиночество **– loneliness –** доминирующий образ жизни индивида в современном обществе, выражающийся в отчуждении и социальной изоляции: в Стокгольме 58% жителей проживают отдельно, каждый четвертый резидент умирает в уединении. «Одиночество и страх одиночества не только широко распространенные чувства, а тяжелые факты нашего времени, уходящие корнями в жизненный опыт текучего модерна». Это «вирус современной эпохи»[5].

официальный страх – **official fear –** страх перед человеческой силой, которую невозможно преодолеть, несмотря на ее рукотворный характер. Определение строится на противопоставлении «космическому страху», обоснованному М. Бахтиным, под которым понимается смятение, испытываемое человек перед могуществом Вселенной, чем-то несравненно великим и необозримо мощным (горный массив, извергающийся вулкан, океан). Космический страх используется религиозными системами, трансформирующими его в о.с**.** путем создания правил, подчинение которым гарантирует-де спасение, что используется светскими властями для удержания власти и поддержания порядка[6]

1 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 131.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 128.
3 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 92.
4 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 2-6.
5 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 137, 139.
6 См.:*Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 52-55.

племя **современное – modern tribe –** общность, функционирующая по принципу «Мы»-группы, разделяющие людей на «низших, плохих, иммигрантов» и «высших, хороших, коренных жителей»[1].

подражательное поведение – **copycat conduct –** «идеальный инструмент» в разрешении беспокойств, каким является интернет: в информационную эру образуются группы людей, чья функциональность обусловлена «лайками» – их увеличивающееся число является свидетельством того, что сделанный выбор «имеет общественный вес и уважение и согласно дедукции желателен». Однако в подражательном поведении увеличивается частота актов насилия, приводящая к насилию ради насилия[2].

прагматизм **– pragmatism –** мы живем в мире, в котором П. является высшей рациональностью, «мире, в котором идея Макса Вебера об "инструментальной рациональности" перевернута с ног на голову: в достижение целей вместо поиска наиболее эффективных средств, сегодня сами средства ищут подходящие применения». Такой П. неотделим от мира потребителей: товары вместо удовлетворения уже существующей потребности должны и создают новую потребность[3].

прогресс **– progress –** развитие человечества, «вызывающее страх потери вместо возвышения… ассоциируется больше с социальной деградацией, чем продвижением»[4].

ретротопия **– retrotopia** – «отрицание утопического отрицания, ассоциируемого с наследством Томаса Мора, его фиксацией на территориально суверенный топос», т.е. отрицание настоящего ради возможного счастливого будущего и отрицание еще не рожденного будущего во имя «не мертвого прошлого». Эти видения перспектив развития обусловлены деформациями общественного сознания: люди всегда с оптимизмом смотрели в будущее, верили, что дети будут счастливее родителей, ныне же в силу нарастания катаклизмов и «текущих» страхов социальное счастье все более видится в идеализированном прошлом. «В то время как старые страхи постепенно уходят в забвение, новые увеличиваются по своим масштабам и интенсивности, соответственно, продвижение и деградация, прогресс и регресс поменялись местами». Общественные надежды связываются не с неопределенным будущим, не заслуживающим-де доверия, а со «смутно помнящимся прошлым, ценимым за присвоенную им стабильность и гарантийную надежность»[5].

секьюритизация **– securitization –** процесс перехода феноменов и явлений, ранее не связанных с категорией безопасности, под контроль и наблюдение органов безопасности. Как средство политической манипуляции С. используется государством для того, чтобы перенести фокус общественного внимания с актуальных, трудно решаемых

1 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 50.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 32-33, 37.
3 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 25.
4 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 58-59.
5 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 8-10.

проблем, на проблемы, с которыми оно пытается справиться[1].

соседство **– neighbourhood –** с одной стороны, «государства превращаются в большие соседства, ограниченные своей внутренней стороной смутно очерченными, пористыми и неэффективно укрепленными границами»; с другой стороны, – возникают «соседства уз», выполняющие роль «маленьких государств», отделяющих «Мы» от «Они». При этом фактор физического пространства утрачивает свою значимость: интернет включает в С. одних людей и исключает других[2].

состояние становления **– state of becoming –** перманентное состояние современного мира с неопределенным направлением развития, отрезанного как от прошлого, которое перестало носить характер авторитетного руководства к действию, так и от будущего, которое перестало развиваться исходя из жертв и сигналов настоящего. Характеризуется разрывом преемственности[3].

способ жизни – **mode of life –** явная его функция состоит в реализации потребностей и выборов клиентов, способствуя развитию их удовлетворения, а латентная – в адаптации к жизни, в которой хроническое удовлетворение истинных потребностей замещается иллюзорным удовлетворением фантомных потребностей[4].

способность к диалогу – **capacity to dialogue –** предрасположенность «Мы»-группы к тому, чтобы видеть других в качестве достойных для диалога партнеров, что предполагает уважение иностранцев, иммигрантов, людей из других культур. Необходим переход к иному тренду развития, культуре диалога и единения «мы» с «они». В противоположность нео-либерализму, его постулату «нет альтернативы», сегодня, как никогда прежде, необходимо осознание того, что «мы – жители Земли, находимся в ситуации или – или: или нас ждет единение рук, или общая могила»[5].

счастье **– happiness –** в условиях «текучей современности» - поиск, стремлении к благополучию, подталкиваемому чувством неудовлетворенности. Состояние покоя в текучем социуме является синонимом не счастья, а скуки[6].

текучая жизнь **– liquid life –** неустойчивая жизнь, протекающая в состоянии постоянной неопределенности; является неотъемлемым атрибутом современного «текучего социума», в котором даже для того, чтобы оставаться в нынешнем положении необходимо постоянно и усиленно двигаться вперед. Время текучей жизни перестает «идти» и начинает «течь»[7].

трибализм / трайбализм **– tribalism –** обособление на основе

1 См.: *Bauman Z.* Strangers at Our Door. P. 24, 35, 43.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 49-50, 101.
3 См.: *Bauman Z.* The Art of Life. P. 43.
4 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 122.
5 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 164, 167.
6 См.: *Bauman Z.* The Art of Life. P. 27, 29, 44.
7 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 2, 3, 66.

культурного разделения по принципу «Мы» и «Они» групп[1].

«цивилизационный процесс» – "**civilizing process" –** по З. Бауману –является «реформой человеческих манер, а не человеческих способностей, склонностей и импульсов. В ходе цивилизационного процесса акты человеческого насилия исчезли из поля зрения, но не из человеческой природы»[2].

человек выбирающий **– homo eligens / the man choosing –** драйвер рынка товаров и услуг, индивид, выбирающий из представленных опций, еще не принявший решение; подвержен влиянию маркетинговых коммуникаций, существующих для того, чтобы потребности и желания никогда до конца не удовлетворялись[3].

Библиография

1. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Монография / Под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.

2. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика, 2014. № 1. С. 110-124.

3. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 22-30.

4. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО-Университет, 2004.

5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: ЭдиториалУРСС, 2001.

6. Bauman Z. Strangers at Our Door. Malden MA: Polity, 2016.

7. Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017.

8. Bauman Z. Liquid Life. Cambridge: Polity Press, 2005.

9. Bauman Z. The Art of Life. Cambridge: Polity Press, 2008.

References

1. Humanistic twist: the imperative of human civilization. *[Gumanisticheskij povorot: imperativ chelovecheskoj civilizacii]* Monograph / Ed. S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University, 2018.

2. Kravchenko S.A. The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge *[Strela vremeni: sovremennye vyzovy sociologicheskomu znaniyu]*// Sociological Science and Social Practice, 2014. No. 1. P. 110-124.

3. Kravchenko SA, Salygin V.I. A new synthesis of scientific knowledge: the formation of interdisciplinary science *[Novyj sintez nauchnogo znaniya: stanovlenie mezhdisciplinarnoj nauki]* // Sociological research, 2015. № 10. P. 22-30.

1 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 51.
2 См.: *Bauman Z.* Retrotopia. P. 13-14.
3 См.: *Bauman Z.* Liquid Life. P. 33.

4. Culture of tolerance: the experience of diplomacy for solving modern management problems *[Kul'tura tolerantnosti: opyt diplomatii dlya resheniya sovremennyh upravlencheskih problem]* / Ed. I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO-University, 2004.
5. Prigogine I., Stengers I. Order from chaos. A new dialogue between man and nature. *[Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj]*Moscow: EditorialURSS, 2001.
6. Bauman Z. Strangers at Our Door. Malden MA: Polity, 2016.
7. Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017.
8. Bauman Z. Liquid Life. Cambridge: Polity Press, 2005.
9. Bauman Z. The Art of Life. Cambridge: Polity Press, 2008.

КАПТО
Александр Семенович
доктор философских наук,
зав. кафедрой ЮНЕСКО
по социальным и
гуманитарным наукам
Института социально-
политических исследований
РАН, Москва, Россия
19mip90@mail.ru

KAPTO
Alexandr Semenovich
Doctor of Philosophy,
UNESCO Chairholder of Social
studies and Humanities depart-
ment at the Institute of Social
And Political Studies, RAS,
Moscow, Russia
19mip90@mail.ru

Этика социального работника / Social worker's Ethics

Аннотация

Рассматривается генезис и сущность одного из видов профессиональной этики – этические стандарты социального работника, отражающие возрастание роли элит в сфере социальной деятельности. Выделены проблемные области, где возникают этические коллизии. Исследование опирается на международный и отечественный опыт в этой сфере.

Ключевые слова

Социальный работник; профессиональная деятельность; этический кодекс; стандарты поведения; компетентность; честность; справедливость; доверие; профессиональные интересы; профессиональная репутация.

Abstract

The article studies genesis and essence of a type of professional ethics: social worker's ethical standards which demonstrate the growth of a role of top-leaders in social performance sphere. Problem areas where ethical collisions take place are defined. This research bases on worldwide and local experience in this field.

Keywords

Social worker; professional activities; code of ethics; behavior standards; competence; honesty; justice; trust; professional interests; professional reputation.

В условиях дальнейшего реформирования российского общества постоянно возрастает роль элит в сфере социальной деятельности. Этическая позиция социального работника определяется особым, деликатным и гуманным характером этой профессии, обладающей универсальной возможностью удовлетворения человеческих

потребностей в процессе взаимодействия между личностью и обществом. В основе этой деятельности – гуманитарные, демократические, социокультурные и религиозные идеалы, утверждение принципов социальной справедливости, служение во имя повышения благосостояния человека и его самореализации, содействие удовлетворению разносторонних потребностей и чаяний индивидов, социальных групп и общностей, наций, выполнение функций посредника, связующего звена во взаимоотношениях личности, семьи и общества. Эти общие задачи решаются путем конкретизации многообъектной социальной сферы: оказание своевременной социальной помощи семьям и лицам, нуждающимся в ней; укрепление нравственных основ социума, психического и физического здоровья людей; решение в органическом единстве задач образования и воспитания взрослых и детей; обеспечение правовой целесообразности системы служб социальной помощи населению, укрепление правовой и экономической его защиты, организация труда и отдыха.

Основные этические принципы профессии социального работника, рекомендации его поведения с клиентами, с коллегами и представителями других сфер содержатся в принятых Международной федерацией социальных работников (JFSW) документах: Международном уставе этики социальных работников (1976) и. «Этико-социальной работы: принципы и стандарты» (1994).

В Международной декларации этических принципов выделены такие основные принципы профессиональной деятельности социального работника, способствующие существенно повышать качество услуг, предлагаемых клиентам: учет и уважение уникальности как ценности человека; признание того, что каждый человек имеет право на самореализацию до той степени, пока не нарушаются подобные права других людей; приверженность принципам социальной справедливости; обязанность социального работника оказывать максимальную помощь отдельным людям, группам, общинам в их развитии, способствовать разрешению конфликтов между личностью и обществом; недопущение в социальной работе несправедливой дискриминации на основе пола, возраста, физических и умственных недостатков, цвета кожи, социальной и расовой принадлежности, вероисповедания, языка, политических взглядов, сексуальной ориентации. Сюда же относятся и такие принципы: уважение социальным работником основных прав индивидов и групп в соответствии с Декларацией прав человека ООН и другими документами, вытекающими из этого документа; соблюдение социальным работником принципа личной неприкосновенности, конфиденциальности и ответственного использования информации в своей работе; необходимость тесного сотрудничества социального работника со своими клиентами на их благо, но не в ущерб остальным, поощрение к участию в работе клиентов и необходимость их предупреждения о риске и выгодах предполагаемых действий;

возможность прибегать к принуждению в решении проблем одной из сторон за счет ущемления интересов другой стороны лишь после тщательного взвешивания претензий конфликтующих сторон и сведение до минимума применения правового принуждения; несовместимость социальной работы с прямой или косвенной поддержкой индивидов, групп, властных структур в их действиях, направленных на угнетение людей (терроризм, пытки, другие действия).

Проблемными областями, где возникает этические коллизии, являются:

а) испытание лояльности социального работника на стыке интересов: самого социального работника и клиента; отдельного клиента и других людей; группы клиентов; группы клиентов и остальной части общества; систем учредителей и групп клиентов; системы (учреждения) наблюдателя и социальных работников, различных групп профессионалов;

б) сам факт социального работника в качестве помощника и в качестве контролера, что требует уточнения, основанного на отборе ценностей в целях избегания смешивания мотивов при отсутствии их четкости и последовательности, а также необходимость прояснения социальным работником этических моментов своей роли как контролера со стороны государства и определение степени применимости этой роли в соответствии с основными этическими принципами этой деятельности;

в) конфликт между служебной обязанностью социального работника защищать интересы клиента и необходимостью действовать эффективно и рационально.

В «Международных этических стандартах социальных работников» (базируется на принятом МФСР в 1976 г. Международном уставе этики профессиональных социальных работников) сформулированы основные стандарты поведения социального работника и стандарты применительно к конкретным сферам. Основные стандарты поведения социального работника: готовность понять каждого отдельного клиента и систему клиентства, а также все элементы, которые влияют на поведение и предлагаемые услуги; соблюдение и развитие ценностей, знания и методологии профессии, воздержание от поведения, нарушающего правила профессиональной деятельности; признание необходимости профессиональных и личностных ограничений; поощрение использования соответствующих знаний и навыков и применение соответствующих методов для их развития; внесение личного вклада в развитие социальной политики и соответствующих программ; определение и обоснование социальных потребностей, основ и природы социальных проблем (индивидуальных, групповых, общинных, национальных, интернациональных); определение и описание содержания профессии социального работника; соблюдение дифференцированного подхода к публичным заявлениям и действиям социального работника – сделаны они были от его личного имени

или же как представителя профессиональной ассоциации, агентства, организации или другой группы. Выделены стандарты поведения по отношению к клиентам: ответственность по отношению к ним, но в рамках ограничений, установленных этическими требованиями; поддержание права клиента на доверие, конфиденциальность, ответственное использование информации; рассмотрение информации (ее сбор и использование) в качестве сферы профессиональных услуг; недопустимость пользования информацией без предварительного предупреждения клиента (кроме особых случаев, когда клиент не может отвечать за свои поступки или когда это может нанести серьезный ущерб другим); обеспечение права клиента на доступ к записям социального работника и к информации, касающегося его; признание и уважение индивидуальных целей, ответственности и различия клиентов; помощь клиенту, индивиду, группе, общине, обществу в самореализации и максимальном использовании своего потенциала при уважении прав других людей; помощь клиенту в понимании и пользовании профессиональными услугами.

Отдельно сформулированы стандарты поведения социального работника в отношении с коллегами: признание образования, подготовки и осуществление социальной работы коллегами и представителями других дисциплин, расширение с ними сотрудничества с целью повышения эффективности предоставляемых услуг; признание правомерности собственного мнения у коллег и корректности критики в их адрес; обмен знаниями, идеями и опытом со всеми социальными работниками и профессионалами из других областей; активная позиция в борьбе с нарушениями профессиональной этики и стандартов поведения; защита коллег в случаях, когда по отношению к ним проявляется несправедливость.

Стандарты поведения социального работника по отношению к самой профессии: бережное отношение к ценностям, этическим принципам и методологии профессии, внесение вклада в их уточнение и совершенствование; соблюдение профессиональных стандартов в работе и их развитие; защита профессии от несправедливой критики и утверждение идеи о необходимости профессиональной практики; осуществление конструктивной критики профессии, ее теории, методов и практики; содействие появлению новых методов и подходов в работе в ответ на новые или уже существующие потребности.

Важным документом, принятом на национальном уровне, и регулирующим нравственные отношения сотрудников социальных служб, является «Профессионально-этический кодекс социального работника России». Тот факт, что он был утвержден несколько ранее, чем международный документ «Этика социальной работы: принципы и стандарты», свидетельствует о том, что отечественная этическая мысль, активно используя опыт мирового сообщества, по многим ключевым вопросам осуществляет опережающие шаги. В первой части кодекса введена категория «стиль» поведения социального работника,

под которым понимается поддержание им высоких нравственных стандартов, исключение уловок, введения кого-либо в заблуждение, нечестных действий, а также четкое различие заявлений и действий, сделанных им как представителем профессии и как частным лицом.

Содержание категорий «компетентность» и «профессиональное совершенствование» определяется такими положениями: соблюдение социальным работником статуса специалиста-эксперта в своей профессиональной практике и в выполнении своих профессиональных обязанностей; право вести работу только в рамках своей компетентности и в том случае, если он намерен приобрести ее; несение профессиональной ответственности за качество работы, которую он индивидуально ведет, назначает или исполняет; предупреждение возможности негуманного или дискриминационного поведения по отношению к личности или группе людей.

Категория «честность» применительно к этой сфере профессиональной деятельности конкретизируется следующим образом: долг социального работника соизмерять свои поступки с высшими стандартами профессиональной честности; беспристрастно выполнять свои профессиональные обязанности и не поддаваться различным влияниям и нажимам, препятствующим его честному профессиональному служению; недопустимость использования профессиональных отношений в своих личных целях.

В качестве обязательных требований, влияющих на формирование облика социального работника, названы постоянное повышение профессиональных знаний, мастерства, включение его в систему обучения и исследовательскую работу, что означает: четкое осознание последствий вовлечения в исследовательскую работу, которые она будет иметь для человека, личности; объединение всех участников исследовательской работы на основе добровольности, информированности, полного соблюдения личной свободы и достоинства участвующих; обязанность каждого вовлеченного в эксперимент защищать его участников от незаконного физического или душевного дискомфорта, расстройства, опасности или унижения; обязанность профессионального работника, приглашенного для оценки тех или иных служб или процессов, обсуждать их только с профессиональной целью и только с имеющими непосредственное профессиональное отношение к ним лицами; конфиденциальность, полученной в процессе исследования информации; получение социальным работником платы только за реально выполненную работу – только добровольно предлагаемую и на законных основаниях.

Национальный кодекс так определяет этические обязательства социального работника по отношению к клиентам: недопустимость использования им отношений с клиентами в собственных интересах; недопустимость практиковать, способствовать или принимать участие в любых формах дискриминации, основанной на национальности, сексуальных отношениях, возрасте, вероисповедании, семейном

статусе, политической ориентации, умственных или физических недостатках, привилегиях, персональных характеристиках, обязанность всеми имеющимися средствами бороться с подобными явлениями; необходимость избегать связей и отношений, которые идут во вред его клиентам; недопустимость ни при каких обстоятельствах вступать социальному работнику в сексуальные отношения с клиентом.

В соответствии с кодексом социальный работник строит свои отношения с коллегами на основе таких ценностей и норм: уважение; честность; вежливость; справедливость; доверие; деликатность; обращение с коллегами на основе профессиональных интересов и убеждений; оказание коллегам содействия в осуществлении ими этических, профессионально компетентных действий; детальное и честное предоставление клиенту данных о квалификации, точки зрения, творческих находках коллег; действия социального работника в интересах репутации заменяемого им коллеги; недопустимость использования социальным работником конфликтов между коллегой и руководителем в своих интересах и для укрепления своей позиции: уважительное отношение к коллегам, не связанным непосредственно со сферой его работы; доброжелательное, спокойное и подробное доведение социальным работником, выступающим в качестве эксперта, руководителя, наставника, до сведенья коллег условий совместной работы и взаимоотношений; деликатная и беспристрастная манера социального работника при приеме на работу и оценке деятельности других социальных работников; взятие на себя социальном работником профессиональной ответственности за клиента другого коллеги без соответствующих согласований с этим коллегой; обязательность обслуживания клиентов коллег в случае отсутствия последних с таким же вниманием, как и своих «собственных» клиентов.

Этический кодекс так определяет обязательства социального работника по отношению к руководителю или руководящей организации: работа над совершенствованием, корректировкой политики своей организации, повышение эффективности и действенности ее служб; предупреждение и исключение ошибок, недостатков в кадровой политике и практике; использование социальным работником ресурсов руководящей организации очень скрупулезно и только по назначению.

Этическими обязательствами социального работника перед своей профессией в кодексе названы: защита и усиление достоинства и чистоты профессии, ответственность и активность в дискуссиях по совершенствованию профессии; принятие исчерпывающих мер против неэтичного поведения своих коллег; предотвращение неквалифицированной и запрещенной практики социальной работы; недопущение искажений при рекламе своей компетентности, квалификации, услуг, результатов, которые могут быть достигнуты; обязанность за развитие и полное использование профессиональных знаний, для чего социальный работник обязан основывать свою практическую деятельность на профессиональных знаниях, критически

анализировать, оценивать и быть в курсе новых знаний, относящихся к его профессии, вносить свой личный вклад в развитие знаний в области системы служб социальной помощи населению, делиться с коллегами своими знаниями и практическим опытом.

В современных условиях этика социальной работы получает свое качественно новое измерение в контексте решаемой трансформирующемся обществом задачи строительства социального государства. Появление понятия «социальная государственность» относится к концу XIX началу XX вв., хотя идеи социальной политики разрабатывались уже в древности (забота римских императоров о «хлебе и зрелищах» для политики бедных и обездоленных граждан). Стимулировали развитие идеи социальной государственности классовые сражения, в которых проявлялось стремление масс добиться достойных условий существования и самореализации. В определенной степени этому способствовали религиозные заповеди, идеи Просвещения. Об обеспечении человеку жизни, свободы и удовлетворения его стремления к счастью заявлено в 1776 г. в проекте Декларации Независимости США. О способности государства объединить людей в сообщество граждан и его служении всеобщему благу говорил Гегель. Ж.-Ж.Руссо, подвергнувший критике разрыв между государством и гражданским обществом, выдвинул идею их гармонизации. А.Токвиль сделал вывод о возможности контроля за набирающими силу эгалитарными идеологиями и концепциями и выдвинул принцип справедливости в качестве приоритета в минимизации их последствий.

Авторство же понятия «социальное государство» принадлежит Лоренцу фон Штейну, который оценивал любое законодательство и деятельность государства через призму принципа счастья и благополучия для наибольшего числа людей. Модель регулирующего государства сформулирована В.Вильсоном. В «Новом курсе» президента Ф.Рузвельта законодательно закреплены права рабочих на коллективный договор и организацию профсоюзов, на государственные мероприятия по борьбе с безработицей, программы по социальному обеспечению, сокращению рабочего дня, введение пенсий по старости, ликвидацию детского труда. Председатель комитета британского парламента в 1992 г. представил план социального целеустройства общества, ключевыми элементами которого были бы: новая организация социального страхования вплоть до охвата им почти всех граждан государства, организация взаимодействия социальной политики с государственной экономической политикой с целью решения проблем полной занятости, создание государственной бесплатной системы здравоохранения, контроль заработной платы и цен (этот опыт был использован в социальной деятельности Бельгии, Дании, Нидерландов, Швеции).

В этом контексте необходимо сослаться и на такие теории и концепции: рассмотрение «справедливости как честности» в

обществе, представляющем собой кооперацию всеобщей и взаимной связанности индивидов (Дж.Роулс), теория «социальной солидарности» (Л.Дючи), концепция выравнивания положения людей средствами, которые принимаются добровольно на основе всеобщего согласия и договора (К.Дженкинс), концепция сглаживания структурного социального неравенства и предотвращения массового обнищания населения (Д.Крефт и И.Милен), увязывание деятельности государства по социальной защите граждан и рыночной экономики с частной инициативой (Х.Байер), концепция открытости социального государства (М.Арагон). При этом необходимо обратить внимание на то, что в германских источниках преимущественно употребляется термин «социальное государство», в англоязычных же – «общество всеобщего благоденствия».

Россия провозглашена «социальным государством» в 1993 г. (ст.7 Конституции России). Основополагающими принципами, имеющими ключевое значение и для этики социальной работы, являются: признание прав и ответственности государства за выработку и соблюдение правил не только экономического, но и социального поведения всех хозяйствующих субъектов; признание экономический свободы человека на основе реализации профессионального и интеллектуального потенциала и обеспечение таким образом благополучия своего и своей семьи; участие работников в выработке на всех уровнях управленческих решений, имеющих социальные последствия; использование регулирующих функций рынка; государственная поддержка социально уязвимых слоев населения; утверждение социального партнерства и социальной ответственности представителей капитала при правовом регулировании со стороны государства.

Приоритет – адресная социальная система, к основным целевым характеристикам которой необходимо отнести: дифференциацию социальной политики государства в отношении различных слоев населения; корректное выделение категорий получателей социальной помощи; перераспределение социальной помощи для наиболее нуждающихся групп населения; «муниципализация» социальной политики и разумное перераспределение функций в этой сфере между центром и регионами; перевод системы социального страхования на принципы добровольного страхования социального риска; четкое разграничение полномочий в реализации социальной политики между уровнями бюджетной системы.

Библиография

1. Авилова Н.А. Этика деловых отношений. Курск, 1994.
2. Артюнов В.Е. Профессионализм как социокультурное качество человеческих ресурсов и реформ образования // Материалы Российской конференции «Реализация президентского курса реформы». М., 2002.

3. Бербешкина З.А. Этика социального работника. Теория и практика социальной работы: проблемы, прогнозы, технологии. М., 1993.
4. Данилин А.С. Смысл и профессиональные особенности социальной работы // Российский журнал социальной работы. 1995. №1.
5. Демидова Т.Е. Профессиональное общение социального работника. М., 1994.
6. Дэ Джордж Р.Т. Деловая этика. М., 2003.
7. Капто А.С. Профессиональная этика. Москва – Ростов-на-Дону, 2006.
8. Медведева Т.П. Этика социальной работы. М., 2002.
9.

References

1. Avilova N.A. Ethics of business relations.[*EHtika delovyh otnoshenij*] Kursk, 1994.
2. Artjunov V.E. Professionalism as a sociocultural quality of human resources and educational reforms[*Professionalizm kak sociokul'turnoe kachestvo chelovecheskih resursov i reform obrazovaniya*] // Proceedings of the Russian Conference "Implementation of the Presidential Course of Reform". M., 2002.
3. Berbeshkina Z.A. Ethics of the social worker. Theory and practice of social work: problems, forecasts, technologies.[*EHtika social'nogo rabotnika. Teoriya i praktika social'noj raboty: problemy, prognozy, tekhnologii*] M., 1993.
4. Danilin A.S. Sense and professional features of social work[*Smysl i professional'nye osobennosti social'noj raboty*] / / Russian Journal of Social Work. 1995. № 1.
5. Demidova T.E. Professional communication of a social worker.
[*Professional'noe obshchenie social'nogo rabotnika*] M., 1994.
6. Dae George R.T. Business ethics.[*Delovaya ehtika*] M., 2003.
7. Kapto A.S. Professional Ethics.[*Professional'naya ehtika*] Moscow - Rostov-on-Don, 2006.
8. Medvedeva TP Ethics of social work.[*EHtika social'noj raboty*] M., 2002.

РАЗИНКОВА
Оксана Игоревна
аспирант кафедры «Философия и культурология» Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ), Москва, Россия
oksana-mk@bk.ru

RAZINKOVA
Oksana Igorevna
graduate student of the Department of Philosophy and Culturology of the Russian Transport University (RIT (MIIT), Moscow, Russia
oksana-mk@bk.ru

Особенности русской воспитательной коммуникации как условие социализации ребенка / Features of Russian family education as a condition for socialization of the child

Аннотация

Статья посвящена особенностям процесса социализации и формирования коммуникативной компетенции ребенка в семье. Специфика общения в русских семьях, основанная на монологичности и дидактизме, уходит своими корнями глубоко в историю русского быта, где главным социальным дискурсом было такое явление как благословение. Воспитательные диалоги современных родителей в большинстве своем построены по тому же принципу наставления, комментария, инструкции, что и много столетий назад. Правильно выстроенное коммуникативное поведение родителей, основанное на партнерстве и кооперации, способствует не только обогащению и совершенствованию речевого, коммуникативного опыта ребенка, но и социального, практического, что в дальнейшем позволит ему добиваться успехов в бытовом, личном и профессионально-деловом общении.

Ключевые слова

Социализация; ребенок; взрослый; речевая компетенция; коммуникация; родительское благословение; дискурс; авторитарность; традиции; семья.

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the process of socialization and formation of the communicative competence of the child in the family. Specificity of communication in Russian families, based on monologue and didacticism, has its roots deep in the history of Russian family life, where the main social discourse was such a phenomenon as a blessing. Educational dialogues of modern parents are mostly built on the same principle of teaching, commentary, instruction, as many centuries ago. Correctly built communicative behavior of parents, based on partnership and cooperation, contributes not only to enriching and improving the child's speech, communicative experience, but also social, practical, which in future will allow him to achieve success in everyday, personal and professional-business communication.

Keywords

Socialization; child; adult; speech competence; communication; parental blessing; discourse; authoritarianism; traditions; family.

Воспитательная коммуникация в семье играет важную роль в процессе становления и жизнедеятельности ребенка. Без полноценного общения «ребенок-взрослый» и «взрослый-ребенок» невозможен процесс индивидуализации и формирования личности. С появлением на свет ребенок моментально погружается в социальное пространство и от того как будет строиться его взаимодействие со взрослыми, будет зависеть становление диалогичного сознания, осознания соотношения Я-Другой[1]. Российская традиция изучения детской речи и мышления отсылает нас к психологической школе Л.С. Выготского, который акцентировал внимание на том, что индивидуально-психологическое и когнитивное развитие ребенка обусловлены социальным взаимодействием. Взрослый вводит ребенка в мир социальных отношений, а значит в мир дискурса. Термин «input» (англ.-ввод), часто применяющийся в различных областях знаний, в лингвистике используется в качестве явления, под которым понимается речь взрослого, на основании которой происходит становление языковой системы ребенка. Ребенок приобретает навыки дискурсивной компетенции. Многочисленные работы авторитетных ученых, таких как С. Н. Цейтлин, Н. И. Лепская, Т. В. Базжина, В. В. Казаковская, Е. И. Исенина и др., посвящены исследованию основополагающей роли взрослого и всей речевой среды, в которую включен ребенок, в его речевом развитии и, шире, в его социализации. По мере взросления и вхождения в социум источников «input» становится все больше. Ребенок задействован в общении со сверстниками, воспитателями в саду, учителями, его речевое поведение формируется под влиянием самостоятельного чтения, просмотра телевизора, компьютера. Роль этих источников постоянно меняется, но основополагающим и определяющим в речевом развитии ребенка остается коммуникативное поле, формирующееся в семье.

В исследованиях Т.В. Базжиной уделяется особое внимание специфике русской воспитательной коммуникации. Она отмечает, что сегодня все чаще звучит «negative input» – как стериотипная «пресуппозиция» - взрослый априори знает и умеет больше, он доминирует в коммуникации, он учит ребенка, а ребенок учится»[2]. Эмпирическое доказательство данного явления мы находим в работах О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой, где исследуется такое явление родительской культуры как авторитарность. Готовность ограничивать, требовать, навязывать свою волю, наказывать проявляется у современных родителей на высоком уровне, при этом матери руководствуются благом ребенка – заботой о качестве его жизни и

1 Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» (на материале русского языка): АКД.- Санкт-Петербург, 2006

2 *Базжина* Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 5-12.

будущем[1].

С одной стороны авторитарность существует как устойчивое личностное образование, с другой, внешние условия, социальные ситуации, т.е. средовые факторы могут усилить или ослабить авторитарные установки как в обществе в целом, так и внутри коммуникационного поля в семье. Так, например, древнерусская литература насыщена нравоучительным содержанием. На Руси был популярен такой жанр как «поучение». Определенный опыт жизни и размышлений описывался, как правило, именно в собрании наставлений следующему поколению, т.е. детям. Нравоучительными были также летописи, послания, нравоучительным тоном пронизаны жития святых. Данная традиция выработки навыка неукоснительного подчинения власти, исходящей от взрослого и сегодня имеет место быть в русскоязычной коммуникации. Как отмечает Т.В. Базжина, что «наше коммуникативное поле необычайно мощно заряжено дидактической энергией – все друг друга неустанно воспитывают. Учеников нет – одни учителя»[2]. Исследование О.Н.Безруковой и В.А.Самойловой служит наглядным примером данного постулата. Результаты опроса 500 матерей и 25 глубинных интервью в Санкт-Петербурге в 2012 году показали, что большинстве своем представления о родительской роли связаны с конвенциональными установками, проявляющимися в функции наставничества и руководства – *«воспитывать, обучать, передавать свой опыт»* (51,3%). Главный фактор, обуславливающий коммуникативную уникальность становящейся личности, это коммуникация «родитель-ребенок». Но как показывает исследование ориентация на дружескую, партнерскую и поддерживающую родительскую роль стоит лишь на втором месте – *«быть другом, научиться поддерживать и уважать своего ребенка»* (44,8%).[3]

Сложившаяся тенденция детско-родительского дискурса в современной России отсылает нас к традициям коммуникации, формировавшимся на протяжении тысячелетий. Благословение как одна из форм речевого жанра межличностной коммуникации в семье играла важную роль в системе духовных ценностей русского народа.

Устное народное творчество сохранило различные былины, сказки, легенды, частушки, пословицы и поговорки, свадебные и рекрутские причитания, в которых передается непосредственное отражение того, как воспринималось в народе родительское благословение. Данное явление было настолько важной культурной ценностью, что на протяжении столетий существовала традиция просить детям родительское благословение во многих бытовых ситуациях. Дети просили благословение утром - на предстоящий день

1 См.:Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 43-53

2 *Базжина* Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 5-12.

3 См.:Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 43-53

и вечером - на сон, чтобы пойти гулять на улицу, сделать работу по дому и принять пищу. Самым главным родительским благословением – было благословение на брак. Данная традиция настолько глубоко вросла корнями в русский семейный быт, что по настоящее время сохраняется во многих православных семьях.

Таким образом, движущей силой большинства русских бытовых дискурсов были дидактические наставления, указания родителей. Благословение в коммуникативном поле семьи выполняло функцию разрешения, одобрения того или иного действия ребенка. От детей ожидали покорности и беспрекословного подчинения родительскому слову.

Современное воспитательные диалоги «взрослый-ребенок» выстраиваются по тому же жанру комментариев, инструкции, наставлений, причитаний. Властность родителя проявляется в том, что вполне привычными и избитыми звучат сегодня такие фразы, как: «будешь себя так вести – отдам милиционеру», «сиди тихо, не позорь меня», «хорошие девочки себя так не ведут». Вопросно-ответные реплики чаще всего выстраиваются не в форме полноценного ответа на вопрос ребенка, а лишь указанием «не трогай, сломается», «не подходи, а то разобьется». Таким образом, на вопрос ребенка «что это?» не следует развернутого ответа о предмете, а лишь указание действия. П.Вацлавик обращает внимание, что в коммуникации «взрослый-ребенок» исходит лишь навязывание своего мнения, своих правил и условий [1]. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова эмпирическим путем доказывают данное положение. Сравнительно большое количество матерей требуют от детей немедленного подчинения власти взрослого, что подразумевает коммуникативное принуждение. Многие из участвующих в опросе хотят, чтобы ребенок мыслил в тех категориях, что и взрослый и принимал то положение вещей, которое им навязывают родители.

Анализ установок, касающихся коммуникации внутри семьи, показал «авторитарную гиперсоциализацию» родителей, где на первое место выходит такой показатель, как соблюдение социальных норм (правил и законов) с самого раннего детства – 93,8%. Достаточно высокий процент опрашиваемых считает что, ребенку нужно объяснять лишь тогда, когда он в состоянии это понять – 91,3. Еще одна интересная установка современных мамочек – у ребенка не должно быть секретов от родителей – 82,3%.[2]

Таким образом, остается открытым очень важный вопрос, как в таких условиях ребенок все-таки приобретает навыки дискурсивной компетенции и социализации? Ведь способность поддерживать инициативу ребенка, уважать его право на автономию, проявлять

1 См.: Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия./ Пер.с английского А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, Эксмо-пресс. 2000., с.- 142

2 См.:Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 43-53

терпимость, вести диалог – условия, которые необходимы для развития самостоятельной, творческой, активной личности. В.В. Казаковская отмечает, что «коммуникативная компетенция предполагает способность не только участвовать в диалоге, но и продуцировать монолог: она включает умения использовать языковую систему разными способами в соответствии с определенной речевой ситуацией – умения пользоваться различными моделями речевой деятельности в диалоге и монологе, в результате чего приобретается речевой опыт»[1].

Как выяснилось, в русской воспитательной коммуникативной культуре были заложены традиции общения с позиции силы, признания нормой то, что говорит взрослый. Специфика общения «взрослый - ребенок», формирующаяся в детстве и построенная на доминировании, монологичности, стремлении взрослого властвовать, привела, как отмечает Т.В. Базжина, к «повальному дидактизму», а это «…есть не что иное, как вроде бы цивилизованная форма насилия и агрессии, густо пропитавших атмосферу общественной и частной жизни»[2]. Важно, что такого рода «дидактизм» не заканчивается периодом детство, проявляясь в различных сферах жизни взрослого человека: бытовой коммуникации, педагогическом и политическом дискурсе. Авторитарность как определенная установка семейных дискурсов, а также как упрощенное, стереотипное восприятие родительских ролей, недифференцированное и формализованное отношение к ребенку, мешает адекватному восприятию и конструктивной оценке изменений, касающихся различных сфер жизни, поиску активных стратегий, соответствующих новым вызовам. Именно воспитательный диалог, свойственный русской социокультурной традиции коммуникации, основанный на подчинении воле и слову взрослого, переходит в повседневную жизнь каждого человека. А за этим возможно и кроется массовый процесс инфантилизации не только подрастающего поколения, не способного самостоятельно принимать решения, но и всего общества.

Таким образом, специфика общения ребенка, формирующаяся дискурсивная компетенция, составляют основу социализации ребенка, включения его в систему социального взаимодействия с принятием той или иной роли. Вступая в многообразные контакты с окружающей действительностью, обществом, ребенок обогащает и совершенствует не только свой речевой, коммуникативный опыт, но и социальный, практический, что в дальнейшем позволяет ему добиваться успехов в бытовом, личном и профессионально-деловом общении. Главная проблема, определить возможности демократизации семейных дискурсов с целью преодоления разрыва между провозглашаемыми демократическими ценностями и инерцией авторитарного сознания

1 *Казаковская* В. В. Развитие диалога:к вопросу о соотношении компетенций// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 30-33

2 *Базжина* Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 5-12.

в российском обществе? Сегодня задача заключается в том, чтобы кардинально менять воспитательные диалоги родителей, которые должны строиться на основе партнерства, кооперации, доверия и уважения. Коммуникативное поле в семье должно выстраиваться по принципу согласованности, партнерства собеседников, благодаря чему ребенок учится воспринимать чужое мнение и высказывать свое. Тогда ребенок сам сможет выбирать быть ему по жизни «ведомым» или «ведущим».

Библиография

1. Базжина Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 5-12.

2. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С.43-53

3. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия./ Пер.с английского А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, Эксмо-пресс. 2000., с.- 142

4. Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» (на материале русского языка): АКД.- Санкт-Петербург, 2006

5. Казаковская В. В. Развитие диалога:к вопросу о соотношении компетенций// Проблемы онтолингвистики 2009: Материалы межд. конференции. СПб., 2009. С. 30-33

References

1. Bazhina, T. V., Specificity of Russian Educational Communication, Problems of Ontolinguistics [Specifika russkoj vospitatel'noj kommunikacii// Problemy ontolingvistiki], 2009: Materials of Int. conference. St. Petersburg, 2009. p. 5-12.

2. Bezrukova ON, Samoylova VA Authoritarianism in the Parental Culture of Mothers // Sociological Research [*Avtoritarnost' v roditel'skoj kul'ture materej // Sociologicheskie issledovaniya*], 2016. No. 8. P.43-53

3. Václavik P., Bivin D., Jackson D. Pragmatics of human communications: The study of patterns, pathologies and paradoxes of interaction [*Pragmatika chelovecheskih kommunikacij: Izuchenie patternov, patologij i paradoksov vzaimodejstviya*], Translated from English by A. Suvorova. - Moscow: April-Press, Eksmo-press. 2000., p. 142

4. Kazakovskaya V.V. Voprosno-reciprocal unity in the dialogue "adult-child" (on the material of the Russian language)[*Voprosno-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyj-rebenok*» (*na materiale russkogo yazyka)*]*:* AKD. - St. Petersburg, 2006

5. Kazakovskaya, V. V. The development of dialogue: to the question of the relationship of competences // Problems of ontolinguistics [*Razvitie dialoga:k voprosu o sootnoshenii kompetencij// Problemy ontolingvistiki*] 2009: Materials of Int. conference. St. Petersburg, 2009. pp. 30-33

ВОРОПАЕВА
Ася Васильевна
кандидат философских наук, доцент
старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

VOROPAEVA
Asya V.
candidate of philosophy, associate Professor
senior researcher, the data of the FRMC, RAS, Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

КОРОСТЕЛЕВА
Л.Ю.
кандидат социологических наук
старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

KOROSTELEVA
L. Yu.
candidate of social Sciences
senior researcher, the data of the FRMC, RAS, Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

Круглый стол Гуманитарного института РУТ (МИИТ) на тему: «50-летие Института социологии РАН»/ Round table of the Humanitarian Institute RUTH (MIIT) on the topic: “50th anniversary of the Institute of sociology»

17 мая 2018 года в Гуманитарном институте РУТ (МИИТ) состоялось заседание круглого стола с участием социологов Института социологии РАН, преподавателей и студентов. Тема заседания**: «50-летие Института социологии РАН».**

В работе круглого стола приняли участие известные советские и российские социологи**: Дмитриев Анатолий Васильевич**, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН ФНИСЦ, главный редактор журнала «Социология образования»; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество»; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН ФНИСЦ, главный редактор журнала «Поиск»; научные сотрудники Центра межнациональных отношений Института социологии РАН, группы конфликтогенности миграции; **Воропаева Ася Васильевна**, кандидат философских наук, доцент; **Коростелева Лариса Юрьевна**, кандидат социологических наук. От кафедры психологии, социологии, государственного и

муниципального управления РУТ (МИИТ) приняли участие **Быков Михаил Юрьевич**, зав. кафедрой, кандидат исторических наук, доцент; **Анисимова Татьяна Германовна** доктор социологических наук, профессор; **Сазонова Анна Львовна**, кандидат социологических наук, доцент; **Данилова Елена Александровна**, кандидат социологических наук, доцент.

С приветственным словом к участникам заседания круглого стола выступил директор Гуманитарного института РУТ (ММИТ), доктор политических наук, профессор **А.А. Горбунов**. Открыв работу круглого стола, он подчеркнул важность расширения сотрудничества научных и образовательных институтов и, в частности, укрепления связи социологической науки и академического образования.

Заседание круглого стола было посвящено истории советской и постсоветской социологии, обсуждению значимых теоретических результатов и участию социологов в российской и мировой науке. О достижениях отечественной социологии, о ее развитии и трансформации мало кто знает из студентов-социологов. Донести хотя бы часть этого богатства до преподавателей и интересующихся студентов – будущих специалистов в области социологии – одна из важнейших задач известных российских ученых-социологов.

С основным докладом на тему: «50-летие Института социологии РАН» выступил главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор **А.Л. Маршак.**

Докладчик обратил внимание на то, что за долго до образования решением Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 года Института конкретных социальных исследований (ИКСИ), социология развивалась в нашей стране. Её истоки уходят в начало XIX века и связаны с созданием Социологического института в Париже (1907 г.) и Социологического общества Ковалевского (1916 г.). В первые годы советской власти были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах, а в 1919 году создан Российский социологический институт. Позднее, в 30-40-е годы научное исследование по социологии проводилось Центральным институтом труда на предприятиях и в трудовых коллективах различных городов.

Еще до создания ИКСИ (1968 г.) в стране формируются различные центры: в Горьком (ныне Нижний Новгород), в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Свердловске (ныне Екатеринбург), Одессе, а также в ряде союзных республик. Особенно важным было создание Советской социологической ассоциации (1958 г.) – профессионального объединения социологов, открывшего возможности для международного обмена и участия в мировых социологических конгрессах.

Но создание ИКСИ способствовало завершению определенного этапа конституирования социологической науки, и с этого момента история развития отечественной социологии была связана с деятельностью этого научного учреждения. Наступает период

«социологического ренессанса» (А.С. Капто). Период этот был не прост, а порой отмечен драматическими событиями.

К их числу следует отнести обсуждения «Лекций по социологии» Ю.А. Левады. В ноябре-декабре 1969 года, инспирированное кафедрой философии МВПШ (Попов С.И.). Обсуждение, приняло резкий, демагогический характер и вылилось в нападки на социологию как науку. В свою очередь это привело к серьёзным структурным и кадровым изменениям института. В 1972 году институт был переименован в Институт социологических исследований АН СССР и вскоре директором был назначен член-корреспондент Академии наук М.Н. Руткевич. Это имело некоторые положительные результаты. В частности, расширилась издательская деятельность, укрупнилась тематика исследований, усовершенствовалась структура института. Характерно, что именно в этот период начинается разработка идеи о необходимости социологического образования в вузах. Идея эта муссировалась много лет, и только с 1987 года началась подготовка кадров в Московском и Ленинградском университетах (МГУ и ЛГУ), а затем в ряде других крупных институтов страны. С 1988 года ВАК включил социологию в перечень научных специальностей для защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Однако нужно отметить, что за долго до этого, определенная работа по социологическому просвещению велась в системе партийной учёбы. Начиная с 1968 года в системе университетов марксизма-ленинизма (в начале при Ленинградском ГК КПСС, а затем Московском ГК КПСС) были созданы социологические факультеты с двухгодичным обучением партийного актива. Слушателям давалась серьёзная социологическая подготовка по специальным учебным программам с учетом новейших достижений отечественной и мировой социологической мысли. Выпускники получали диплом, где значилось, что они прошли подготовку в сфере высшего политического образования со специализацией «социология». Факультет при МГК КПСС имел огромную популярность, ежегодный приём составлял до 350 слушателей из числа партийного актива. Работа на факультете велась силами ученых Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В 1976 году вышло Постановление ЦК КПСС, в котором указывалось на недочёты в работе ИКСИ, что повлекло кадровые изменения в его руководстве. С 1976 года директором был назначен член-корреспондент АН СССР, специалист по социальной статистике Т.В. Рябушкин. В этот период особенно активно развиваются межрегиональные и международные связи отечественных социологов, проводятся региональные исследования. Однако, наиболее продуктивный период развития отечественной социологии падает на 80-е годы XX столетия. Это совпало с назначением на пост директора института доктора философских наук, профессора В.Н. Иванова. Институт становится действительно головным в социологической науке. Укрепляются

региональные связи, проводится ряд крупномасштабных комплексных социологических исследований, ученые-социологи становятся заметными исследователями на международной арене. Укрепляются связи с социологическими центрами ряда крупных европейских стран. Значительную роль в этом сыграло участие наших социологов в работе очередного Мирового социологического конгресса Индии.

Наступившая «перестройка» не смогла не сказаться на процессах в социологической жизни. Разобщенность в идеологических установках привела к тому, что произошёл раздел института на два научных учреждения: Институт социологии РАН (директор В.А. Ядов) и Институт социально-политических исследований РАН (директор Г.В. Осипов). Каждый из институтов имел свою научную направленность и сферу научной деятельности. До определенного момента такое раздвоение было оправданным и приносило положительные результаты. Однако с течением времени стало очевидным, что подобная разобщённость нарушала единство и целостность социологической науки. Кроме того в сфере социологической науки к началу XX века сформировался мощный творческий коллектив – Институт социологии РАН (директор М.К. Горшков). За данный период сотрудники института провели множество комплексных социологических исследований по актуальным проблемам общественного развития, выпустили фундаментальные работы по методологии социологических исследований и важнейшим проблемам российской государственности. В результате социология в стране приобрела публичный характер. Поэтому в декабре 2016 года было принято решение о реорганизации Института социологии РАН в единое научное учреждение – Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) путём присоединения к нему ряда региональных социологических центров. Директором ФНИСЦ РАН после единогласного выдвижения коллективном Института социологии РАН (ИС РАН) был утверждён известный социолог академик РАН М.К. Горшков, ранее занимавший пост директора ИС РАН.

Перед центром поставлены серьёзные задачи по консолидации социологических исследований, по основательному анализу конкретного состояния общественных отношений российского общества, реальной оценке социологической науки и её роли в решении важнейших задач общественного развития. Центр должен выработать единую методологию социологической науки, выйти на уровень инновационных методик для определения новых подходов в развитии российского общества.

В заключение профессор А.Л. Маршак отметил, что социологам необходимо выйти на уровень создания социологических школ, пересмотреть ошибочные теории и активно использовать достижения российской социологии; в области обществоведения возродить социологическую подготовку, сделать социологию обязательным компонентом федеральных стандартов.

В ходе работы круглого стола выступающие, основываясь на своих знаниях об этапах развития социологии в России, особое внимание уделяли социологическим школам. В своем выступлении член-корреспондент РАН **А.В. Дмитриев** подчеркнул роль ленинградской, а также и других школ, в развитии социологической науки. По этому поводу он внес несколько своих замечаний.

Первое, на чём акцентировал внимание А.В. Дмитриев, было сообщение, что в 60-е годы прошлого века, когда начал, а затем продолжил свою деятельность «Сектор новых форм труда и быта» при Институте философии РАН, в нашей стране уже существовали творческие коллективы социологов, причем совершенно независимые, а зачастую незнакомые с результатами исследований обозначенного сектора. Да и его название вообще не содержало термина «социология».

Второе, что отметил выступающий, по мере своего автономного существования эти коллективы превратились в школы, имеющие собственную тематику (ленинградская, пермская, свердловская, красноярская и другие).

В Ленинграде традиционно важной обозначилась школа историков русской социологии в рамках философского факультета университета (Б.А. Чагин, А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров, М.А. Киссель, В.И. Синютин и др.). К началу XXI века в вузах Санкт-Петербурга специалистов в области истории русской социологии насчитывалось более 20 человек.

Наиболее же значимый вклад в теорию и практику социологических исследований внесли две другие группы, действующие на отдельных полях –это коллективы под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова, О.И. Шкаратана и Л.С. Бляхмана. В университете были созданы две лаборатории: одна под руководством В.А. Ядова, другая (социальная психология) Е.С. Кузьмина (1962 г.). Российские специалисты хорошо знают их работы. Другая, не менее значимая группа, функционировала в составе В.Р. Полозова, В.Я. Ельмеева, Б.Р. Рященко и других видных специалистов в области социально-экономического планирования на предприятиях.

А.В. Дмитриев подчеркнул, что было бы несправедливым не отметить таких значимых ленинградских социологов как А.Г. Харчева (социология семьи), В.Т. Лисовского (социология молодежи), С.И. Кона, И.С. Голод (гендерные отношения), Б.М. Фирсова (СМИ) и других. Эти специалисты по своему уровню не уступали московским, а зачастую и превосходили их. Почему же многие из упомянутых лиц впоследствии переехали в Москву? Можно назвать в первую очередь то, что в 70-80-е годы в столице появились новые возможности как престижного, так и финансового характера (участие в международных встречах и конференциях, издательские преимущества, потенциал внутри-академических и вузовских перемещений и прочие столичные блага). Были и личные причины… В московские организации переехали на

постоянную работу А.Г. Харчев, А.Г. Здравомыслов, А.В. Дмитриев, О.И. Шкаратан, И.С. Кон и другие. Ныне название ленинградской школы несколько поблекло, что не мешает новому поколению социологов уверенно заявлять о себе.

В ходе обсуждении доклада выступил член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов**. В дополнение к докладу профессора А.Л. Маршака он отметил, что вопросы истории возрождения социологии в нашей стране приобрели особую актуальность не только в связи с 50-летием Института социологии, но и в связи с необходимостью дополнить и уточнить уже написанное на эту тему. В значительной мере эту задачу решает увидевшая свет на днях книга д.ф.н. А.С. Капто «Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было». Эту книгу, по мнению Вилена Николаевича, следует рекомендовать как учебное пособие для студентов, аспирантов и как справочную литературу для преподавателей.

В.Н. Иванов проинформировал всех присутствующих, что к юбилею Института социологии РАН, в котором ему довелось работать в течение 17 лет, в том числе с 1983 по 1988 гг. в должности директора, планируется издание книги «Социология СССР. Записки директора института». По замыслу автора это будет второе, дополненное издание. Дополнение произойдет за счет материалов, предоставленных ему коллегами из других научных учреждений, а также за счет существенно расширенного показа развития «ведомственной социологии», в частности, социологии в системе МВД, военной социологии и размещения материала по «закрытой» социологии, т. е. исследованиям по темам, инициированным КГБ СССР. В.Н. Иванов добавил, что не все сегодня, наверно, знают, что в Институте в течение почти 20-ти лет успешно функционировал закрытый отдел, проводивший крупномасштабные исследования в связи с обострившимся идейным противоборством с Западом (идеологические диверсии), а также уделявший значительное внимание изучению негативных процессов и явлений в советском социалистическом обществе.

В книге предполагается рассказать о важнейших событиях, характеризующих «социологическое наступление» в 80-е годы прошлого столетия; представить основные документы, на основе которых строилась вся научно-исследовательская работа Института; кратко поведать о тех, кто стоял «у руля» Института в разные годы его функционирования.

После интересной информации докладчиков студенты Гуманитарного института стали задавать вопросы. Студента группы ГСЛ-211 **Сергея Муравьева** интересовали перспективы развития современной российской социологии, а также вопрос: «Как обеспечить реализацию рекомендаций научных исследований в практике управления общественными процессами?». Отвечая на заданный вопрос, профессор А.Л. Маршак, подчеркнул, что принятие политических решений обусловлено многими факторами, и одним из

них являются данные социологии.

Студентка группы ГСЛ-311 **София Анисимова**, адресуя вопрос чл.-корр. РАН Дмитриеву А.В., спросила о том, чем обусловлен его интерес к такой необычной сфере исследования как социология юмора. Ученый-конфликтолог отметил, что юмор – это способность воспринимать жизнь с положительной стороны, что является основой любой творческой и научной деятельности. Тем более что среди ученых-социологов, как мы видим, есть публицисты, писатели, поэты. Так, в среде социологов давно известна поэзия В.Н. Иванова. Вилен Николаевич с удовольствием прочитал некоторые из уже изданного сборника стихов. Профессор А.Л. Маршак дополнил поэтическую паузу в работе круглого стола собственными дружескими эпиграммами.

Подводя итоги заседания, директор Гуманитарного института РУТ профессор **Александр Александрович Горбунов** подчеркнул плодотворность работы круглого стола и выразил надежду на продолжение творческого сотрудничества ученых ФНИСЦ РАН и кафедры психологии, социологии, государственного и муниципального управления РУТ (МИИТ).

После подведения итогов заседания с номерами художественной самодеятельности выступили студенты РУТ (МИИТ), показав себя с творческой стороны. В завершение мероприятия студенты-социологи выразили интерес к ФНИСЦ РАН, в частности, к обучению в аспирантуре. На память все участники круглого стола сфотографировались с руководством Гуманитарного института РУТ (МИИТ).

Итоги работы круглого стола убедительного свидетельствуют о необходимости и плодотворности контактов ученых-социологов Института социологии РАН (ФНИСЦ РАН) и Гуманитарного института РУТ (МИИТ). Высказано предложение о традиционном проведении таких встреч.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ[1]

XXXVI Международная научно-практическая конференция «Исследование различных направлений современной науки». Для участия в конференции необходимо направить материалы до 23 апреля 2018 г. (включительно).

XXXVII Международная научно-практическая конференция «Actual scientific research 2018». Прием материалов осуществляется до 27 апреля 2018 года (включительно).

Международный конкурс «Лучшее научное исследование - 2018». Желающие принять участие в конференции должны направить материалы до 30 апреля 2018 г.

Международный электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и разработки». Прием материалов осуществляется до 30 апреля 2018 г.

Международная научно-практическая конференция «Формирование культуры безопасности жизнедеятельности в образовательной среде: приоритеты, проблемы, решения». Завершение срока приема материалов – 16 мая 2018 г. Конференцию проводит 16 мая 2018 года в Москве Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

XIV Международная научно-практическая конференция «Advances in Science and Technology». Окончание приема материалов - 30 апреля 2018 г.

XV Международная научно-практическая конференция «Eurasiascience». Завершение срока приема материалов - 31 мая 2018 г.

«Юридическая наука в XXI веке»: круглый стол № 1 – вопросы теории и практики. Последний день приема материалов – 30 апреля 2018 года. Состоится 30 апреля 2018 года в г. Шахты Ростовской области.

XVI Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире». Материалы для участия в конференции принимаются до 30 июня 2018 года включительно.

1 Подробности на сайте: http://www.kon-ferenc.ru.

Международная научно-практическая конференция «Главные характеристики современного этапа развития мировой науки». Представление документов в оргкомитет конференции до 18 апреля 2018 г. (включительно).

Международный научно-практический электронный журнал «Форум молодых ученых». Вы можете прислать статью в наш Журнал, мы ее опубликуем в течение 3-х дней в текущем номере. Раз в месяц формируется pdf-версия журнала.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр**. Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направить копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

http://журналпоиск.рф

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal “P.O.I.S.K” must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp**. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;

- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;

- The author’s certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author’s edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

http://журналпоиск.рф

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 3 (68)
Май - Июнь 2018 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель149ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф